

ОСТАВА
№ 44

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

СКАНДИНАВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ — ВОИТЕЛЬНИЦЫ
ВАЛЬКИРИИ
АНАТОМИЯ ДУШИ

ПРАЗДНИК "ДЕНЬ ЖЕНЫ"
ЖЕНЩИНЫ-ВИКИНГИ В АМЕРИКЕ
СУННА: ЗАБЫТАЯ БОГИНЯ СОЛНЦА

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР №44

ОСТАРА 2024

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль
(Киев — Краков)
Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)

Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal, Helna Lohen

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

Обложка:

Художник — Alessia H. Valastro ©
Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

Редакция выражает благодарность за помощь при подготовке журнала: Олесе Шмелевой и мастерской «Гномы Севера», И.Б.Губанову, Евгению Папакуль, Маргарите Папакуль, О.А.Маркеловой, А.Стальсберг, Esgal, Анне Блейз, Дмитрию Даммеру, Тимофею Ермолаеву, Катерине Андреевой, Виталию Гришину, Василию Баринцеву, Helna Lohen, Ulfr Gunnarsson, О.В. Кутареву, Einar Nicholasson, Аркадию Солонину, Константину Пирожкову, Элиасу Отису, Шамиру Алкамяну, Aftakarok, Александру Аринушкину, Vindur, Alessia H.Valastro, Юрию Перебаеву, а также паблику «Библиотека викинга».

Наши контакты:

http://vk.com/yggdrasil_ukr
годорд Иггдрасиль

<http://vk.com/friggerock>
Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>
открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

Новости	5
Люди, с которыми нам по пути	
Маргарита Папакуль (Латышкевич)	9
Исследования	
Торговый инвентарь женских погребений эпохи викингов А.СТАЛЬСБЕРГ	16
Образ Брюнхильд в текстах «Поэтической Эдды» Евген ПАПАКУЛЬ	22
Формула клятвы на священном кольце священный пир как базовые элементы сакральной и правовой культуры в древней Скандинавии Илья Борисович ГУБАНОВ	26
День жены (konudagr) Василий БАРИНЦЕВ	34
Анатомия Души Аркадий СОЛОНИН	35
Толкин и скальдический стих Константин ПИРОЖКОВ	39
Ветер странствий	
Кемпер-путешествие по Исландии: полуостров Снайфедльснес Катерина АНДРЕЕВА	42
Переводы	
Гудрид и Фрейдис — женщины-викинги, побывавшие в Америке Стефан ХЕГБЕРГ. Перевод: Анастасия ТИШУНИНА	49
Скандинавские женщины — воительницы Перевод: Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)	56
Сунна: забытая богиня солнца Софи ОБЕРЛАНДЕР. Перевод: Анна БЛЕЙЗ	60
Валькирии, «выбирающие убитых» П. ДЖЕННИГС. Перевод: Ульф ГУННАРССОН	63
Дорога в Хель Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН. Перевод: ESGAL	70
A Book of Troth Эдред ТОРССОН. Перевод: Дмитрий ДАММЕР	76
Сказки	
Волшебные исландские сказки	80
Видеообзор	
13-й воин (The 13th Warrior, 1999) Виталий ГРИШИН	82
Традиционная кухня	
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов Перевод: Дмитрий ДАММЕР	84
Книжная полка	
Датские анналы XII–XIV веков О.В. КУТАРЕНКО	87
Тень богов Юрий ПЕРЕБАЕВ	88
Путь к богам	
Сердце гор. Мой путь на вершину Говерлы Einar NICHOLASSON	91
Творчество	
Урывак з аповесці «Над Вугерай — дождж» Маргарыта Латышкевіч (Папакуль)	95
Щитовая драпа Рыцаря Скандинавии Элиас ОТИС	98
Стихи Шамир Алкамян	100
Стихи Ольга Ясинская	102
Стихи Александр Аринушкин	103
Арт Aftakarok	104
Арт Vindur	105
Арт Олеся Шмелева	106
Арт Alessia H. Valastro	109

Иу камней бывает сердце. Что уж говорить про человека, особенно если тот человек молод, пускай и душой, а на дворе первая северная весна, весна неверная, обманывающая, но от того не менее сладкая, влекущая, наполняющая души и чресла томлением, манящая невозможным, как волосы распускающая любимая, бередящая сны, замешивая их, как дождик и снег, с явью.

Александр был неглуп, некрасив, небеден, немолод, женат, имел пузо, двух детей и одышку. Мужчина пикнул сигнализацией машины, подхватил бутылку для берёзового сока и бодро зашагал в лес. Разумеется, успешному FrontEnd разработчику не нужен был никакой сок. Нужна была созданная для самого себя добрая традиция, одна из точек опоры в наши непростые времена. А ещё она напоминала о детстве, когда он гулял в этом же лесу с бабушкой. Бабушка, хоть и была строгим научным работником, но нисколько не стеснялась приносить домой лесные и луговые травы и развешивать их в квартире «от пожара и сглаза».

Удобно устроившись на старом пне в глубине леса, Александр наслаждался ярким солнцем, капелью и горячими пирожками с картошкой. Разумеется, один пирожок отложил жителям леса. Казалось, что в этот момент все рабочие, бытовые и прочие неурядицы отступили прочь и на короткий миг получилось вернуться в ту самую беззаботную лихую молодость. Он грустно шмыгнул носом и невзначай, краем глаза, заметил движение сбоку. На соседнем пне сидела абсолютно голая рыжая дева. На деве была маска из березовой коры. А ещё у девы был хвост. Не мудрствуя лукаво, мужчина подошел к хвостатой и угостил её пирожком. Дева засмеялась. А потом уколола его шипом боярышника.

Александр грузно взмахнул крыльями и полетел над лесом, узнавая и не узнавая окрестности одновременно. Вместо привычных многоэтажек стояли деревянные дома, вместо портовых кранов — просмоленные причалы, вместо заводских труб — стога сена. А ещё он мог приближать и отдалять объекты привычным жестом, как на смартфоне. Ворон видел суровых мужчин в доспехах, уходящих в море, красивых женщин, остающихся полноправными хозяйками на своих хуторах и усадьбах, как это всегда было принято на Севере. Он ловко приземлился на конек дома рядом со знакомыми воронами и с удовольствием начал наблюдать за обрядом. В центре людского круга горели огни, в их мареве плыли фигуры с богатыми украшениями и посохами. Он слышал древние имена Одина, Тора и Фрейра. Но вместе с ними звенели призывы прекрасных богинь: Фрейи, Фригг, Идунн. Как день не существует без ночи, как нет монеты только с одной стороной, как нет жизни без смерти, так нет богов без богинь, мужчин без женщин.

Александр очнулся, лежа на спине, и застонал — руки под спиной страшно затекли. Рядом никого не было. Мужчина медленно разлепил губы и прошептал: «Вот и опять весна наступила. На меня».

Дорогие наши читатели и уважаемые авторы. Прекрасная часть нашей редакции попросила меня написать слово от редакции. Это меньше, чем я могу для них сделать. Не хочется повторяться, но вновь, как и одиннадцать лет назад (я сказал это вслух) наш номер соткался сам собой. Глядя на обложку, несложно догадаться, что главными героинями нашего весеннего номера стали женские образы Севера: Богини, валькирии, норны, стихии. Всё то, что наделяет нас смыслом и интересом, всё то, что создаёт, но и заканчивает земную жизнь. **Я желаю вам всем прекрасно встретить новый оборот колеса года, прочувствовать Весеннее Равноденствие, наполнить Силой ваши дела и помыслы и восславить великую Богиню Севера. Многоликую и прекрасную, неповторимую и свою для каждого из нас.**

Алексей

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>Северный Ветер в Telegram: <https://t.me/nordanvindr>

Картотека всех материалов:

Розыгрыш волшебства!

ДРУЗЬЯ, каких только замечательных призов мы не разыгрывали за время существования журнала. Но в этот раз на наш одиннадцатый (с ума сойти!) день рождения, к нам заглянула настоящая делегация гномов Севера. Ох, и галдеж они тут устроили! Растениевед, красуясь, тут же запросился на обложку, да так яростно позировал, что перевернул котел Зельевара с ароматным лесным чаем. Зельевар, ни секунды не медля, полез в драку, и чем бы это все закончилось, не известно, не возьмись Шаман за наведение порядка. Яростно застучав колотушкой по бубну, а иногда и по собратьям, если попадались под руку, Шаман взял слово и торжественно объявил, что один из них согласен переехать к победителю розыгрыша, к этому любимчику богов и баловню судьбы. Долго хлопал себя по карманам, с подозрением поглядывая на рыжебородого Викинга, но в итоге отыскал-таки скомканный листочек в левом носке и, приосанившись, зачитал правила розыгрыша:

- сделать репост записи о выходе 44 номера «Северного Ветра» на своей страничке в контакте;
- быть участником группы журнала «Северный ветер» <http://vk.com/nordanvindr>
- быть участником группы «Гномы Севера» <https://vk.com/market-212379744>

21 апреля 2024 года гномы бросят жребий и с помощью рандомайзера определят победителя, который сам сможет выбрать себе нового друга — любого гнома из каталога. **Отдельно наши гости просили подчеркнуть, что к выбору нового места жительства они относятся очень серьезно, и пустые странички, созданные специально под розыгрыши, ими рассматриваться не будут.**

Со своей стороны редакция журнала берет на себя обязательства доставить волшебство в любую страну мира.

Удачи!!!

*Ах да! Не забудьте заглянуть в раздел **Творчество** — фотографии наших волшебных гостей абсолютно никого не оставят равнодушными.*

На маленьком ноже железного века обнаружены древнейшие в Дании руны

Элисабет Эскильсен (Elisabeth Eskildsen), журналист

Источник новости: <https://clck.ru/38mLha>

Возраст ножа — примерно 2000 лет, а сами руны написаны древнейшим из известных нам рунических алфавитов.

Древнейшая из известных датских рунических надписей: hirila

На небольшом лезвии ножа на металле проступают шесть рун в сопровождении трёх углублений.

Возраст этого ножа оценивается примерно в 2000 лет, таким образом, эти руны попадают в число древнейших в Дании.

Они вырезаны на лезвии ножа примерно в 150 г. н.э. Для сравнения: самые, наверно, знаменитые рунические надписи в Дании — на Йеллингских камнях — созданы лишь 800 лет спустя.

Это **абсолютно уникальная находка**, по выражению Якоба Боне (Jakob Bonde), археолога и директора Музея Оденсе.

Этот нож обнаружен археологами музея в ходе раскопок захоронения к востоку от г. Оденсе. Он лежал в могиле вместе с рядом других предметов, которыми

человека железного века снабдили для путешествия на тот свет.

Среди них — три фибулы, предназначенные, чтобы скреплять его одеяние. Именно они и сыграли решающую роль в вопросе датировки ножа и рун.

Железный век (500 г. до н.э. — 793 г.)

Именно к железному веку относятся многие исторические артефакты непреходящей ценности, сформировавшие самосознание датчан: из этой эпохи и Золотые рога, и человек из Толлунда, и человек из Граубалле. Это последний из трёх периодов древней истории Дании.

(Два предыдущих: каменный и бронзовый века).

Железный век длился примерно с 500 г. до н.э. до 793 г., когда по Скандинавии прокатилась Эпоха викингов.

Этот период подразделяется на ранний железный век (500 г. до н.э. — 400 г. н.э.) и поздний железный век (400–800 гг. н.э.).

Ранний железный век, в свою очередь, делится на три подпериода:

- *Доримский или кельтский железный век (500 г. до н.э. — 1 г. до н.э.)*
- *Ранний римский железный век (1–200 гг. н.э.)*
- *Поздний римский железный век (200–400 гг. н.э.)*

«Именно этот тип фибул характерен для очень узких временных рамок, которые можно определить как 150-й г. н. э., а нож положен в могилу одновременно с ними», — говорит Якоб Боне.

Маленький меч

Поначалу археологи не заметили надписи на ноже. Лишь когда музейный консерватор-реставратор очистил его от ржавчины, руны стали видны, и Якоб Боне связался с Лисбет Имер (Lisbeth Imer), специалистом по рунам из Национального музея Дании.

Нож положили под микроскоп, и Лисбет Имер принялась истолковывать надпись. У неё получилось слово *hirila*, что на праскандинавском языке может означать «маленький меч».

«Это одна из самых трудных надписей, на которые мне доводилось смотреть в Дании. Когда железо ржавеет, оно как будто трескается, и на поверхности образуются небольшие сгустки. Поэтому приходится вести постоянный диалог с реставратором о том, до какой степени откалывать сгусток ржавчины, чтоб посмотреть, что под ним», — объясняет Лисбет Имер.

Когда написанное становится видно, наступает время для следующей задачи. Когда мы имеем дело со столь давней эпохой, как в случае с этими рунами на ноже с острова Фюн, то материала для сопоставлений у нас не особенно много.

Поэтому для истолкования значения этих рун Лисбет Имер привлекает материалы более поздних рунических надписей и реконструкцию языка эпохи викингов.

Но является ли слово *hirila* именем самого ножа или его владельца, остаётся только гадать.

Отпечаток пальца из прошлого

По мнению старшего научного сотрудника, археолога-специалиста по доисторическому периоду Оле Кастхольма (Ole Kastholm), эта находка даёт редкую возможность заглянуть в, пожалуй, самую раннюю в наших широтах письменную культуру.

«Несмотря на всю лаконичность сообщения «маленький меч», оно напрямую связывает нас с эпохой почти двухтысячелетней давности. Многие полагают, будто предмет

археологии — старые вещи, но на самом деле её предмет — люди и та связь, которую мы можем попытаться создать между нами, живущими сегодня, и теми, кто жил в прошлом». — рассказывает Оле Кастхольм из ROMU (Роскильский музей).

Эту надпись на ноже он сравнивает с отпечатком пальца или прядью волос.

«Она позволяет нам почти вплотную приблизиться к людям прошлого, хотя наши с ними язык и мировоззрение, очевидно, настолько различаются, что если бы мы могли встретиться, невзирая на ход времени, то ни капельки не поняли бы друг друга», — говорит он.

Оле Кастхольм с 2013 года был ответственным за исследования ROMU в т.ч. захоронений римского железного века в Вининге (Vindinge) близ Роскиле. А они относятся к тому же периоду, что и тот ножик из захоронения на Фюне.

«Фибулы, найденные в могиле вместе с ножом, совершенно точно относятся к т. наз. раннему римскому железному веку», — объясняет он. Через них руны на ноже можно косвенно датировать 150-м годом н.э.

Таким образом, этот нож — ровесник другой рунической надписи, до того считавшейся самой древней, а именно маленького костяного гребешка из Вимосе (Vimose) — тоже на острове Фюн — на котором вырезано слово *harja*. «*Это слово или означает «расчёска», или же это личное имя, произведённое от слова «hær» (дат. войско)*», — рассказывает Лисбет Имер. Этот гребень был найден в 1865 г. и сейчас экспонируется в Национальном музее Дании.

«*Но называть ли этот ножик «самой древней» находкой — дело вкуса. С моей точки зрения, надо не забывать уточнять и говорить: «древнейшая из известных» находок. Когда мы имеем дело с группой находок, количество которых ограничено, как в случае с руническими надписями раннего железного века, мы на сегодняшний день не обладаем полной картиной*», — говорит Оле Кастхольм.

Руны, которые были нанесены на органические материалы, например, дерево, до наших дней не дошли, а те, которые были написаны на менее подверженных разрушению материалах, как, например, этот железный нож, вероятно, пока ещё не открыты.

И Якоб Боне, и Лисбет Имер говорят, что в музеях наверняка лежат металлические предметы с пока ещё не обнаруженными руническими надписями.

«*Рунических надписей того периода найдено так мало, что можно полагать, что у нас сохранилась лишь самая верхушка этого айсберга. Надо думать, количество надписей, не дошедших до нас, исчисляется тысячами, поэтому подобные находки безумно интересны*», — считает Лисбет Имер.

«*Маленький меч*» можно будет увидеть в музее «Møntergården» в Оденсе начиная с пятницы, 2 февраля 2024 года.

Связи с Римом

Неясно, существует ли связь между двумя находками с острова Фюн — гребнем и ножом.

«*Но эта находка подкрепляет нашу убеждённость в том, что самые древние рунические надписи у нас, на Фюне. Также она многое говорит о тогдашних прямых или косвенных связях с Римом*», — утверждает Якоб Боне.

Период с 1 г. н.э. до примерно 400 г. н.э. также называют римским железным веком, потому что в это время контакты скандинавов с Римом достигают апогея. Они торгуют друг с другом, и во многих местах на Севере дислоцируются римские войска, и скандинавы видят, что римляне используют письменность, — и, вероятно, вдохновляются их примером.

«*Им были известны римские обычаи и то, что посредством определённых предметов можно выразить свою принадлежность к некому классу. Доступ к письменности был у высшего сословия и интеллектуальной элиты, и они демонстрировали это, например, тем, что вырезали руны на своём оружии и других вещах*», — говорит Якоб Боне. Он добавляет, что в том районе, где выкопан нож, также были найдены римские монеты.

Лисбет Имер также указывает, что в железном веке письменная культура была прерогативой элиты: «*Когда мы находим надписи на металле, то это всегда те самые огромные фибулы и часть амуниции, относящейся к «парадной», например, щиты с умбонами из серебра, которые выглядят красиво, но в бою бесполезны. Их носили офицеры как часть парадной амуниции*».

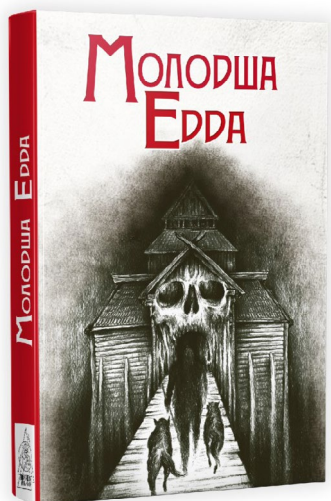
Но в то же время письменная культура, несомненно, получила распространение более широкое, чем то, что демонстрируют наши немногочисленные находки. Просто со временем те руны сгнули, потому что были начертаны на недолговечных материалах.

Перевод с датского:
Ольга МАРКЕЛОВА

Фото:
Регви Н. Йохансен
(Rógvi N. Johansen),
Якоб Боне (Jakob Bond)/
Музей Оденсе

В издательстве «Видавництво Жупанського» вышел украинский перевод Младшей Эдды

Текст печатается с основательными сопроводительными материалами от переводчика, а также с мощным иллюстративным аккомпанементом от Gurge Feodor.

Впервые переведенное на украинский язык, это издание пригодится филологам, историкам, культурологам и всем, кто интересуется средневековой литературой.

Подробнее об издании:

Дизайн и верстка

Оксаны Баратинской

Кол-во страниц: 528

*Оправа: Твердая, тиснение
серебром, суперобложка
из дизайнерского картона*

Размер: 145×210 мм

«Молодша Едда» або «Прозова Едда» — унікальна пам'ятка як давньоісландської, так і середньовічної літератури, створена на початку XIII століття ісландським поетом, істориком і політиком Сноррі Стурлусоном (через що також відома як «Едда Сноррі»). Її унікальність полягає у жанровій належності. З одного боку, це викладений прозою компендіум історій про язичницьких богів і героїв Давньої Півночі (через що і називається «Прозовою Еддою» на противагу «Поетичній (Старшій) Едді»). З іншого боку, цей твір є підручником, єдиним у своєму роді, з поезії скальдів. Тому «Молодша Едда» цінна не лише як джерело відомостей зі скандинавської міфології, а також як джерело знань з поетичної традиції скальдів, поетичної лексики, метрики, образного ряду. У процесі видання перекладів «Молодшої Едди» на це часто не зважають, а дарма: адже наведені в ній відомості могли б стати у пригоді дослідникам давньоскандинавської поетики, самої, сказати б, механіки поезії скальдів».

Также напоминаем, что несколько лет назад в этом же издательстве увидел свет украинский перевод и **Старшей Эдды** (перевод с древнеисландского Виталия Кривоноса). Для лучшего понимания произведения текст сопровождается примечаниями и комментариями, а также иллюстрациями Уильяма Коллингвуда из англоязычного издания «Старшей Эдды» 1908 года.

Заказать книги можно здесь:

<https://publisher.in.ua/product/molodsha-edda-peredprodazh/>

<https://publisher.in.ua/product/starsha-edda-neznachni-poshkodzhennya-superobkladynyky-obkladynyky/>

Маргарита Папакуль (Латышкевич)

Беседовала: РАНХИЛЬД

Друзья, сегодня у нас в гостях беларуская писательница, фольклорист, лауреат Национальной литературной премии Республики Беларусь, знаток скандинавской и беларуской мифологии Маргарита Папакуль (Латышкевич).

«Пока в истории верят, девочка, — силло ответил старик, передавая гусли своему помощнику, — они и есть правда».

*Маргарита Папакуль.
«Всадники на дороге»*

§ *Маргарита, спасибо большое, что нашли время поговорить с нашими читателями! И сразу начнем с горячего вопроса: фольклорист или фольклористка, автор или авторка? Как правильно к вам обращаться? Принципиальный ли это для вас вопрос?*

Добрый день! Очень рада возможности побеседовать!

Отмечу, что для привычного мне беларуского языка этот вопрос вовсе не такой горячий: здесь слова вроде «рэдактарка», «паэтка», «аўтарка» являются обыденными. Я сама очень радуюсь, когда специалистки, знакомые мне или нет, видимы

в медиапространстве. Возможность быть увиденными и услышанными — большое дело. И приятно, что славянские языки позволяют выделить достижения женщин.

Я для себя — пісьменніца, писательница. Это определение, в рамках которого мне комфортно. У кого-то комфортная зона может быть другая, и это нормально.

§ *С горячим вопросом разобрались, а теперь начнем по порядку, как и положено.*

Расскажите, пожалуйста, с чего начался ваш интерес к мифологии вообще и скандинавской мифологии в частности?

Сложно вспомнить, был ли какой-то один толчок. Скорее, был комплекс факторов, которые подталкивали в этом направлении. Мне, еще маленькой, читали белорусские народные сказки из толстой книжки. Потом начала сама осваивать книги разной толщины и сложности — мне просто нравилось учиться, читать. В том числе об истории моей страны, о князьях древнего Полоцка, о Всеславе Чародее, «волколаке». Повлияло и знакомство с «Властелином колец»: захотелось узнать больше о Толкине, о его научной деятельности. Так расшифровались заимствования Дж.Р.Р. из эддических текстов — и так захотелось прочесть оригиналы.

§ *Наши читатели уже знакомы с вами по сравнительным анализам белорусской и шведской мифологий. И тут у нас сразу несколько вопросов. Скандинавские и белорусские (славянские) мифы находят одинаковый отклик в вашей душе, или все-таки одна из мифологических систем особенно любимая?*

Мне нравится мифологическое мышление в целом — как поэтический отклик древнего человека на мир вокруг него. Такое поразительно яркое и фантастическое восприятие юного человечества всегда вдохновляет, на каком бы языке ни говорили создатели этих мифов. Я нежно люблю белорусский фольклор, потому что он у меня в крови. Но, кажется, в крови у меня и Север. Это, думаю, не удивительно: путь из варягов в греки проходил по рекам Беларуси, поэтому древний Север был от нас не очень-то далёк. И мы от него тоже.

Поэтому неудивительно, что я переехала из южного Бреста к своему мужу в северный Полоцк.

§ *Как вы думаете, почему вообще так много пересечений в мифологии скандинавов и славян?*

Как раз из-за общности ранней истории. Из-за связи, которая пролегла по рекам. Ну и, наконец, из-за общечеловеческой схожести. Как я говорила, мифология — это образ мышления, восприятия мира, характерный для древнего человека. Если люди примерно в то же время жили в похожих условиях, да к тому же поддерживали контакты, не удивительно, что их восприятие мира

становилось похожим. Гремит гром — значит, едет небесная колесница. Только для скандинавов в ней сидел рыжебородый Тор, для белорусов — Пярун, а для кельтов — Таранис.

§ *В одном из ваших интервью вы отмечали, что «в белорусском фольклоре утвердилась тенденция эстетизировать жестокость, смаковать неприятные детали... Посмотрите волшебные сказки — чего только там не творят герои! Интересная вещь — жестокие романсы, зародившиеся в XIX веке. Жестокость возведена там в ранг сюжетобразующей особенности... Просто какое-то концентрированное сосредоточение убийств, самоубийств, краж и тому подобное. Кинг нервно курит в сторонке». Ну, хорошо, Кинга мы переплюнем, а вот если сравнивать скандинавский (шведский, исландский) и белорусский фольклоры — какой из них окажется более зловещим?*

Фольклор в целом — довольно зловещий, потому что не последняя его функция — воспитательная, назидательная. Здесь часты запреты, мотивированные самыми жуткими последствиями для нарушителей. Поэтому в классическом фольклоре градус жестокости примерно одинаковый что у белорусов, что у скандинавов. Ведь первоочередная задача раннего человеческого коллектива была — выжить в недружелюбном мире. Значит, надо как-то передать знания об опасностях детишкам (это раз) и, по возможности, застраховать резвых отпрысков, чтобы не лезли куда не надо, выжили и смогли продолжить род (это два). Отсюда — не ходи в лес, ведь там волки, оборотни и остальные веселые ребята, которые не прочь укусят за тот самый бочок.

Жестокие романсы, о которых речь в цитате, — уже продукт нового времени, индустриального общества. Жизнь становится чуть более комфортной, живут люди чуть подольше, быт довольно размеренный, серенький. Вот и нужны яркие эмоции, переживания, да чтоб про любовь, да чтоб жалостнее, но — «красиво».

§ *Агата Кристи говорила: «Сюжеты своих детективных романов я нахожу за мытьем посуды. Это такое дурацкое занятие, что поневоле приходит мысль об убийстве».*

А за каким занятием находятся сказочные сюжеты для фэнтези-романов?

Часто случается, что сюжеты, или эпизоды, или персонажи мне снятся. Так, например, когда я слегла с температурой под 40, мне приснился жуткий эпизод с нападением чудовища-кадука на обоз. С этого начался мой фэнтезийный роман «Век людзей». В другой раз мне приснился персонаж — из другого романа, над которым сейчас работаю. Что характерно, тоже под температурой.

А еще стабильный источник вдохновения — это мой муж Евгений. Просто болтая во время прогулки по Полоцку, мы как-то придумали сюжет детективной повести о поисках легендарного креста Святой Евфросиньи («Уласны крыж»).

§ *У вас была невероятно интересная тема для диссертации: фольклорные мотивы в фантастических произведениях/ фэнтези и мифологические параллели в сказках. Правильно ли мы понимаем, что современное фэнтези — это логическое продолжение сказочного народного творчества? Несет ли фэнтези ту же смысловую нагрузку, что и сказки в стародавние времена?*

Наверное, тут стоит говорить скорее об опосредованной связи. Всё-таки фольклор и литература — это разные системы. Но связь несомненно есть, причем на разных уровнях.

Как и фольклорному автору сказки, так и автору современного фэнтези хочется реализовать творческие возможности, создать новое. Правда, фольклорный автор себя собственно «автором», индивидуальностью не воспринимает.

Но и тот, и другой в равной степени хотят рассказать историю заведомо фантастическую. Чтобы одновременно и сбегать из реальности, прикоснувшись к чуду, и каким-то образом эту реальность интерпретировать.

§ *Во всех ли традиционных сказках стоит искать сакральный смысл? Вот, например, согласны ли вы, что сказка про Курочку Рябу — это на самом деле сказка о рождении мира и его смерти?*

Мне кажется, что интерпретировать художественный текст, даже самый простой, можно

разным образом, в зависимости от потребностей и задач интерпретатора. Особенно если это умелый интерпретатор. Но сказать, насколько та или иная интерпретация соответствует реальности, — уже сложнее. Доказательная база довольно скудная, и спорить можно бесконечно.

Поэтому я склонна считать, что «иногда сигара — это просто сигара». А яичко — просто яичко. Даже не простое, а золотое.

§ *Есть ли какой-то мифологический персонаж (славянский ли, скандинавский -- неважно), к которому (которой) у вас особенно теплое отношение?*

Будучи студенткой, я написала статью, сравнивая Кашча Бессмяротнага из белорусских сказок с Одним. Как ни странно, совпадений оказалось довольно много (оба вооружены копьем, оба всадники на весьма быстром скакуне, оба высоки, и т. д.). Так что, пожалуй, любимы у меня эти двое. К слову, мое студенческое исследование вылилось в конкретного персонажа из фэнтези цикла про мир Вугеры. Этот персонаж высок, вооружен копьем и владеет быстрым скакуном. А еще его зовут Вотан.

Ваш главный инструмент как писателя — это слово, однако самой большой магией в ваших произведениях обладают слова не сказанные, а вплетенные в музыку песен. Как, на ваш взгляд, возникла у древнего человека сама идея того, что слово имеет магическое значение? Из чего родились заговоры, заклинания, обрядовая поэзия? И самое главное — из двух искусств — музыки и литературы, обладает ли музыка большим магическим потенциалом, как это и описано на страницах ваших произведений?

Мне весьма импонирует образ Эгиля Скаллаgrimссона, который и в рунах разбирался, и стихи мог сложить, а то и зарубить противника. И в моем фэнтези-мире придворные поэты (этакие скальды) имеют большой вес в обществе и, фактически, являются умелыми чародеями. Музыка и слово в их руках — это одно целое, напевность слов и чары смыслов, спаянные воедино.

Вероятно, и для древнего человека форма и наполнение были неразделимы. Вряд ли можно говорить наверняка, из чего появились различные жанры. Я бы предположила, что гармония ритма, которая чувствовалась в произнесенных звуках, представлялась древнему человеку инструментом для гармонизации пространства вокруг него. Не случайно заговоры, заклинания, обрядовые песни подчинены строгой ритмике, строгой структуре.

Герой, который говорит это, — Йурай — разочарован и отчаялся. И, возможно, высказывает также и мои собственные опасения. Как показывает практика, любые традиции закончиться могут: когда не останется никого, кто перенял бы их, кто бы их продолжил, традиция умирает. Реконструкции обрядов, например, — все-таки не оригинальное их бытование, а скорее поддержание формы. Я слежу за постами Дзмітрыя Скварчэўскага, современного ученого-фольклориста, который, помимо прочей деятельности, ездит по Беларуси, рассказывая о бытовании народной обрядовости в разных регионах. Он, в том числе, рассказывает и о живых (сегодня) обрядах. Это внушает надежду, понимаете, но также и напоминает, что к народной традиции нужно относиться бережно.

«...Там музыка цесна сплятаецца з чарамі. Там музыка лучыць Цяпер і Калісь з Ніколі і Нідзе. Там слова паэта здольнае прыпыніць час і павярнуць яго назад, калі патрэбна. Там песня можа даць жыццё таму, што ніколі не існавала, а трапны радок цяляе ў сэрцы лепш за стралу.

Музыка там — жыццё...

...— Музыка — як бы чары? — захопленым шэптам спытаў Лель. — Як... жыццё?

— Майстры складваюць казкі, — адгукнуўся лютніст. — А тыя абрастаюць плоццю ў свеце пад зорамі. Як садоўнікі прывіваюць дрэўцы, так паэты з явы ствараюць песні».

Маргарита Папакуль. Всадники на дороге

Один из ваших героев говорит: «Однажды все заканчивается. Старое должно уйти, чтобы пришло новое». Вашими ли словами-мыслями говорит этот герой? Может ли народная Традиция действительно закончиться? Всегда ли новое — благо?

Еще одно высказывание вашего героя мы взяли в качестве эпиграфа к нашей беседе. Мысль о том, что «пока мы в истории верим, они и есть правда», звучит рефреном на страницах ваших произведений. Не поэтому ли вы пишете для детей: ведь

именно им, как никому, дана волшебная способность искренне верить в сказки и чудеса? Можно ли (и стоит ли) сохранить такую способность и во взрослом возрасте?

Цитата, к слову, двойственная. Потому что поверить можно и в то, чего никогда не было. Но если в это верит достаточное число людей — то уже, вроде как, и не поспоришь.

Не знаю, пишу ли я для детей. Фэнтези-тексты, наверное, скорее 12+: тем, кто помоложе, может, и интересно будет местами, но не вполне понятно. Впрочем, для читателей младше 12 я пишу тоже: примером может быть сказочная повесть «Муры, Том і дырыжаблік», где в фэнтезийном варианте викторианской Англии живет семья котиков. В общем-то, там я говорю на похожие темы, но немного другим языком.

А верить в чудеса совершенно точно стоит. И верить в себя тоже стоит, определенно.

§ *А как насчет вас? Наполняя свои произведения магией и волшебством, оставляете ли вы место волшебству и магии в вашей жизни? Живет ли в вашем доме домовая? Оставляете ли подношение для лешего, заходя в лес? Посыпаете ли соль, коли просыпалась, сахаром?*

Забавно, но да, есть такая практика у нас дома. На вечно ворчащем пожилом холодильнике у нас лежит «доля» домового — конфетки и немного «огненной воды». Так уж повелось.

Сама я человек, надо сказать, довольно приземленный. Вся магия уходит в тексты. Единственное: верю, что всё возвращается, доброе или злое. И стараюсь быть добрее.

§ *«Дурак верит в счастливый случай, — сказал он. — Мудрый человек готовится к худшему. — Так уж лучше быть дураком, — сварливо ответил Лель. — Раз уж мудрецам все равно не светит счастливых случаев». А какую точку зрения ваших героев выбираете вы? Что лучше (безопаснее, надежнее, счастливее): Путь дурака-оптимиста или мудреца-пессимиста?*

Боюсь, меня саму штормит между этими крайностями. Как в том меме: «внутри меня два волка...» Но, если подумать, рискую я, надеюсь на

авось, сравнительно часто. При этом внутренний мудрец-пессимист зачастую эти эскапады укоризненно комментирует.

§ *Из одного из ваших интервью мы с интересом узнали, что существует разделение фэнтези на классическое, «высокое», и темное, «низкое». Не могли бы вы, пожалуйста, рассказать нашим читателям об этом поподробнее? Какой стиль (и почему) предпочитаете вы?*

Думаю, «низкое» тут не вполне верный термин: мы как будто снижаем значимость текстов, написанных в другом жанре, в пользу первого. В целом жанров фэнтези, особенно в последнее время, настоящее изобилие, на любой вкус. В высоком, как у Толкина, у нас эпично сражаются Добро и Зло. А в темном цель персонажей смещена с глобального конфликта, им хоть выжить бы.

Боюсь, для высокого фэнтези мне не хватает (в хорошем смысле) пафоса и героичности. Так что я тяготею к темной стороне, пожалуй.

§ *Какой совет вы дали бы писателям, которые только начинают свой путь на поприще фэнтези? Какие штампы наиболее опасны? Как их избежать и придать своим героям индивидуальность?*

В порядке шутки процитирую Гэндальфа: «Fly, you fools!» Поприще писателя — не самое благодарное. Особенно сейчас. Тут случаются и выгорания, и проблемы разного рода, в том числе материальные. А то и вообще что-нибудь непредсказуемое. Особенно сейчас.

Но если вы не можете не писать, если вам без этого плохо, если миры внутри вас рвутся наружу — дерзайте. Работайте. Не бойтесь штампов: через них все проходят. Не бойтесь подражания поначалу: так учатся. Не бойтесь исследовать, не бойтесь думать и творить.

Кстати, пару лет назад я вела авторскую колонку в журнале «Бязрозка», где давала советы начинающим авторам по поводу того, как написать роман.

§ *Этот номер «Северного ветра» посвящен женщинам и богиням в Северной Традиции. На страницах ваших произведений женские*

персонажи представлены сильными, смелыми, бесстрашными, наравне с мужчинами (а иногда и значительно превосходя их) сражающимися с врагами и опасностями. Как вы думаете, насколько такой образ отражает реальное положение, которое занимали женщины в Традиции?

Мне очень импонирует такое посвящение номера, и я с удовольствием его прочту. Ведь видимые, сильные и прекрасные женщины, у которых есть неотъемлемая возможность реализоваться, — это большое подспорье для общества, в котором они живут.

В свое время мне отчаянно не хватало героинь. Тех, с кем я, маленькая девочка, могла себя ассоциировать. Мне не нравилось быть принцессой и ждать спасителя в башне, я хотела сама сражаться с драконами. И я была бы рада, если бы девочки-подростки, которые читают мои повести, находили там для себя вдохновение, могли опереться на какие-то образы.

Ведь образы, которыми я вдохновлялась, — это те же воительницы-валькирии, вельвы-предсказательницы, женщины-скальды, женщины-воины и охотницы. В эддических текстах мы можем встретить самые разные женские образы, и создавались они явно не на пустом месте: Брюнхильд, Гудрун, Хервёр, Ангрбода, Фрейя, Свава. Значит, такие женщины существовали в реальности.

§ *И в продолжение темы. Что такое идеальная семья в именно вашем представлении? У скандинавов времен викингов существовало два правовых термина «внутреннее управление усадьбой» (хозяйка) и «внешнее управление домом» (хозяин). Так ли уж это было неправильно (или, наоборот, правильно) с точки зрения эффективности и целесообразности?*

Пожалуй, лично мне комфортно без какого-либо разделения. Когда решения хозяйка и хозяин принимают совместно, не разделяя сферы влияния, а приходя к консенсусу по всем вопросам. Слова — это магия еще и потому, что решают любые разногласия. Поэтому мы с мужем можем вместе и вкусняшку приготовить, и мебель из IKEA собрать, и при помощи швабры и пакета вытащить из подземного мусорного контейнера трёх котят.

§ *И раз уж мы затронули тему семьи, просто не можем не спросить: как удается хранить мир и любовь в семье двум невероятно творческим людям, двум литераторам? Залог мира в семье айтишников — жене не стоит тестировать код мужа (иначе быть смертоубийству). Вы же с Евгением редактируете и корректируете тексты друг друга: неужели не хочется никого придушить подушкой, когда твой со*

© Фото Кирилла Слюлякова

© фото Кирилла Смолякова

всех сторон идеальный текст правится второй половинкой? Или, например, как два литератора избегают баталий за вечерним чаем, если взгляды на литературу разные?

Возможно, дело в том, что мы с Евгением довольно сильно похожи по юмору, привычкам, складу характера. Одинаково любим котиков, как вы уже поняли. А в немногих отличиях мы скорее ищем точки роста, обсуждаем, дискутируем. Говорим. Ведь слова делают чудеса. Кроме того, мы не просто выдаем правки, а разбираем их вместе. Обсуждение, поддержка и уважение, живая заинтересованность — всё даёт понимание, что это не правки ради правок, а деятельная помощь. Да и правки от Евгения, человека с очень редким чувством языка и действительно талантливого, работают только на улучшение текста. А это и нужно — чтобы получился хороший текст, чтобы он радовал читателя.

К слову, мы теперь еще и оба айтишники. И в работе друг другу тоже даем советы.

§ *Расскажите, пожалуйста, о ваших дальнейших творческих планах. Как скоро читатели смогут познакомиться с вашими новыми произведениями?*

На данный момент (с мая 2023 года) я работаю над большим романом «Ваўкалакі». Он, как и почти всё моё творчество, основан и на скандинавской, и на белоруской мифологии, хотя жанрово это скорее готический роман, чем фэнтези. Отчасти, толчком к созданию этого романа стала одна из скандинавских народных баллад «Den förtrollade riddaren». Время действия — 1816 год, Северная Беларусь (Паазер’е). Главная героиня, молодая девушка, оказывается в центре кровавых убийств, а по округе ползут сплетни об оборотнях. Надеюсь, что до лета роман будет закончен, и можно будет подумать о публикации.

§ *И последний, традиционный вопрос: ваше напутствие или пожелание, которым вы хотели бы поделиться с читателями «Северного ветра» и ваших книг?*

Пожелаю, пожалуй, попутного ветра, добрых вестей и хороших попутчиков.

**Маргарита, огромное спасибо за интервью!
Благополучия вашему дому
и Удачи на Пути!**

Торговый инвентарь женских погребений ЭПОХИ ВИКИНГОВ

А.СТАЛЬСБЕРГ

(Субъективная интерпретация)¹

В западной археологии последних лет прошла оживленная дискуссия о социальной роли половой принадлежности («гендер-проблема»). Подобной интеллектуальной активности, по мнению некоторых, не отмечалось с 1960-х гг. (Mandt 1992). «Гендерный подход» в археологии связывают, с одной стороны, с женским движением современности, а с другой — со значением современности или сформированной ею культуры исследователя для его исторических представлений. Все так или иначе связаны ценностями (политическими, религиозными, нравственными) своего современного общества. По мнению многих исследователей, история, которую мы пишем, является субъективной конструкцией, плодом творчества сознания исследователя.

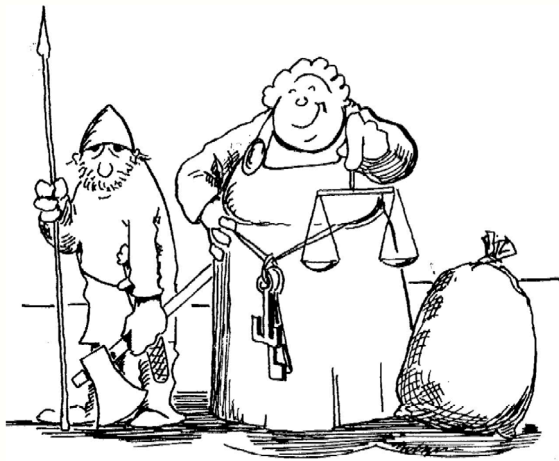
Женское движение связано с идеологией равенства, которая отражает радикальную передовую политику 1960–70-х гг., часто основывающуюся на марксистской идеологии. Женское движение занималось не только политикой, но и историей женщин, значением женщин в истории, стараясь воссоздать более полную картину прошлого, а не только историю, например, мужчины-охотника и женщины, ухаживающей за детьми у очага, или мужчины — храброго воина и анонимной домашней хозяйки. Или, как принято в норвежской археологии, женские погребения с относительно богатым инвентарем интерпретируются скорее как отражение богатства ее семьи, ее рода, чем отражение ее собственных

достижений. Так, один из исследователей писал о самой богатой находке эпохи викингов, из Осенберга, что материал ограничен, поскольку в нем нет мужских вещей (Grieg 1928: 1). Женщины рассматриваются как явление второго порядка, дополнительный штрих к общей картине.

Понятие «гендер» (англ. Gender) правильно раскрыть не как «пол», а как «социальный род», роль половой принадлежности индивида. Это различие, не отраженное ни в скандинавских, ни в русском языке, заставляет исследователей употреблять в специальном значении производное от английского понятие «гендерные исследования, проблемы» и т.п.

Норвежская археология ранее других обратилась к изучению роли женщин в древних обществах (вслед за историками). Первый специальный археологический симпозиум состоялся в 1979 году, а на конференции 1984 года были основаны организация и одноименный журнал «Kvinner I arkeologi I Norge» (KAN), «Женщины в археологии Норвегии». Цель KAN, в числе прочего, — содействовать качественно новым исследованиям вышеназванных новых теорий, заново оценить методические принципы и новые взгляды на источники, поиск новых источников. В предисловии книги «Археологическая теория в Европе. Последние три десятилетия» редактор, известный английский археолог Я. Ходдер отмечает среди важных теоретических достижений последних лет, что «скандинавская археология, особенно в Норвегии, развила сильную традицию феминистских гендерных исследований» (Hodder 1991: 18). Кроме названных, в Северных странах

¹ Впервые статья была опубликована в журнале *STRATUM plus*, 1999 год, 5 номер.

*Хозяин и хозяйка
(Художник: Археолог Гейр Хельген / Geir Helgen).*

организуется серия конференций по истории женщин с участием историков и археологов. Журнал KAN получил научное признание. При Норвежском совете по науке создан особый секретариат по женским исследованиям, при каждом университете — центр женских исследований, где работают профессора, исследователи, аспиранты и докторанты.

Исследования, связанные с этим движением, разнообразны — от теоретических до прагматических. Они охватывают различные памятники и периоды. Я занималась двумя конкретными темами, относящимися к гендерным исследованиям в археологии: во-первых, это значение женских находок среди скандинавских находок эпохи викингов на Руси для интерпретации всего объема данного материала и понимания характера русско-скандинавских отношений и варяжской активности на Руси, во-вторых, вопрос о роли женщин в торговле эпохи викингов. Первая тема освещена в короткой статье, опубликованной в «Археологических Вестях ИИМК РАН» (Стальсберг 1994; русский текст частично искажен, следует пользоваться английским резюме, см. также Stalsberg 1987, 1991). Вторая тема очевидно дискуссионна: речь идет об интерпретации находок складных весов и гирек в женских погребениях Скандинавии эпохи викингов. Я рассматривала их как признак участия женщин в торговых операциях, осуществлявшихся их семьями. Это вызвало различную реакцию: некоторые ученые, в том числе российские, отмечали, что наконец-то

получили оценку находки, давно удивляющие исследователей, другие коллеги (исключительно мужчины) предостерегали — тссс, женщины-торговцы! Материал не поддерживает такую смелую интерпретацию! Должна отметить, что полностью поддержал возможность такой интерпретации Г.С. Лебедев по отношению к одному из женских погребений на «Княщине» Старой Ладogi (Лебедев 1995: 69).

Речь идет о складных весах из бронзы и гирьках из бронзы или железа, покрытого бронзой, различных форм (Пушкина 1991). Они датируются поздним IX-XI вв. (Jondell 1975: 10; Graham-Campbell 1980: 88; Callmer 1980: 207). Они привозились в Скандинавию либо из англо-ирландской зоны, либо из арабских халифатов, возможно и то и другое (ср. Jondell 1975). В Тимерево найдены весы с арабской надписью, означающей в переводе «налог» (Фехнер, Янина 1978). Важно, однако, что весы и гирьки употреблялись для взвешивания мелких по объему ценностей, какими в эпоху викингов было, прежде всего, серебро: монеты, их обрезки, слитки. Весы были орудием не просто кого-либо, а именно тех, кто имел возможность взвешивать серебро. Эпоха викингов богата серебром, но оно было не у каждого в кармане. Общепринято, что весы и гирьки непосредственно связаны с торговлей, даже если возможно их использование и при других общественных функциях. Князь мог взвешивать ими плату своим дружинникам, делить добычу, либо хозяин мог просто употреблять их в своем хозяйстве, без того, что можно назвать торговлей. «Мудрые женщины» могли ими взвешивать лекарства (Sognnes 1993). В некоторых гирьках имеются дырочки, очевидно, они стали амулетами, но естественно предположить, что их носители были связаны с употреблением весов.

Торговый инвентарь обычно рассматривается как принадлежность мужчины-торговца, и его присутствие в женских погребениях не объясняется или вообще не обсуждается как атрибут торговли. Эти вещи рассматриваются как прощальный подарок от мужа либо знак высокого ранга, или свидетельство того, что жена умерла, управляя хозяйством как заместительница мужа в отсутствие последнего (Dommasnes 1982: 83; Ellmers 1984: 178), как социальный признак жен купцов, «хотя этот вывод кажется несколько сомнительным»

(Blindheim 1982: 124). Такие и аналогичные интерпретации словно рассматривают торговый инвентарь в женских погребениях как аномалию, требующую особого истолкования.

Фундаментальный принцип археологической интерпретации состоит в том, что погребальный инвентарь принадлежит покойному/покойной, что меч является его мечом, фибула — ее фибулой, или тесно связаны с умершими. Погребение — не просто удаление трупа. Род должен обеспечить покойному почет и необходимое оснащение для потусторонней жизни. Погребальный обряд — не случайное собрание вещей, они уложены в погребение по определенному ритуалу. Только соотнеся погребальный инвентарь с умершим, археолог может сделать выводы относительно пола, культурной принадлежности, религиозных представлений, профессии, богатстве покойного/покойной. Лицо с подобающим погребальным инвентарем рассматривается как полноправное свободное лицо. Согласно такой аргументации, торговый инвентарь должен принадлежать в погребении — женщине, а не ее мужу, оставшемуся среди живых; следовательно, и при жизни женщина играла какую-то роль в торговле.

Рассмотрим материал. Учтены лишь опубликованные в литературе данные о находках весов и гирек. Они достаточны для постановки вопроса и предложения интерпретации. Безусловно, в дальнейшем необходим полный сбор и анализ подобного материала. В данной интерпретации я считаю весы и/или гирьки полным набором торгового инвентаря, а находки частей — символом торгового инвентаря в погребении. По Норвегии Эрик Йондэль собрал данные о весах, но не о гирьках (Jondell 1974). Пол покойного (gender) мне удалось установить для 47 погребений, из них 17% женских, 81% мужских и 2% парных. В Бирке (Швеция) по публикации Хольгера Арбмана (Arbman 1943) торговый инвентарь найден в 132 погребениях, из них 32% женских, 3% парных, 28% мужских, 37% неопределимы по полу. Три из женских погребений являются детскими (Kuhlberg 1986: 150–151). Это вряд ли имеет особое значение, так как девочек могли обучать профессии, которой они займутся во взрослом состоянии. Археологов не смущают находки маленьких топоров в погребениях мальчиков. Материал по Руси собран мною по литературе и собраниям музеев

СНГ. По моим подсчетам, скандинавские вещи найдены в 122 женских погребениях, 97 мужских, 35 парных, всего 244 комплекта (Stalsberg 1988, 1991, 1991b, 1994). В 73 погребениях со скандинавским инвентарем (при этом не обязательно они были погребениями именно скандинавов) найден торговый инвентарь, в том числе 28 погребений с гирьками, 4 с весами, 7 с весами и гирьками. Данные сведены в таблицу:

	Ж	ЖМ	М
Юго-Восточное Приладожье	1	4	
Ярославское Поволжье	2	4*	3
Бельмер, Волжская Болгария	1		
Залахтовые	1		
Гнездово	5**	5	2
Новоселки	1		
Шестовицы	8	11	18
РУСЬ	22%	30%	48%
Бирка	32%	3%	28%

* В одном погребении торговый инвентарь принадлежал мужчине, в двух погребениях находился мужчина и ребенок.

** В одном погребении — две женщины.

Т.А. Пушкина рассмотрела торговый инвентарь из Смоленского Поднепровья, Тимерева и Шестовиц (не принимая во внимание этническую принадлежность). Она нашла, что большинство находок торгового инвентаря происходит из мужских погребений (Пушкина 1991: 231). Однако в опубликованной ею таблице бросается в глаза, что весы найдены в 2 женских, 1 мужском и 2 парных погребениях, а гирьки вместе с весами найдены в 2 женском и 1 мужском погребении. Она полагает, что женские погребения с торговым инвентарем не следует считать погребениями купцов (Пушкина 1991: 233). Безусловно, русский материал следует с достаточной осторожностью сравнивать со скандинавским, однако находки весов и целых комплектов торгового инвентаря в женских погребениях указывают на общие черты.

Логичный вывод из рассматриваемого материала — о том, что в эпоху викингов некоторые из

скандинавских женщин принимали участие в торговой деятельности своих экономических ячеек. Почему же археологи так неохотно говорят о женщинах-торговцах? По средневековым источникам известны не только женщины — мелкие торговки, но и богатые женщины, занимавшиеся торговлей (главным образом вдовы, см. Damchott 1992; Trein Nielsen 1982). Хорошей аналогией в Скандинавии является положение жены свободного крестьянина, хозяйки хутора, известной по погребениям с набором украшений (я не имею в виду женщин самой верхушки общества, как «королеву» из Осеберга). По средневековым законам хозяйка отвечала за работу «внутри порога», то есть готовила еду, одежду, ухаживала за скотом, и она при этом экономила еду, что важно в странах, где сезон растительности длится всего два месяца. Она была заместительницей хозяина в его отсутствие и уступала по рангу только ему. Она имела легальное право владеть ключами хутора, следовательно, она отвечала за то, что находится «под замком и запором» (*i ladom eda i lokom*, по «Законам Гулатинга», см. Лебедев 1985: 50). И это — не только еда, но и прочее имущество, *fe*, куда относятся и украшения, и одежды, серебряная посуда и прочие ценности. Право иметь ключи она получила по свадебному ритуалу и не от мужа (Wallen et al., 1970; Gunnes 1976: 269).

Нельзя без оговорок переносить эти законы на общество эпохи викингов, однако среди археологических материалов имеются находки, подтверждающие право хозяйки иметь ключи. В Норвегии 55,8% ключей и остатки ларцов найдены в женских погребениях, 44,2% в мужских (на основе информации Petersen 1951: 482). Однако мужских погребений в Норвегии известно в три раза больше, чем женских, следовательно, ключи и ларцы в женских погребениях встречаются в 3,7 раза чаще, чем в мужских. Небезынтересно, что из погребений со скандинавскими вещами на Руси в 24 (из 154 определяемых по полу погребений) содержатся ключи/замки/остатки ларцов. Из них 7 женских, а из последних 3 или, возможно, 4 — погребения скандинавские. Цифры отличаются от вышеприведенных данных по Норвегии и Бирке, но все-таки кажется, что скандинавские хозяйки на Руси сохранили свою, так сказать, ключевую позицию в жизни своей экономической ячейки — семьи.

Итак. Положение хозяйки хутора представляет собой аналогию положения торговца-женщины. Обе занимали важную позицию внутри своей экономической ячейки, и можно думать, что не только хозяйка хутора, но и женщина, профессионально занимающаяся торговлей, была заместительницей хозяина в его отсутствие, как и полагают некоторые исследователи (Dommasnes 1982: 83; Ellmers 1984: 178). И если считать, что экономическая единица важнее, чем индивид, то можно полагать, что хозяйка захоронена с торговым инвентарем семьи, на который она имела такое же право, как муж, как его заместительница или, быть может, вдова. Если этот вывод правилен, то торговый инвентарь в погребении является признаком профессии семьи, а не отдельного лица. Современные исследования средневековой экономики обращают внимание именно на семью как экономическую единицу, которая в докапиталистических обществах работала не на накопление богатства, а на общее благо членов семьи (Howell 1986).

Есть, однако, одна большая проблема: синхронные письменные источники, ни европейские, ни восточные не упоминают женщин, принимающих участие в торговле скандинавов (насколько мне известно). Вполне возможно, что это объясняется тем, что авторы этих текстов работали в публичной сфере и не видели женщин, занятых в домашней сфере, в доме, «внутри порога», сфере, не отраженной в письменных источниках. Но также вероятно и то, как полагают некоторые исследователи, что женщины не отмечались в источниках, потому что авторами были христианские и мусульманские мужчины. В христианстве и исламе иные представления о месте и роли женщины, чем у языческих скандинавов. Эти писатели, как и все другие наблюдатели, видели то, что они по своему знанию, воспитанию и культуре готовы были видеть, то, что они понимают и способны выразить на своем языке. Аналогичные проблемы встают перед исследователем, обращающимся к роли женщин в языческой религии скандинавов: письменные источники созданы после эпохи викингов, и древнесеверные писатели, начиная со Снорри (ум. 1240), умалчивают о женской перспективе, хотя даже по имеющимся источникам понятно, что женщины играли важную роль в языческом культе.

Христианство подавляло женщин и особенно их место в религии (Steinsland 1985).

Культурная обусловленность наблюдений других культур не является проблемой только для христианских и мусульманских авторов эпохи викингов, она существует и для нашего времени. В начале данной статьи упоминалась дискуссия о субъективности и объективности работ историков (и археологов), о степени их зависимости от культуры исследователей. Американский этнограф Элис Б. Кэ в 1983 году опубликовал статью под названием «Кандалы традиции» о влиянии викторианской культуры прошлого века на описание американских индейцев в работах этнографов, воспитанных в так называемой викторианской культуре. Основоположники археологии — мужчины, воспитанные в этой викторианской культуре, что, конечно, влияло на их взгляды. Викторианское общество характеризуется тем, что оно патриархальное, буржуазное, где женщины считались слабыми и истерическими (греч. «*hystera*» значит «матка»). Идеал буржуазии — жена, которая не работает и ухаживает за домом, руководя служанками из низших классов. Такие сложные общества, как западноевропейское викторианское, могли создать и содержать группу слабых и зависимых женщин, где культивировался взгляд Аристотеля на женщину как незрелое, несовершенно существо. Понятно, что женщины не могли заниматься самостоятельной, ответственной работой, например, торговлей, согласно мировоззрению мужчин этой культуры (Kehoe 1983).

Старые, так сказать, общепринятые взгляды сохраняются до тех пор, пока никто не поставит знак вопроса. Нетрудно заметить, что научный аппарат ссылок является консервативной силой, которая охраняет принятые теории, *кандалы традиции*. Среди кандалов традиции — трактовка торгового инвентаря, отклоняющаяся от обычной в археологии трактовки погребального инвентаря в целом, так как, по принятым представлениям, торговлей в эпоху викингов должны были заниматься исключительно мужчины.

Вероятно, этими воззрениями объясняется и отсутствие в языке нейтрального в половом отношении слова для обозначения купца. Скандинавские языки используют слова с буквальным значением «торговый муж(чина)», поэтому, отмечает датский историк, может появиться «женский торговый мужчина» (Trein Nielsen 1983: 4). Термины эти невольно, но закрепляют представление именно о мужчине.

То, что сейчас можно сказать о женщине в торговле, не полная правда, но часть правды. Археологический материал достаточно ясен, чтобы поставить вопросительный знак перед принятым представлением о торговце-мужчине. Методологически не аргументировано, почему именно торговый инвентарь надо трактовать иначе, чем остальной погребальный инвентарь. Проблематично отсутствие упоминаний этих хозяек в синхронных источниках, и такое же положение — с вопросом о месте женщин в языческом культе Скандинавии. Один американский археолог заметил, что прошлое — зарубежная страна, где поступают по-другому (*they do things differently there*).

Лив-Хельга Доммаснес опубликовала (1982) обзор женской археологии в Норвегии последних двух десятилетий. Об анализе погребального инвентаря она пишет, что, по ее мнению, важны не столько результаты, сколько продемонстрированная плодотворность нового подхода.

Может быть, самый важный урок подобных исследований состоит в том, что исследователи интерпретируют «Прошлое» в рамках своего знания, своей культуры, то есть субъективный фактор чрезвычайно важен. Этот хорошо известный факт нередко забывается. Надо осознанно подходить к материалу, быть готовым к тому, что дела в стране «Прошлое» обстоят совсем иначе, нежели это привычно и понятно нам. Для археолога не обязательно верить молчанию письменных источников больше, чем свидетельству археологических находок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Ленинград.
2. Лебедев Г.С. 1995. Сакральная топография Ладого в «Чуде Георгия о Змие» и женская субкультура раннехристианского Севера. // *Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г. Материалы к чтением.* СПб. С. 65–70.
3. Пушкина Т.А. 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья. // *Смоленск и Гнездово.* Москва.
4. Стальсберг А. 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. // *Археологические Вести ИИМК РАН.* No 3. СПб.
5. Фехнер М.В. & Янина С.А. 1982. Весы с арабской надписью из Тимерева. // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.* Москва.
5. Arbman Í. 1943. *Birka. Die Gräber. Text.* Uppsala.
6. Blindheim Ch. 1982. *Kaupangfunnene I. Norske oldfunn* 11. Oslo.
6. Callmer J. 1980. *Numismatics and archaeology: some problems of the Viking Period.* Fomvännan 75. Stockholm.
7. Damsholt N. 1992. *Europa 1200–1500 — Cappelen kvinnehistorie. Bd.1.* Oslo.
8. Dommasnes Liv Helga 1982. *Late Iron Age in Western Norway. Female roles and ranks as deduced from an analysis of burial customs.* // *Norwegian archaeological review.* 15.
9. Dommasnes Liv Helga 1992. *Two Decades of Women in Prehistory and Archaeology in Norway.* // *Norwegian archaeological review.* 25.
10. Howell Martha C. 1986. *Women, Production and Patriarchy in Late Medieval Cities.* Chicago. London.
10. Ellmers D. 1984. *Frühmittelalterliche Handelsschiffahrt in Mittelund Nordeuropa. (Offa Monograph 28).*
11. Neumünster. Graham-Campbell J. 1980. *Viking artefacts. a select catalogue.* British Museum. London.
12. Grieg S. 1928. *Osebergfundet Bd. II.* Oslo.
13. Gunnes E. 1976. *Rikssamling og kristning 800–1177. Norges historie. Cappelen Norgeshistorie. Bd. 2.* Oslo.
14. Hodder I. 1991. *Archaeological Theory in Europe. the last three decades.* London, New York.
15. Jondell E. 1975. *Vikingetidens balansvagar I Norge. (C 1-uppsats I arkeologi).* Uppsala.
16. Kehoe Alice Á. 1983. *the Shackles of Tradition. the Hidden Half.* Washington.
17. Kyhlberg O. 1986. *Die Gewichte in den Gräbern von Birka. Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde.* Stockholm, Uppsala.
18. Mandt G. 1992. *Hva styrer våre valg av tokningsmodeller? Om framveksten av et nytt perspektiv I arkeologisk forskning.* K.A.N. — *Kvinner I arkeologi I Norge.* Nr. 13–14. Tromsø.
19. Petersen J. 1951. *Vikingetidens redskaper.* Oslo. Sognes K. 1993. *Handelskvinner eller kloke koner? SPOR 1–1993.* Trondheim.
20. Stalsberg A. 1987. *the Implications of the women's finds for the understanding of the Scandinavians in Rus' during the Viking Age.* K.A.N. — *Kvinner I arkeologi I Norge.* Nr. 5. Trondheim.
21. Stalsberg A. 1988. *the Scandinavian Viking Age finds in Rus'. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69.* Mainz am Rhein.
22. Stalsberg A. 1991. *Tradeswomen during the Viking Age. Sex roles in prehistory.* *Archaeology and environment* 11. Umeå.
23. Stalsberg A. 1991b. *Women as actors in North European Viking Age Trade. Social approaches to Viking studies.* Glasgow.
24. Stalsberg A. 1994 — Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. // *Археологические Вести ИИМК РАН.* No 3. СПб.
25. Steinsland O. 1983. *Kvinner og kult I vikingtid. Kvinnearbeid I Norden fra viktigtiden til refomasjonen. Foredrag fra et nordisk kvinnehistorisk seminar I Bergen 3–7 august 1983.* Bergen.
26. Trein-Nielsen E. 1983. *Kvindearbejdets art, vilkår og mulighed I Danmark ca. 1300–1650. Kvinder I middelalderen. (Symposieforedrag, Københavns universitet 1982).* København.
27. Wallen Per-Edwin, Stig luul Virtanen, Rigmor Frimannslund 1970. *Husfrue. Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. bd.7.*

Образ Брюнхильд в текстах «Поэтической Эдды»

Евген ПАПАКУЛЬ

ОБРАЗ валькирии Брюнхильд (от древнеисл. *brynja* — «кольчуга» и *hildir* — «битва»), одной из самых ярких героинь знаменитой германо-скандинавской легенды о Сигурде, чрезвычайно многогранен и неоднозначен. Стереотипный образ Брюнхильд негативен, ведь именно она убедила своего мужа Гуннара и его брата Хёгни убить знаменитого победителя Фафнира. В то же время после детального анализа эддических текстов образ Брюнхильд предстаёт перед нами в совершенно ином свете: это одинокая женщина с невероятно трагической судьбой.

В «Эдде» нет никаких указаний на то, сколько лет было Брюнхильд на момент смерти её отца Будли. В любом случае, она тогда была ещё совсем ребёнком, и именно отец перед смертью решил её судьбу. Согласно «Плачу Оддрун»:

*Брунхільд жа мусіла
стаць ваяўнічай
Одзіна дзевай
у шлеме зіхоткім,
і не знайшлося б
болей на свеце
гэткай жа слыннай
дзяўчыны ніколі.¹*

После этого, согласно «Поездке Брюнхильд в Хель», валькирия Брюнхильд жила в Хлюмдалире (*Долина грохота*), где её называли *Хильд-под-шлемом*:

¹ Брунхільд же пришлось // стать воинственной // девой Одина (т. е. валькирией) // в сверкающем шлеме, // и не нашлось бы // больше в мире // такой же знаменитой // девушки никогда. — Здесь и далее перевод с древнеисландского языка на белоруский язык мой — Евген Папакуль.

*«Хільд-пад-шаломам
усе мяне звалі,
покуль жыла я
у Хлюмдаліры».²*

Следует отметить, что в эддических текстах встречается и другое имя (хейти) Брюнхильд — Сигдрива, означающее *Та, что приносит победу*. Можно предположить, что этот хейти используется в ироничном смысле. Дело в том, что Один

² Хильд-под-шлемом // все меня звали, // пока жила я // в Хлюмдалире.

«Ці назаўсёды
маім стане Сігурд,
ці хай памрэ,
а іначай — не будзе!»⁴

Сидеть снаружи — особый магический обряд (útisetar), который представлял собой своего рода медитацию в определённых уединённых местах с целью гадания, предвидения будущего, контактов со злыми духами или душами умерших. Именно этот обряд практиковала пророчица из знаменитого «Прорицания вёльвы». В этом случае можно предположить, что Брюнхильд имела дар предвидения ещё до того, как стала валькирией, а поэтому её неподчинение приказу Одина могло быть намеренным. Ведь только так Брюнхильд удалось не разорвать цепь событий, которые, в итоге, привели к её встрече с Сигурдом.

К сожалению, отрывок, где Брюнхильд и Сигурд обмениваются клятвами верности, приходится на Великую лауну — утерянный фрагмент «Поэтической Эдды». Но о том, что

приказал Брюнхильд помочь в битве старому конунгу Хьяльмгуннару, но девушка (к слову, тогда ей было всего двенадцать лет) не подчинилась приказу аса и отдала победу врагу Хьяльмгуннара — молодому конунгу Агнарру, потому что тот «...**нідзе // не знаходзіў падтрымкі**»³. Такая выходка, безусловно, разозлила Одина, и он наказал Брюнхильд: уколел её волшебным шипом, и девушка вынуждена была неподвижно лежать в волшебном сне за стеной щитов, пока её не нашёл Сигурд.

Здесь может возникнуть закономерный вопрос: почему Брюнхильд пошла против Одина? Согласно средневековому мировоззрению человек всегда должен был подчиняться судьбе, а ослушаться верховного божества означало пойти против своей судьбы. Благодаря эддическим текстам можно найти достаточно логичный ответ на этот вопрос. Так, согласно «Краткой песне о Сигурде», Брюнхильд была вёльвой — пророчицей, способной предвидеть будущее:

*Звонку сядзела
увечары Брунхільд,
гэтак сказала
сама сабе дэва:*

такие обещания были даны, мы знаем из «Саги о Вёльсунгах». Однако очень скоро клятвы были нарушены, потому что, как говорила сама Брюнхильд: «...**брыдкія норны // сум нам саткалі**»⁵.

Причём нарушены обещания были не умышленно, а путём обмана. Сигурду Гримхильд, мать Гудрун, дала выпить зелье забвения, чтобы герой забыл Брюнхильд и женился на дочери Гримхильд Гудрун. Брюнхильд же, в свою очередь, согласилась выйти замуж за Гуннара только потому, что он обменялся обликом с Сигурдом, и девушка думала, что перед ней именно её возлюбленный. Отметим, что Брюнхильд неоднократно упоминала о том, «...**як падманулі // сваты мяне хітра**»⁶.

В браке с Гуннаром Брюнхильд была совершенно несчастна. И то, насколько счастливой была Гудрун с Сигурдом, делало страдания просто невыносимыми. Одной из самых эмоционально сильных в этом отношении является строфа 8 из «Краткой песни о Сигурде», которая прекрасно иллюстрирует чувства Брюнхильд:

4 *Снаружи сидела // вечером Брюнхильд, // так сказала // сама себе дева: // «Или навсегда // моим станет Сигурд, // или пусть умрёт, // а иначе — не будет!»*

5 *...уродливые норны // грусть нам выткали.*

6 *...как обманули // сваты меня хитро.*

3 *... нигде // не находил поддержки.*

Брунхильд штовечар,
поўная скрухі,
на ледавік
выбягала з сялібы,
покуль спяшала
Гудрун у ложка,
дзе абдымаў яе
гунаў уладца,
дзе з прыгажуняй
Сігурд любіўся.⁷

Понимая, что вместе со своим возлюбленным Брюнхильд при жизни не будет никогда, она подстрекает Гуннара и Хёгни убить Сигурда. Для современного читателя убийство любимого человека может показаться чем-то совершенно недопустимым, но этот поступок был единственно возможным, чтобы не прерывать ту самую цепочку событий, чтобы в результате воссоединиться с Сигурдом. И даже понимая это, Брюнхильд в какой-то момент начинает сожалеть о смерти своего возлюбленного. В «Отрывке из песни о Сигурде» на следующий день после убийства Сигурда она говорит:

«Ці падтрымайце мяне,
ці аблайце –
болей хаваць
не магу я свой смутак».⁸

К несчастьям Брюнхильд добавляется и то, что её все попросту ненавидят, хотя на самом деле она никому ничего плохого не сделала. Гудрун иногда издевается над ней, как в «Первой песне Гудрун»:

«Конунга людзі
мяне паважалі
больш за любую
Грымніра дзісу».⁹

«Диса Гримнира», то есть Одина — валькирия. Не вызывает сомнений, что речь здесь идёт именно о Брюнхильд. А после смерти Сигурда все начинают оскорблять Брюнхильд и приписывать ей вину во всех возможных бедах. Даже в сватовстве обвиняют саму девушку:

7 Брюнхильд каждый вечер, // полная отчаяния, // на ледник // выбегала с двора, // пока спешила // Гудрун в кровать, // где обнимал её // гуннов властитель (Сигурд), где с красавицей // Сигурд занимался любовью.

8 Или поддержите меня, // или кляните — // больше прятать // не могу я свою скорбь.

9 Конунга люди // меня уважали // больше любой // дисы Гримнира.

«Весела нам
у сялібе жылося,
перш чым паехаў
Сігурд на Грані
Гунару сватаць
брыдкую Брунхильд,
жонку зласліваю,
горшую з дзеваў».¹⁰

Но на этом обвинения не заканчиваются, ведь Брюнхильд считают причиной смерти не только Сигурда, но и ещё семи конунгов: Готармы, Гуннара, Хёгни, Атли, Эрпа, Сёрли и Хамдира:

«...ты — сямі конунгаў
страшнае гора,
ліха для многіх
жонак няшчасных».¹¹

На самом деле единственной причиной всех этих трагических событий является судьба, ибо, как метко замечает Гудрун в «Гренландских речах Атли»: «...лѣс не падманеш, // як ні старайся»¹². И судьбой предначертано, чтобы Брюнхильд всё же была вместе с Сигурдом. Единственным выходом в этой ситуации остаётся смерть, и Брюнхильд, не колеблясь, убивает себя, чтобы никогда больше не разлучаться с возлюбленным. Однако и по пути в Хель она слышит от великанши упреки в том, что «рукі твае // у крыві чалавечай!»¹³, хотя смерть Сигурда была единственным способом быть вместе. Но Брюнхильд понимает, что сделала всё так, как и должна была, и, имея на это полное моральное право, считает себя достойной женщиной:

«...бо не цябе,
а мяне, жонка троля,
кожны, падумаўшы,
годнай назваў бы».¹⁴

И даже убийство маленького сына Сигурда, Сигмунда, можно рационально объяснить — Брюнхильд не хотела, чтобы род Сигурда по мужской линии продолжался не от неё, а от коварной Гудрун, которая стала женой героя только благодаря колдовству.

10 Весело нам // в доме жилось, // прежде чем поехал // Сигурд на Грані // Гуннару сватать // мерзкую Брюнхильд, // злобную женщину, // худшую из дев.

11 ...ты — семи конунгов // страшное горе, // беда для многих // женщин несчастных.

12 ...судьбу не обманешь, // как ни старайся.

13 ...руки твои // в крови людской.

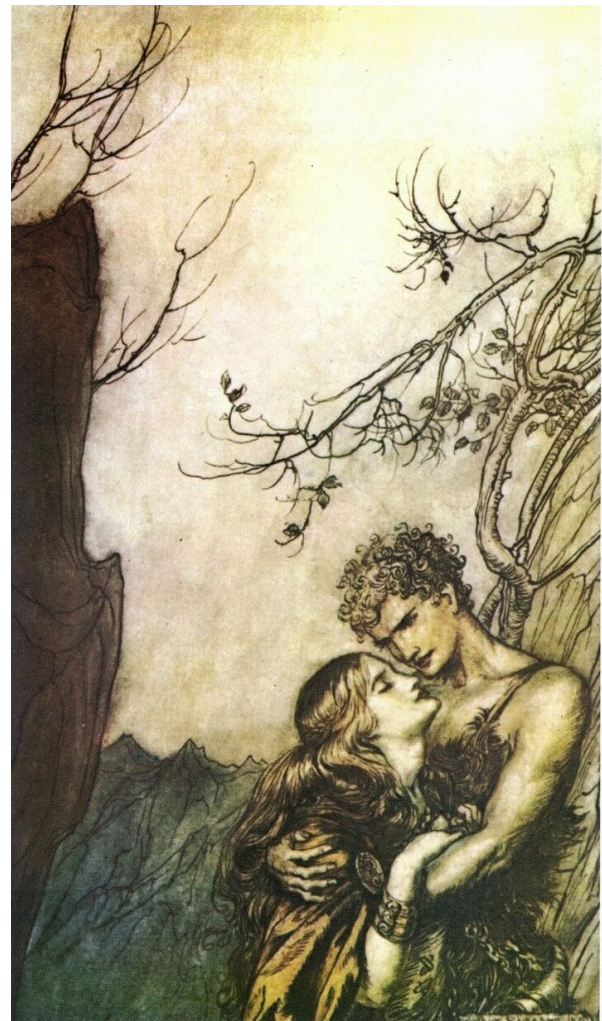
14 ...ведь не тебя, // а меня, жена тролля, // каждый, подумав, // достойной назвал бы.

В результате Брюнхильд решительно идёт к Сигурду, поскольку твёрдо убеждена, что он тоже её любит, ведь после смерти действие зелья забвения должно было прекратиться. И последние слова Брюнхильд звучат следующим образом:

*«Мы нараждаемся,
каб у маркоце
жыць, ажно покуль
смерць не надызде;
зараз заўсёды
будзем мы разам
з Сігурдам любым...»¹⁵*

Таким образом, в эддических текстах Брюнхильд предстаёт перед нами не как антагонистка, из-за которой был убит знаменитый герой Сигурд, а как жертва обстоятельств и судьбы. Несмотря на то, что вся её жизнь была предопределена и она предвидела своё будущее, Брюнхильд решительно вынесла все испытания, издевательства и страдания, чтобы в итоге достичь своей главной цели — пусть даже и после смерти, но быть со своим возлюбленным. ❖

¹⁵ Мы рождаемся, // чтобы в печали // жить, покуда // смерть не настанет; // теперь всегда // будем мы вместе // с Сигурдом любимым...

Формула клятвы на священном кольце и священный пир как базовые элементы сакральной и правовой культуры в древней Скандинавии¹

Илья Борисович ГУБАНОВ

к.и.н., старший научный сотрудник отдела
европеистики Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской
академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Древнеисландские родовые саги как зеркало традиционного общества скандинавов, законсервировавшегося на догосударственной стадии взаимодействия патрилокальных расширенных семей, сохранили для нас не только яркую картину социальной жизни в портретах и поступках живых людей — реальных предков ныне живущих исландцев, но и описания главных реалий и обычаев, пронизывавших одновременно как культ, так и право древних скандинавов.

В статье Терри Ганнелла о священном пире приводятся места из исландских саг, посвященные этому обычаю. В части предположений ученого, которые, как мне представляется, невозможно подкрепить источниками, — трактовка танцующих в рогатых шлемах с птичьими головками воинов на нашлемных чеканных пластинах из Саттон-Ху и Восточного Кургана Старой Упсалы как вождей-жрецов, разыгрывающих божественную драму [Gunnell 2001: 3–36, 7–8, 20–25]. К чести исследователя надо сказать, что Т. Ганнелл воспринимает данные о священном пире как исторические. Вполне доверяет сведениям саг о функциях годи в X столетии также Й. Х. Адальстейнссон [Aðalsteinsson 1998: 35–56].

Однако часто принято подвергать данные саг о древнескандинавском культе всякого рода сомнениям. Главный аргумент гиперскептиков состоит в том, что сведения о дохристианском культе не могли сохраниться в сагах, записанных спустя три столетия после принятия христианства в Исландии в 1000 г. н. э. Так А. В. Циммерлинг

в историко-филологических комментариях к его блестящему переводу «Саги о людях с Песчаного Берега» заявляет следующее: «*В той же саге можно найти подробные описания языческих ритуалов, но как раз эти страницы саги, как показано ниже, не основываются на традиции и представляют собой домыслы рассказчика о нравах и обычаях далеких предков <...> Комментаторы сомневаются в достоверности последнего эпизода <...> хотя, строго говоря, в нем не больше подозрительных деталей, чем в начальных главах саги, подробно описывающих языческие обычаи и детали языческого культа в IX — X вв. Эти страницы саги комментаторы по не вполне понятным причинам воспринимают не критически, считая, например, описание капища или поля тинга в гл. IV вполне надёжным. Между тем, эпизод встречи Гудлейва с Бьёрном изложен подчеркнуто корректно — рассказчик даже оговаривает, что у него нет дополнительных сведений, подтверждающих рассказ Гудлейва. Напротив, сообщения о суевверных первопоселенцах, которые якобы запрещали «глядеть на священную гору немывтым»*

¹ Первоначально статья была напечатана в Научном вестнике Крыма, № 4 (15) 2018

и «посвящали» детей «своему другу Тору», явно вносят комический эффект. К тому же, интерес исландцев XIII в. к своему прошлому не опирался на какую-либо традицию или среду, где языческий культ мог отправляться. Неслучайно, рассказчик при описании капища навязчиво сопоставляет капище с церковью, жертвенник с алтарем, а жертвенный прут — с кропилом. Тайное отправление жертвоприношений было запрещено в Исландии уже в самом начале XI в., и невозможно представить себе среду, где языческие ритуалы могли бы передаваться из поколения в поколения вплоть до XIII в.» [Исландские саги 2004: 294–295]. Сомнение в историчности замены двусовного имени Хрольв на Торольв само по себе недоказуемо, а к проверке историчности описания культа в саге вообще не имеет никакого отношения. Тем не менее А. В. Циммерлинг счел необходимым подробно остановиться именно на этом, чтобы проиллюстрировать неисторичность описания культа в сагах: «Когда сага в гл. IX и XI говорит, что мальчиков, которых при рождении сперва нарекли именами «Стейн» и «Грим», затем посвятили Тору и переименовали, соответственно, в Торстейна и Торгрима, в это можно поверить. Подобные замены разрешены правилами свертывания и развертывания древнегерманских личных имен. Двухчастные имена, такие как Þór-steinn, Þór-grímr, могли сокращаться до своих значащих вторых компонентов, ср. Steinn «камень», Grímr — «закрытый шлемом», а последние могли достраиваться до двухкомпонентных за счёт разных расширителей, ср. Grímr > Þór-Grímr, ArnGrímr, Hall-Grímr и т. д. Однако, когда сага в гл. II без тени сомнения заявляет, что человека по имени Хрольв в IX в. прозвали Торольв, «потому что он исто-во поклонялся Тору», это уже похоже на вымысел. Имя Hrólfr, как и имя Þórólfr, является сложным, двухчастным: в роли второго компонента в обоих именах выступает элемент -ólfr / -úlfr в значении «волк». Скорее всего, если переименование вообще было, героя первоначально звали Úlfr, а не Hrólfr. Рассказчик саги хорошо знал, что в исторические времена замена одного двухчастного имени на другое не практиковалась, но это не удержало его от домысла о такой возможности по отношению к суеверным поклонникам Тора» [Исландские саги 2004: 295–296].

Рассуждения такого рода носят слишком общий характер, при этом не принимается в расчет, что в «Эдде» Снорри Стурлуссона XIII в., в этом учебнике скальдической поэзии сжато и красочно излагаются основы древнескандинавской мифологии в ее исландском варианте, что требовало гораздо большей сохранности памяти о дохристианской религии и мифологии, чем сохранение общих сведений о дохристианских ритуалах в течение 200 лет.

Подобное гиперкритическое отношение к источникам при отсутствии доказательной аргументации со стороны противников историчности сведений исландских источников диктует мне определенную тематическую структуру статьи. После введения в проблему я сосредоточусь на доказательствах историчности определенных сакральных и юридических реалий, описанных в древнеисландских текстах, а затем более подробно рассмотрю обычай блотвейцлы — священного пира древних скандинавов.

Судя по древнеисландским источникам, храмы представляли собою достаточно крупные типичные длинные древнегерманские дома каркасно-столбовой конструкции, где на священных пирах передавали рог с пивом, восхваляя богов-асов. Следует подчеркнуть, что устройство древнегерманского дома каркасно-столбовой конструкции с напольными очагами по центральной оси пиршественного зала было однотипным как в жилищах богатых бондов, так и в пиршественных палатах конунгов и в храмах вождей-жрецов — исландских годи. Так, детально воссоздана структура длинного дома на исландском богатом хуторе Жердь, который был погребен под слоем вулканического пепла при извержении вулкана Гекла в конце XI в. и потому прекрасно сохранился [Байок 2012]. Длинный дом, по существу представлявший собою огромный дружинный зал датского конунга на столбах, раскопан датскими археологами в Лейре на о. Зеландия (Hus-IV). Его размеры типичны для дружинных палат конунгов данов и свеев с VI в. н. э. Дружинный зал в датском Лейре достигал 48,5 м в длину и 11,5 м в ширину, крыша, как и на исландском хуторе Жердь, опиралась на два ряда мощных столбов, а менее мощные боковые столбы поддерживали стены и кровлю. Интересно, что место конунга с особым напольным очагом и находящимися рядом несущими

деревянными столбами располагалось тут не у боковой стены, как это было традиционно, а в торце зала, отделенное от остального зала, где сидело большинство дружинников, пространством бокового входа в палаты. Это, вероятно, подчеркивало возросшую власть конунга. Вероятно, находящиеся рядом с почетным сидением — престолом конунга — несущие столбы следует считать неоднократно упоминаемыми в сагах столбами почетного сиденья (др.-исл. *ǫndvegis-súla* — «столб почетного сиденья», буквально — «находящийся напротив (пиршественных скамей?) столб»). Эти столбы несли сакральный смысл, на них часто вырезались изображения богов-покровителей. Столбы почетной скамьи, на которой восседал домохозяин, первопоселенцы брали в Исландию и причаливали и выбирали землю там, где эти столбы выбрасывало на берег [Исландские саги 2004: 25]. Детально реконструированный археологами пиршественный зал конунга в Лейре датируется 890-ми гг. н.э., здесь ещё найдено по меньшей мере 3 крупных длинных дома, датируемых от 600 г. н.э. до X столетия н.э. [Christensen 1991: 38–47; Herschend 1997: 58–59].

В храмах на специальном месте находилось священное кольцо вождя — жреца (исландского годи). На этом браслете произносили главную клятву. Следует упомянуть несколько ценных работ последнего времени на эту тему. В статье Е.А. Мельниковой, посвященной клятве на кольце в договорах русов с Византией, в частности, приведены их наименования, рассказывается о кольцах клятвы в песнях «Старшей Эдды», в «Младшей Эдде» Снорри и в сагах, рассказывается об археологических артефактах, которые, возможно, служили в качестве колец клятвы, начиная с бронзового века и эпохи Переселения Народов [Мельникова 2014: 176–192]. В статье Марианны Хем Эриксен, посвященной преимущественно дверным кольцам, приводится изображение знаменитого швейского кольца клятвы из Форса с рунической

надписью (хотя чтение Стефана Бринка гипотетическое) [Hem Eriksen 2015: 73–87]. Обстоятельная статья Anne Irene Riisoy посвящена клятвам в «Старшей Эдде», и в отдельной ее части исследуется тема клятвы на кольце [Riisoy 2016: 143–146]. В частности, тут дан обзор литературы об эддических клятвах, об эпическом обозначении древнеанглийского короля как «давателя колец» не только в «Беовульфе», но и в Англосаксонской Хронике в X веке, перечисляются археологические артефакты V — начала X вв. н.э., предположительно трактуемые как «кольца клятвы» (напр., готское кольцо из Пэтроассы, т.н. «Forsa ring» из Хэльсингланда в Швеции и др.), наконец, даются ссылки на археологические работы, в которых постулируются найденные в Скандинавии сакральные места, в которых эти кольца окроплялись кровью жертвенных животных (напр., Lilla Ullevi севернее Стокгольма, где было найдено 65 железных колец вендельского периода и глиняная платформа 15 на 18 метров, на которой, вероятно, ради окропления колец «жертвенной кровью», резали скот). Статья Вяч. С. Кулешова посвящена золотым браслетам русов в IX — XI вв. [Кулешов 2017: 253–258]. В статье О.Л. Губарева показано отличие юридических формул и сакральной обрядности в клятвах скандинавов (представленных в договорах русов с византийцами) и славян [Губарев 2013: 1–7].

Универсальная юридическая формула клятвы на кольце сохранилась и может быть верифицирована. Как в важных договорах с иноплеменниками, так и в тяжбах коллективов родичей такая формула на священном кольце использовалась, вероятно, фактически в неизменном виде по крайней мере в X и начале XI столетия. В «Книге о занятии земли», повествующей об исландских первопоселенцах, рассказывается о функциях годи, возведении дохристианских храмов по четвертям, а также приводится формула клятвы на священном кольце годи:

[Pat var upphaf inna heiðnu laga, at menn skyldu eigi hafa höfuðskip í haf, en ef þeir hefði, þá skyldi þeir af taka höfuð, áðr þeir kæmi í lands sýn, ok sigla eigi at landi með garandi höfðum eða gínandi trjónum, svá at landvættir fælist við.

[Вначале были языческие законы, по которым люди не должны иметь кораблей с носовыми фигурами в море, а если они имеются, то люди должны снимать эти фигуры до того, как станет видна земля, и не подплывать к берегу с оскаленными головами или с разверстыми пастьями, потому что духи страны могли испугаться].

<p>Baugr, tvíeyringr eða meiri, skyldi liggja í hverju höfuðhofi á stalla. Þann baug skyldi hverr goði hafa á hendi sér til lögbinga allra, þeira er hann skyldi sjálfir heyja, ok rjóða hann þar áðr í roðru nautsblóðs þess, er hann blótaði þar sjálfir. Hverr sá maðr, er þar þurfti lögskil af hendi at leysa at dómi, skyldi áðr eið vinna at þeim baugi ok nefna sér vátta tvá eða fleiri. «Nefni ek í þat vætti,» skyldi hann segja, «at ek vinn eið at baugi, lögeið. Hjálpi mér svá Freyr ok Njörðr ok inn almáttki Áss sem ek mun svá sök þessa sækja eða verja eða vitni bera eða kviðu eða dæma sem ek veit réttast ok sannast ok helzt at lögum ok öll lögmæt skil af hendi leysa, þau er undir mik koma, meðan ek em á þessu þingi».</p>	<p>Кольцо в два или более эйрира должно лежать на алтаре в каждом главном капище. Это кольцо каждый год должен надевать на свою руку на каждое общее собрание, где он будет председательствовать, но сначала окрасить его в крови животного, которое он сам там принесёт в жертву. Каждый человек, которому нужно будет выступать на суде, должен сначала принести клятву на этом кольце и назвать двух или больше своих свидетелей. «Призываю я в свидетели, — должен он сказать, — что я приношу клятву на кольце, законную клятву. Да помогут мне Фрейр, Ньёрд и всемогущий ас, чтобы я в этом деле обвинял, или защищал, или давал показания, или присуждал, или выносил приговор так, как я считаю самым правильным, самым истинным, и более всего — в соответствии с законом, и все предписанные законом выступления будут вести мною так, покуда я на этом тинге».</p>
<p>Þá var landinu skipt í fjórðunga, ok skyldu vera þrjú þing í fjórðungi, en þrjú höfuðhof í þingsókn hverri. Þar váru menn valdir til at geyma hofanna at viti ok léttlæti. Þeir skyldu nefna dóma á þingum ok stýra sakferli. Því váru þeir goðar kallaðir. Hverr maðr skyldi gefa toll til hofs sem nú til kirkju tífund] [Íslenzk fornrit. I. bindi 1986: Landnámabók. Fjórði hluti. 7 kapituli].</p>	<p>Тогда страна была поделена на четверти, и должно быть три тинга в четверти, и три главных капища в каждой общине тинга. Там были выбраны люди, чтобы присматривать за капищами, мудро и справедливо. Они должны были назначать суды на тингах и управлять ходом тяжбы. Поэтому их называли годи. Каждый человек должен был платить капищу пошлину, как сейчас десятину церкви.] [Книга о занятии земли. Ч. IV. Гл. 7] (Перевод Тимофея Ермолаева)</p>

Прежде всего, следует отметить, что фактически совпадают тексты юридических формул, предваряющей тяжбу коллективов родичей по поводу сожжения на хуторе в длинном доме патрилокальной расширенной семьи Ньяля с взрослыми сыновьями (их женам кровники позволили выйти из пылающего длинного дома) и «Книги о занятии земли», в которой подробно рассказывается о норвежских первопоселенцах в Исландии. В «Саге о Ньяле» речь идет о тяжбе на альтинге в первой четверти XI в., т.е. уже после принятия христианства в Исландии в 1000 г. н.э., поэтому клятва произносилась на Библии и вместо дохристианских божеств обращаются к христианскому Богу. В остальном же тексты фактически идентичны. Существенно, что клятва на священном кольце годи по «Книге

о занятии земли», фиксирующая, согласно этому источнику, нормы древнейших норвежских законов Гулатинга первой половины X века (текстов законов Гулатинга столь раннего времени не сохранилось), носит универсальный характер, то есть такая формула произносилась как стороной истца, так и стороной ответчика, а также свидетелями.

Приведу параллельно главную формулу юридической клятвы в Исландии X — XI вв. по «Книге о занятии земли» и «Саге о Ньяле», что позволяет убедиться в фактической идентичности текстов. Е.А. Мельникова просто цитирует эту формулу, но ни с чем не сравнивает и потому не имеет возможности судить об исторической достоверности свидетельства «Книги о взятии земли» [Мельникова 2014: 183–184].

«Nefni ek í þat vætti,» skyldi hann segja, «at ek vinn eið at baugi, löggeið. Hjálpi mér svá Freyr ok Njörðr ok inn almatkti Áss sem ek mun svá sǫk þessa sækja eða verja eða vitni bera eða kviðu eða dæma sem ek veit réttast ok sannast ok helzt at lögum ok ǫll lǫgmæt skil af hendi leysa, þau er undir mik koma, meðan ek em á þessu þingi.»

«Я призываю свидетелей в том», — должен он говорить, — «что я приношу клятву на кольцо, законную клятву. Да помогут мне в том Фрейр, Нёрд и всемогущий Ас, чтобы я так вменял иск, или защищал, или свидетельствовал, или судил, как, я знаю, правильное всего и правдивее всего, и законнее всего будет, и все по закону пойдет, ведомое мною собственноручно, что подлежит мне, покуда я участвую в этом тинге». (Перевод И.Б. Губанова)

Brennu-Njálssaga 12. Mǫrðr mælti: «Nefni ek í þat vætti,» sagði hann, «at ek vinn eið at bók, löggeið, ok segi ek þat guði, at ek skal svá sǫk þessa soekja, sem ek veit sannast ok réttast ok helzt at lögum, ok ǫll lǫgmæt skil af hendi inna, meðan ek em at þessi máli.» [Brennu-Njálssaga 1908: Altnordische Saga — Bibliothek. Hf. 13: 349–350].

12. Мёрд сказал: «Я призываю свидетелей, сказал он, в том, что я приношу клятву на Книге, законную клятву, и говорю я Богу, что я буду так вменять иск, как, я знаю, правдивее всего, правильное всего и законнее всего будет, и все по закону пойдет, ведомое мною собственноручно, покуда я участвую в этом деле». (Перевод И. Б. Губанова)

Этот факт с большой долей вероятности говорит об универсальности и архаичности основной юридической формулы клятвы на священном кольце. Наиболее вероятно, что здесь мы имеем фиксацию архаичной сакрально-юридической традиции в двух независимых источниках.

Есть ли у нас источники, синхронные описываемым событиям, которые повествуют о клятве

древних скандинавов на священном кольце? Такой источник существует, на что обратила внимание Е.А. Мельникова [Мельникова 2014: 184]. В Англосаксонской Хронике в рукописи «А» в связи с событиями нормандской колонизации на севере Англии (основания Дэнло или Данелага — области датского права) рассказывается следующее.

876 [875] Her hie ne bestel se here into Werham Wesseaxna fierde, ond wiþ þone here se cyning friþ nam, ond him þa apas sworon on þam halgan beage, þe hie ær nanre þeode noldon, þæt hie hredlice of his rice foren; ond hie þa under þam hie nihtes bestelon þære fierde se gehorsoda here into Escanceaster; ond þy geare Healfdene Norþanhymbra lond gedelde ond ergende wæron ond hiera tilgende. 876 [875]

Тогда войско ускользнуло от уэссекского ополчения в Уэрхем. Король заключил мир с [тем войском — И.Г.]; они поклялись ему на священном кольце [курсив мой — И.Г.] — так они прежде ни одному народу не клялись, — что они быстро уйдут из его королевства. Но под этим предлогом они ускользнули ночью от [уэссекского] ополчения верхом в Эксетер. И в тот год Хеалвдене поделил землю в Нортрумбрии, и они ее вспахали и стали с нее жить (Англосаксонская хроника 2010: 70). (Перевод З.Ю. Метлицкой, с испр. И.Б. Губанова)

Таким образом, клятва на священном кольце вовсе не является досужей выдумкой саг.

Согласно «Саге о людях с Песчаного Берега», священное кольцо хранилось в храме в особом месте. Сага дает развернутое описание храма в Исландии конца IX — начала X в., который поддерживали жрецы-вожди годи на средства своих тинговых людей, которые были должны ездить со своим годи на тинг и, в свою

очередь, могли рассчитывать на помощь своего влиятельного годи в родовых тяжбах. Наличие священного кольца как главной реликвии и общее устройство храма по типу крупного длинного древнескандинавского дома каркасно-столбовой конструкции, засвидетельствованные в других исторических и археологических источниках, вызывают доверие к описанию саги.

IV. 6. Hann setti bó mikinn við Hofsvág, er hann kallaði á Hofsstöðum; þar lét hann reisa hof, ok var þat mikít hús; váru dyrr á hliðveggjum ok nær ǫðrum endanum; þar fyrir innan stóðu ǫndvegissúlurnar, ok váru þar í naglar; þeir hétu reginnaglar. Þar fyrir innan var friðstaðr mikill.

7. Innar af hofi nu var hús í þá líking sem nú er sǫnghús í kirkjum, ok stóð þar stalli á miðju gólfi nu sem altari, ok lá þar á hringr einn mótlauss, tvítøgeyringr, ok skyldi þar at sverja eiða alla. Þann hring skyldi hofgoði hafa á hendi sér til allra mannfunda.

8. Á stallanum skyldi ok standa hlautbolli, ok þar í hlautteinn sem stǫkkull væri, ok skyldi þar stǫkva með ór bollanum blóði, því er hlaut var kallat; þat var þesskonar blóð, er sóf. váru þau kvikendi, er goðunum var fórnat. Umhverfi s stallann var goðunum skipat í afh úsinu.

9. Til hofsins skyldu allir menn tolla gjalda ok vera skyldir hofgoðanum til allra ferða, sem nú eru þingmenn hǫfðingjum, en goði skyldi hofi upp halda af sjalfs síns kostnaði, svá at eigi rénaði, ok hafa inni blótveizlur [Стеблин — Каменский 2002: 184–188] (пагинация по изданию серии Altnordische Saga — Bibliothek, см. Eyrbyggja saga 1897: 9–11)

IV. 6. Он поставил у Капищного Залива большой хутор и назвал его Капищный Двор. Там же он велел возвести капище; это был большой дом. В боковых стенах, ближе к углам, были прорезаны двери. Внутри стояли столбы почетной скамьи; они были закреплены гвоздями; гвозди эти звались богowymi. Внутри капища было большое святилище (букв. — «место мира» — И. Г.).

7. В помещении была постройка вроде хора в нынешних церквях, и там посреди пола стоял жертвенник, как алтарь в церкви. Поверх него лежало незамкнутое кольцо весом в двадцать эйриров. На нем следовало приносить все клятвы. Кольцо это годи капища должен был надевать на руку на всех сходах.

8. На жертвеннике также должна была стоять жертвенная чаша с прутом наподобие кропила. Им следовало разбрызгивать из чаши ту кровь, что звалась «долей», — то была кровь умерщвленных животных, принесенных в жертву богам. Вокруг жертвенника в задней части капища стояли боги.

9. Все люди должны были платить налог на капище и сопровождать годи во всех поездках, как теперь жители округи своего хёвдинга. А годи должен был содержать капище, чтобы оно не пришло в упадок, и устраивать в нем жертвенные пиры [Исландские саги. Т. 2. 2004: 25–26]. (Перевод А. В. Циммерлинга)

Подробное описание священного пира содержится в «Саге о Хаконе Добром» «Круга Земного» Снорри Стурлусона. Рассказывается, как в середине X века ярл Хладира Сигурд давал пиры «от руки конунга» на севере

Норвегии, в Трэнделаге. Из рук в руки передавался кубок — рог с пивом, и пирующие восхваляли Одина, Тора, Фрейра, божество поэзии Браги, а также пили за погребенных в курганах.

14... Hélt Sigurðr jarl upp blótveizlum ǫllum af hendi konungs þar í Þroendalǫgum. Þat var forn siðr, þá er blót skyldi vera, at allir boendr skyldu þar koma sem hof var ok fl ytja þannug fǫng sín, þau er þeir skyldu hafa, meðan veizlan stóð. At veizlu þeirri skyldu allir menn ǫl eiga; þar var ok drepinn allskonar smali ok svá hross; en blóð þat alt, er þar kom af, þá var kallat hlaut, ok hlautbollar þat, er blóð þat stóð í, ok hlautteinar, þat var svá gert sem stǫklar; með því skyldi rjóða stallana ǫllu saman,

14... Сигурд ярл давал все жертвенные пиры от лица конунга там в Трэндалёге. По древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собраться туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны во время жертвенного пира. На этот пир все должны были принести также пива. Для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей. Вся кровь от жертв называлась жертвенной кровью, а чаши, в которых она стояла, — жертвенными чашами, а жертвенные веники были наподобие кропил. Ими окропляли все жертвенники, а также стены капища

ok svá veggj hofsins utan ok innan, ok svá stökkva á mennina; en slátr skyldi sjóða til mannfagnaðar. Eldar skyldu vera á miðju gólfi í hofi nu ok þar katlar yfi r; ok skyldi full um eld bera. En sá er gerði veizluna ok hǫfðingi var, þá skyldi hann signa fullit ok allan blótmatinn. Skyldi fyrst Óðins full, skyldi þat drekka til sigrs ok ríkis konungi sínum, en síðan Njarðar full ok Freys full til árs ok friðar. Þá var mǫrgum mǫnnum títt at drekka þarnæst Braga full. Menn drukku ok full frænda sinna, þeirra er gofgir hǫfðu verit, ok váru þat minni kǫlluð [Snorri Sturluson 1991: 106].

снаружи и внутри. Жертвенной кровью окропляли также людей. А мясо варили и вкушали на пиру. Посредине пиршественной палаты горели костры, а над ними были котлы. Полные кубки передавались над кострами, и тот, кто давал пир и был вождем, должен был освящать полные кубки и жертвенные яства. Первым был кубок Одина — его пили за победу и владычество своего конунга, потом шли кубок Ньёрда и кубок Фрейра — их пили за урожайный год и мир. У многих было в обычае пить после этого кубок Браги. Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок называли поминальным [Снорри Стурлусон 1995: 74–75]. (Перевод М. И. Стеблина-Каменского)

Насколько можно доверять свидетельствам саг о священном пире? Обращает на себя внимание, что в сагах для обозначения важных культовых предметов древних скандинавов, которые использовались при священном пире, употреблена терминология, встречающаяся в мифологических песнях «Старшей Эдды». Это сложные составные слова с компонентом hlaut — «жребий». Упоминаются «прутья жребия», которыми кропили жертвенной кровью пирующих, «чаша

жребия», в которую была налита кровь жертвенных животных. Между тем в знаменитой песне Эдды — «Прорицания вельвы», в которой рассказывается мифологический взгляд на рождение и гибель мира, сказано, как после Регнарёка — последней битвы богов и чудовищ (асов с ванами и чудовищных Волка, Мирового Змея и великанов) — бог Хёнир из нового поколения богов выбирает *hlaut-viðr* — «жребия (или жертвенной крови) дерево».

63. Þá kná Hœni
hlautvið kjósa
ok burir byggja
brœðra tveggja
vindheim víðan.
Vituð ér enn — eða hvat?
[Edda 1927 Bd I: Text. Vǫluspá 63]

63. Тогда сможет Хёнир
жребия (или жертвенной крови) дерево
выбрать,
и сыновья населяют
братьев обоих
ветродом широкий [небо — ? — И. Г.].
Узнаете еще — или как?
(Перевод И.Б. Губанова)

Значение др.-исл. hlaut в этом двусоставном слове, которое в контексте саги обозначает, собственно, «кровь жертвенных животных», в своем общем для германских языков значении «жребий, удел» зафиксировано в других германских языках: г. hlauts — «жребий» (то же значение у д.-а. hliet, д-в-н. hlōz (н. Los)).

Что представляло собою выбранное после гибели старого мира Хёниром hlaut-viðr — «жребия (или жертвенной крови) дерево», сказать трудно, быть может, деревянный стержень с магическими рунами, обещающими благою долю, благоприятную судьбу нового мира, или новое Мировое Древо или, быть может, это

собирающее значение деревянных культовых предметов, аналогичных храмовой чаше жертвенной крови и прута жертвенной крови? Для нас важным следует признать сохранение архаичного сакрального слова hlaut, первой части этого эддического композита, в качестве первой части наименования предметов дохристианского культа. Саги, как показано выше, называют hlaut-teinn — «прут жертвенной крови», с помощью которого кровью принесенных в жертву животных кропили участников священного пира, и «чашу жертвенной крови» — hlaut-bolli, в которую эта жертвенная кровь наливалась.

Выводы

Подведем итоги. Главное, на что следует обратить внимание при анализе составных слов, обозначающих предметы «пира жертвенной крови» — основного древнескандинавского культового действия в сагах, — это специализация значения общегерманского слова, обозначающего долю и жребий (*hlaut*), для обозначения крови жертвенного животного, что не имеет почвы в христианском культе и потому не может быть сочинено в Исландии после христианизации.

Формула дохристианской клятвы на кольце годи имела универсальный характер как для истца, так и для ответчика, а также для свидетелей. Она содержится в «Книге о занятии земли», где описывается архаичный вариант законов Гулатинга, перенесенный на исландскую почву во второй четверти X века, то есть в дохристианские времена. Ей полностью соответствует текст клятвы истца в «Саге

о Ньяле», хотя после христианизации Исландии в 1000 г. н.э. эту клятву произносили уже не на кольце годи, а на Библии. Какой вывод можно сделать из идентичности юридических формул на кольце по «Книге о занятии земли» и на Библии по «Саге о Ньяле»? Либо, что, с моей точки зрения, маловероятно, автор «Саги о Ньяле», фигурально выражаясь, «взял с полки» «Книгу о взятии земли» и переписал формулу в сагу, либо что это фиксация в двух источниках, независимых друг от друга, реальной архаичной юридической традиции. Я считаю гораздо более вероятным второй вариант.

Таким образом, совокупность данных источников, их сравнение и критический анализ позволяют говорить со значительной долей вероятности об историчности формулы клятвы на священном кольце вождя-жреца и обрядов древнескандинавского священного пира в IX — X вв. н. э., описанных в исландских сагах.

Список источников:

1. Англосаксонская хроника. Пер. с др.-англ. Метлицкой З.Ю. — СПб.: Евразия, 2010–288 с.
2. Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов. М., 2012.
3. Губарев О.Л. О клятвах русов и славян // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. № 5. 2013. С. 1–7.
4. Исландские саги. Т. 2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; Стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева / под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с. — (*Studia philologica*).
5. Кулешов Вяч. С. Золотые браслеты русов IX–XI веков: тексты, вещи и функции // *В камне и в бронзе: Сб. статей в честь Анны Песковой / Редакторы-составители А.Е. Мусин (отв. ред.) и О.А. Щеглова (ИИМК. Труды. Т. XLVIII)*. СПб.: ИИМК РАН; ООО «Невская Книжная Типография», 2017. С. 253–258.
6. Мельникова Е.А. «Обручья» некрещеной Руси в руссковизантийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // *Средние Века*. № 75 (4). 2014. С. 176–192.
7. Снорри Стурлусон. Круг Земной. — Л.: Научно-издательский центр «Ладомир», изд-во «Наука», 1995. 688 с.
8. Стеблин — Каменский М. И. Древнеисландский язык. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2002.
9. Aðalsteinnsson Jón Hnefill. Blót and þing: the function of the tenthcentury Goði // *a Piece of Horse Liver: Myth, Ritual and Folklore in Old Icelandic Sources*. Reykjavík, 1998. P. 35–56.
10. Brennu-Njáls saga. Ed. Gustave Cederschiöld, Hugo Gering und Eugen Mogk // *Altnordische Saga — Bibliothek*. Halle, 1908. Hf. 13.
11. Christensen T. Lejre — syn og sagn. Roskilde: Roskilde Museums Forlag, 1991.
12. Edda. Die Lieber des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. Von G. Neckel. Ytidelberg, 1927. Bd I: Text.
13. Eyrbyggja saga // *Altnordische Saga — Bibliothek / Hrsg. von Gustaf Cederschiöld, Hugo Gering und Eugen Mogk*. Halle: A. S. Max Niemeyer, 1897. Gunnell T. Hof, Halls, Goðar and Dwarves: An Examination of the Ritual Space in the Pagan Icelandic Hall // *Cosmos*. 2001. № 17. P. 3–36.
14. Gunnell T. Hof, Halls, Goðar and Dwarves: An Examination of the Ritual Space in the Pagan Icelandic Hall // *Cosmos*. 2001. № 17. P. 3–36.
15. Hem Eriksen M. the powerful ring. Doors rings, oaths rings and the sacral place // *Viking Worlds. Things, spaces and movement*. Ed. By M.H. Eriksen, U. Pedersen, B. Rundberget, I. Axelsen and H. Berg. Oxbow, Oxford. 2015. P. 73–87.
16. Herschend F. Livet I Hallen. Tre fallstudier I den yngre järnålders aristokrati // *Occasional Papers in Archeology 14*. Uppsala: Institutionen för arkeologi och antic historia, Uppsala universitet, 1997.
17. Íslenzk fornrit. I. bindi. Jakob Benediktsson gaf út. Hið íslenska fornritfélag. Reykjavík, 1986.
18. Osebergfundet. Utgit av den Norske Stat / Under redaction av A. W. Brøgger, H. J. Falk, Haakon Schetelig. Mit einem — deutschen Auszug. Kristiania: Universitetets Oldsaksamling, 1920.
19. Riisoy A.I. Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? // *Journal of the North Atlantic*. Vol. 8. 2016. P. 141–156.
20. Snorri Sturluson. Heimskringla. Fyrra bindi. Ritstjórn Bergljót S. Kristjánsdóttir, Bragi Halldórsson, Jón Torfason, Örnólfur Thorsson. Mál og menning. Reykjavík: Prentsmiðjan Oddi hf., 1991.

День жены (konudagr)

Василий БАРИНЦЕВ

День жены — первый день месяца Гои по традиционному скандинавскому календарю.

В древности с этого дня начинался пятый месяц зимы под названием Гои. В то время как месяц Торри был мужчиной, Гои был женщиной. В разных местностях образ этого месяца трактовали по-разному — Гои была то супругой, то дочерью, то сестрой предыдущему месяцу, то есть Торри. По одной из легенд она приходилось также сестрой Сугробу, Метели и Пороши, внучкой Снежку и правнучкой Леднику. Всё это обширное семейство уже говорит о Гои как о суровом месяце.

Обычаи первого дня Гои совершенно аналогичны обычаям первого дня Торри (Дня мужа) с той лишь разницей, что все те же действия выполняются человеком противоположного пола.

Мужчина (хозяин) выходит из дому во двор в вечер перед началом Гои и приглашает Гои, как и любую другую почётную гостью. Домохозяйка же должна в первое утро Гои встать ни свет ни заря и обежать хозяйство три раз в штанине, надетой только на одну ногу (сообразно своему мужу при встрече предыдущего месяца, Торри), выкрикивая при этом особый куплет и нараспев приветствуя Гои и призывая её зайти в её двор или дом. После этого она, как и все остальные женщины, должна отдыхать, поручив всю работу мужской половине семейства.

К слову сказать, последние дни месяца Гои назывались «Служка Гои», и, хотя они предвещали наступление долгожданного лета, именно они считались самыми суровыми. В соответствии с народной традицией эти дни посвящались либо старым девам, либо незамужним матерям (что в давние времена считалось грехом). Крайне опасным становилось любое дело, особенно связанное с мореплаванием.

Как бы то ни было, первый день Гои известен как konudagr (День жены), и мужа должны были быть особенно внимательны к своим жёнам в этот день. Мужчины пытались ублажить своих жён, взваливая бремя домашней работы на себя, а также стремились уделить как можно больше внимания своей второй половинке, не только исполняя, но и предугадывая желания любимой. А для женской части населения это означало удвоенную порцию кофе и завтрак в постель, и нередко цветы от мужа или возлюбленного. С появлением на рынке цветов многокрасочные букеты также стали атрибутом праздника. Также популярно дарить дамам сердца особый традиционный торт.

С XIX века этот праздник начали отмечать как Женский день, поздравляя не только своих жён.

В русской традиции День жены не имеет соответствий, так как он отмечается в соответствии с переходящей (подвижной) датой традиционного скандинавского календаря.

Аркадий СОЛОНИН

Анатомия Души

Исследование первоначально опубликовано
в сообществе: https://vk.com/asatru_ural

ДУША — Женский род

1. Внутренний, психический мир человека, его сознание.

«Предан душой и телом своему делу»

2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами.

«Добрая д.»

3. ПЕРЕНОСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Вдохновитель чего-н., главное лицо.

«Д. всего дела»

4. О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях; разговорное).

«В доме ни души»

5. В старину: крепостной крестьянин.

«Ревизская д. Мёртвые души»

(с)

*И трое пришло
из этого рода
асов благих
и могучих к морю,
бессильных увидели
на берегу
Аска и Эмблу,
судьбы не имевших.
Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир — дух,
а Лодур — тепло
и лицам румянец.
(с)*

В нашем сознании Душа — это то, что мы собой представляем, и то, что останется после смерти. Единая и неделимая, она продолжит своё существование. Где и как — мнения у всех расходятся. Но в том, что она единая и «просто» устроена, согласны почти все. По крайней мере, в современном мире, особенно приверженцы главенствующих религий. А между тем, у многих народов как севера так и юга, да и практически у всех сохранившихся до наших дней языческих культур душа состоит из нескольких элементов, которые тесно связаны между собой, и потеря или травма любого из них возможна ещё при жизни. Причём эта потеря влечёт серьёзные проблемы со здоровьем как психическим, так и физическим, а в некоторых случаях даже смерть. Стоит напомнить, что в современной психологии психика, или «душа», человека также состоит из нескольких частей. И современные психологи, и шаманы древности произвели такое деление для того, чтобы лучше понять проблемы, возникающие со здоровьем человека, хоть как-то их описать и классифицировать, найти универсальные способы и методы помощи.

И если в арсенале современных психологов есть научный метод познания, достоверная статистика, возможность ставить проверяемые и контролируемые эксперименты, то у врачей прошлого была только интуиция, личный опыт и в редких случаях общение с «коллегами», но даже при этом они смогли достичь немалых высот как в теоретических моментах описания, так и в практических манипуляциях.

Сегодня рассмотрим то, как выглядела «анатомия души» у скандинавов эпохи викингов. При том что статей с данной темой в довольно много, к сожалению, все они однотипны, без изменения кочуют с сайта на сайт, и очень часто авторы пытаются провести параллели с индийскими или китайскими понятиями и терминами. Я же попытаюсь этого избежать и ниже приведу выжимку из нескольких источников, стараясь сохранить максимальную историчность и достоверность. Во всяком случае, насколько это вообще возможно в весьма эфемерной и неоднозначной теме.

Части души

Скандинавская языческая концепция души гораздо сложнее и запутаннее, чем привычная христианская. Согласно северной традиции «душу» формируют несколько разных аспектов, гармоничное взаимодействие которых и создаёт целостную личность.

Какого-то строгого порядка перечисления не сохранилось, как нет и единого всеми принятого мнения о структуре, и ниже представлено то, что удалось собрать и обобщить из нескольких источников. При подготовке статьи был использован принцип «лучше не вписывать сомнительную или неоднозначную информацию, чем засорять текст непроверенными гипотезами и теориями».

Начнём с внешности. Даже для описания такой обыденной вещи было использовано несколько понятий:

Хамр (Hamr) — «оболочка», дословно — «шкура». Это внешность. Внешность, которая могла быть изменена. Самый яркий пример — это оборотничество. Также это та форма, которую человек может принимать во время сновидений или когда покидает физическое тело во время внетелесных путешествий. Ещё это облик посмертного призрака, если таковой остаётся (по сути, пустая телесная оболочка, без каких либо чувств, эмоций или желаний). Именно искусством изменять внешность в совершенстве владели колдуны и ведьмы. При этом следует понимать, что речь вряд ли идёт о реальном изменении физического тела, а лишь о его восприятии окружающими или самим человеком.

Наравне с хамр выделяют — **Лик (lík, líkami) — «внутренние органы», «тело человека» «мёртвое тело».**

Это собственно физическое тело, сосуд, в котором находятся все части души. Это плоть, кости и кровь. Именно лайк вместе с хамр создает форму и внешний вид, который воспринимают окружающие люди и человек считает своим телом. Лайк и хамр тесно связаны, и изменение одного влечёт изменение другого.

Непосредственной частью лайк и хамр является Ла и Лит.

Ла (Lá) — «тепло», «кровь». Объединенное понятие «внутреннего тепла/жара».

Лит (Lit) — «(жизненный) цвет» «внешность» «(внешний) вид».

Их в виде дара людям преподнёс Лодур:

...а Лодур — тепло (lá) (litu).

и лицам румянец.

«Внутренний мир» начинается с понятия Ёнд и Одр.

Энд/Ёнд, Анди (önd, Andi) — «дух», «дыхание» «дух жизни», жизненная энергия, то, что оживляет тело и делает человека живым. Именно это отличает жизнь от смерти, одушевленное и неодушевленное. Этот дар люди получили от Одина:

...дал Один дыханье (önd)...

Неразрывно с этим связан дар Хёнира — Одр:

...а Хёнир — дух (Óð)...

Одр (Óðr) — «дух», «созидательный пыл», «ярость», «поэзия», стимул действовать. В русском языке нет слова-аналога или точного описания. Это и побуждение к действию, и к творчеству вообще и поэзии в частности. Вообще, это скорее состояние существования, чем часть души. Это высшее осознание и сознание, и это связь, посредством которой люди испытывают вдохновение и экстаз.

Выше рассмотрены «общие» качества для любого человека, а для того, что сейчас принято называть душой или, точнее, личностью, скандинавы использовали понятия Хугр и Минни.

Хугр (Hugr) — «мысль», «сердце (в понимании зов сердца)», «предчувствие». Раньше у многих народов сердце, а не мозг, считалось одним из главных органов тела, во всяком случае, все «чувственные» процессы и решения, по их мнению, происходили именно там.

Хугр может быть наиболее удовлетворительно переведен как «мысль» или «ум». Он тождествен современному понятию «личность» и сознательным когнитивным процессам и поэтому является тем, что мы сегодня называем чьим-то «внутренним я». Это та часть ума (психики), которая способна думать, чувствовать и обрабатывать эмоции. Это то, откуда исходит наше личное выражение, а также осознание и принятие решений.

Хугр обычно остается в пределах своего «хозяина», но во снах, а иногда и по желанию, может покидать тело и странствовать во внешнем мире, собирая информацию или наблюдая за происходящим. Опять же, достигалось это посредством специальных длительных тренировок или ритуалов.

Минни (Minni) — «память». Глубина личного бессознательного, память. Это место, где покоятся воспоминания и то, что, как нам кажется, мы забыли. Это то место, где обитает наша Тень. Минни может быть доступна во время трансовых состояниях и в медитации.

Хугр и Минни следует рассматривать как две части единого понятия — разума. Вместе они создают личность и характер, способность расти и учиться, чувствовать эмоции и действовать. Именно поэтому двух воронов Одина зовут Хугин «Мыслящий» и Мунини «Знающий/Помнящий».

*Хугин и Мунини
над миром все время
летают без усталы;
мне за Хугина страшно,
страшней за Мунина, —
вернутся ли вороны!*
(с)

Потеря Хугр означает потерю рационального мышления, способности думать и жить в настоящем, принимать связанные адекватные решения, фактически становясь безумным. Потеря минни будет означать потерю воспоминаний, опыта

и способности запоминать что-то новое, навсегда застряв «вне времени».

Эти два элемента в своём комплексе как раз и составляют тот образ, который остаётся после смерти и переходит в загробную жизнь. Для его описания использовали слово «скугги».

Скугги (Skuggi) — «тень», «посмертный образ». Знакомое современным европейцам слово **Сол (sál) — «душа»,** обозначающая то же, что и скугги, возникло, скорее всего, в раннем средневековье с приходом на север христианства и было, вероятно, попыткой подвести «дикую» и языческую систему под «правильную» библейскую.

К влияниям внешним, но всё равно тесно связанным с личностью, относят Фульгью и Хамингью.

Фульгия (Fylgja) — «родовой дух», «дух-двойник», «идуший по следу», «следующий». Буквально слово переводится как «последователь», но понимается как «идуший» впереди и прибывающий в намеченное место перед своим владельцем. Фульгия имеет определенную степень автономии и может действовать самостоятельно, по своему усмотрению. Фульгия может появляться во снах кого-то, кто встретится с её владельцем в ближайшее время. Наиболее близкое слово-аналог — это тотем или знакомый дух, который был уникален для каждого человека. Её характер и форма тесно связаны с характером человека и отражают его хугр. Часто, но не всегда, она может быть животным. Например, застенчивый человек может иметь оленя в качестве своей фульгии, а воин — волка или медведя. Самый яркий пример — кошки, вороны или другие существа, которые часто являются спутниками ведьм в европейских сказках. Это и есть Фульгии. Фульгия не обязательно должна быть заметна обычным зрением, и опять же, вряд ли стоит ожидать, что она находится в «физическом мире» или является материальным объектом.

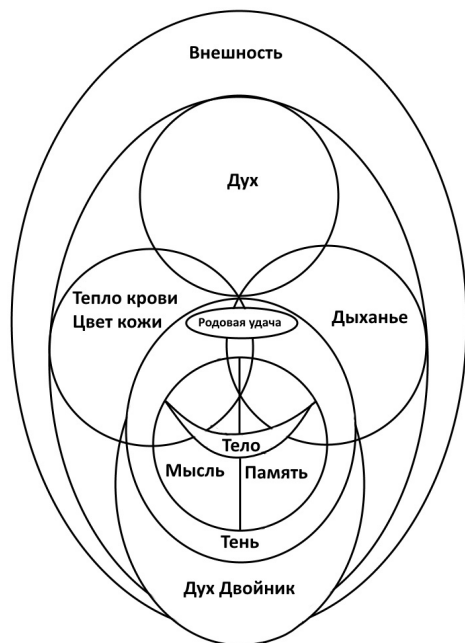
Хамингья (Hamingja) — «родовая удача», общее «везенье» — врожденный успех, сопутствующий в жизни. Хотя это слово часто используется в абстрактном смысле для обозначения «удачи», но норвежское понимание удачи сильно отличается от современного. Удача — это качество, присущее человеку, исходя из его происхождения, она является частью его личности, схожей с его силой, умом или умением владеть оружием, при этом ею

определяется мера успеха в жизни в целом, достижение богатства, власти и благополучия семьи.

Следует понимать и учитывать, что удача, Хамингья, являясь частью личности человека, также «личность» сама по себе. И в определенных обстоятельствах может покинуть владельца, если сочтет его образ жизни и поступки недостойными. Также, когда человек умирает, его Хамингья часто переходит в одного из его потомков, особенно если ребенку дается имя первоначального владельца Хамингьи. Иногда, однако, возможны моменты, когда Хамингья завещает себя по собственному желанию родственнику своего первоначального владельца без каких-либо специальных имен. Также она может быть передана другим на какое-то время, чтобы помочь им в особенно опасных миссиях, где везение жизненно необходимо.

Для более наглядного восприятия представить всё это вместе можно в виде схемы:

Разумеется, картинка очень условная, и в реальности подобные изображения вряд ли существовали, но если бы древний шаман или лекарь решили бы перенести своё представление на бумагу, то получилось бы что-то подобное.

Рассматривая такую сложную и обширную тему, нельзя не добавить ещё два фактора, оказывающих влияние на человека, и хотя они скорее «внешние», их влияние самое значительное. Это Вирд и Орлёг.

Вирд (wyrd, weird) — «становление». Одно из проявлений закона причины и следствия — производная всех прошлых поступков, тот итог, который наступает под совокупностью совершенных действий и поступков. Из прошлого вырастает будущее. Талант, характер, темперамент, склонности, социальный слой, в котором рождается человек, — все это личный Вирд.

Концепция Вирда похожа на сложную паутину. Когда паук наступает на нить, вибрации охватывают всю сеть и все что на ней, так же любые действия, совершенные человеком, прямо или косвенно отражаются на нём и на окружающем мире, а действия других — на его личной судьбе. При этом Вирд довольно пластичен, его можно менять, каждый имеет возможность делать выбор, и его дальнейшая судьба зависит от тех действий, которые он совершает.

Орлёг (orlög, orlug) — буквально «вне закона». Это «первичные слои» или «первичные законы» — тоже судьба, но, в отличие от Вирда, Судьба высшего порядка. Это то, что предначертано, и то, что невозможно избежать или исправить. Это статические точки, узлы в паутине судеб и событий окружающего нас мира. Изменить или избежать их невозможно, но при этом возможно предвидеть, и к ним можно подготовиться. Самый яркий пример — это Рагнарёк. Вся скандинавская мифология вращается вокруг этого неизбежного события. Хотя Один и другие боги знали, что он неизбежен, они продолжали готовиться, чтобы с честью войти в последнюю битву и достойно встретить свою судьбу.

Толкин и скальдический стих

Константин ПИРОЖКОВ

Уже около полувека прошло после смерти профессора Дж.Р.Р. Толкина, но новые его произведения продолжают появляться до сих пор — и среди них такие, о которых ранее ничего не знали. Так лишь недавно стало известно, что его перу была не чужда и скальдическая поэзия.

Сын писателя, тоже преподававший в оксфордском университете филолог Кристофер Толкин (между прочим, переводчик на английский язык «Саги о Хервёре и Хейдреке»), так рассказывал об этом явлении:

«От названия «Песенной Эдды» образовано прилагательное «эддический», по контрасту со «скальдический» (современное производное от древнеисландского слова *skáld* в значении «поэт»). О скальдической поэзии отец писал в тексте лекции по «Старшей Эдде» <...>: ««Короли» Севера сравнительно поздно обрели достаточно богатства и власти, чтобы держать пышные дворы, а когда это наконец произошло <...>, в поэзии местная лаконичная, сжатая, строфическая, зачастую драматическая форма эволюционировала не в эпос, но в поразительно благозвучную, хотя и формализованную замысловатость скальдического стиха». Эта «придворная поэзия», как ее вполне можно называть, представляла собою чрезвычайно сложное и самобытное искусство, в рамках которого причудливые стихотворные формы подчинялись жестким, строгим правилам; цитируя отца, «замысловатость, в которой разнообразные виды внутренних и конечных полных и неполных рифм, как вокалических, так и консонантных, неразрывно связаны с законами «веса», ударения и аллитерации и осознанным намерением в полной мере использовать энергию, силу и рокошующий ритм древнеисландского языка» (Толкин, Дж. Легенда о Сигурде и Гудрун. М.: АСТ, Астрель, 2011. С. 44–45. Перевод С. Лихачёвой).

Профессор Йельского университета, специалист по древнеанглийской и древнескандинавской литературе Роберта Франк (р. 1941) опубликовала в научном журнале (*New Literary History*, Volume 50, Number 3, Summer 2019, pp. 393–398. <https://muse.jhu.edu/article/740071>) статью «*Dróttkvætt*», посвящённую «дружинному размеру», дроткветту — трёхтактному стихотворному размеру, наиболее детально разработанному в скальдической поэзии. В качестве примера она привела одну из строф толкиновского стихотворения.

«Машинописная копия выполненной Дж.Р.Р. Толкином имитации *dróttkvætt*'a была мне подарена более сорока лет назад покойным Эриком Кристиансенем из Нью-Колледжа, Оксфорд, который обнаружил три строфы, написанные почерком Толкина, в принадлежавшем последнему экземпляре «*Heimskringla*» [«Круг земной»] (*The Saga Library*, ed. and trans. William Morris and Eiríkr Magnússon [London: Quarich, 1891–1905], vol. 3)» (р. 398).

Ещё один специалист по древнегерманской филологии, Нельсон Гёринг, так прокомментировал эту публикацию в закрытой группе Толкиновского общества (*The Tolkien Society*) в социальной сети:

«Роберта Франк — хорошо известный и влиятельный исследователь скальдической поэзии, имеющий в данной среде тесные связи. Я не вижу повода сомневаться в её рассказе: то, что она

получила машинописную копию от Эрика Кристиансена, который (как кажется) в итоге получил личный толкиновский экземпляр этого перевода «Heimskringla» <...> Я предполагаю, что книга оказалась в его руках, поскольку он был его коллегой — оксфордским учёным, возможно, когда Толкин ушёл в отставку.

Я склонен не согласиться с данной Робертой характеристикой о неполноте в «поэзии» — я нахожу, что стихи производят нужный эффект как визуально, так и на слух — неполнота эта скорее в синтаксисе. По сравнению с лучшими средневековыми скальдическими стихотворениями (а не все сохранившиеся стихи — шедевры...), Толкин синтаксически очень прямолинеен <...>. По общему признанию, очень сложно писать хорошую скальдическую поэзию на современном английском языке, хотя я уверен, что у Толкина получилось бы гораздо лучше, если бы он больше практиковался (во многом так же, как в его попытках писать длинные аллитеративные строки, которые со временем стали существенно лучше)».

При комментировании публикации стихотворение стало доступно целиком. Слева приведён оригинал, справа — перевод на русский язык.

The Derelicts.

*Long-gazing they lingered
lonely beside the stony
beaches dark, where breakers
boomed resounding gloomy.
Pools lay gleaming palely
pricked by stars there flick'ring
in winds wanly bending
winter's candles glinting.*

*Winter's winds had hunted
waves as dark as ravens,
their shrouded ship laden,
lightless, sea-benighted.
Forth now fared they mirthless
far from mortal laughter,
in caves coldly-builed
kindled fires that dwindled.*

*Songs by the fires they sang not:
silent lurked the island,
washed by shouting waters,
waves as dark as ravens.
The moon the clouds mantled;
Mist in starlight twisted;
in wind wanly bending
winters candles glinted.*

Заброшенные.

*Долго вдаль глядели,
Думая о доме,
Буруны о берег
Бились с гулким стоном.
Заводи пронзались
Звёзд седым мерцаньем,
Свет под ветром слабых
Свечек зимних таял.*

*Ветер зимний впился
В вороние волны,
Тьма их судно тлила,
Тяжким грузом полно.
Смертных нет там смеха,
Скорбно прочь шагали.
Поддувая пламя,
По пещерам грелись.*

*Песен там не пели,
Притаился остров.
Воют всюду воды,
Вороние волны.
Месяц в тучах мрачных,
Мгла средь звёзд дрожащих,
Свет под ветром слабых
Свечек зимних таял.*

Роберта Франк критически оценила толкиновскую попытку воспроизвести этот размер: «Схема рифмовки, аллитерация и число слогов дружинного размера здесь представлены. Не хватает его поэзии — гипнотизирующего звучания и ассоциаций по памяти, остроумия и намёков, внезапно-го великолепия всестороннего восприятия» (р. 393).

Кроме того, она указала на нарушение Толкином правил размера, заменив в двух случаях его слова, чтобы звучание этим правилам соответствовало.

their [leaden] ship laden, <...>
far from mortal [portals]

По словам Франк, классическая строфа дружинного размера состоит из восьми строк; синтаксический разрыв после четвёртой строки разделяет целое на две симметричных половины по двадцать четыре слога каждая (такое число букв было в старшем руническом алфавите). Базовая метрическая единица — шестисложная строка с тремя ударениями, которую полагалось завершать свойственным хорее окончанием: долгим ударным слогом, за которым следовал краткий безударный. Строки связывались попарно при помощи аллитерации, то есть соответствия начальных звуков (все гласные соответствуют друг другу и большинству слов, начинающихся на j-). В нечётной строке два ударных аллитерирующих слога, в нечётной — один (всегда первый). В каждой строке предпоследний слог должен составлять созвучие с основой в той же строке (данное правило в представленном переводе на русский язык не соблюдается). В нечётных строках присутствует полная рифма, в чётных — «полурифма» (иные гласные следуют тому же согласному; в переводе на русский правило также не соблюдено). Из сорока восьми слогов в полной строфе в норме двадцать четыре ударные, двенадцать несут аллитерацию, восемь образуют полную рифму, а восемь — «полурифму». Размещение восьми рифмующихся и четырёх аллитерирующих слогов безальтернативно. Как натянутая проволока в сети или сите, каждое значимое слово связано одним или несколькими способами с другими в этой же или непосредственно примыкающей к ней строке.

Кроме того, скальды искажали синтаксис (часто изложение мысли, начинающееся в первой строке, завершалось лишь в четвёртой), так что уверенности в понимании содержания у слушателей не было до самого конца произведения (р. 393–394).

Несмотря на имеющиеся замечания, толкиновское стихотворение представляет собой любопытную попытку воссоздания на другом языке столь непростой скальдической поэзии. Дата создания «Заброшенных» неизвестна, я предполагаю, что это примерно рубеж 1920-х–1930-х гг., те годы, когда Толкин (после 1925 г.) стал профессором Оксфордского университета и, наряду со своим другом К.С. Льюисом и другими коллегами, образовал кружок «Углегрызов», изучавших скандинавские саги, читая их в оригинале. К этому же времени относятся и поэмы Дж.Р.Р. Толкина, опубликованные посмертно в сборнике «Легенда о Сигурде и Гудрун», которые его редактор Кристофер Толкин сопровождал фрагментами из отцовских лекций того периода. ❖

Кемпер-путешествие по Исландии: полуостров Снайфедльснес

Катерина АНДРЕЕВА

Фотодневники путешествий:

www.andreev.org

НАЧАЛЬНОЙ точкой нового дня путешествия значилось место с веселеньким названием Hell(nar) на том же южном берегу полуострова Снайфедльснес всего в 33 км от кемпинга.

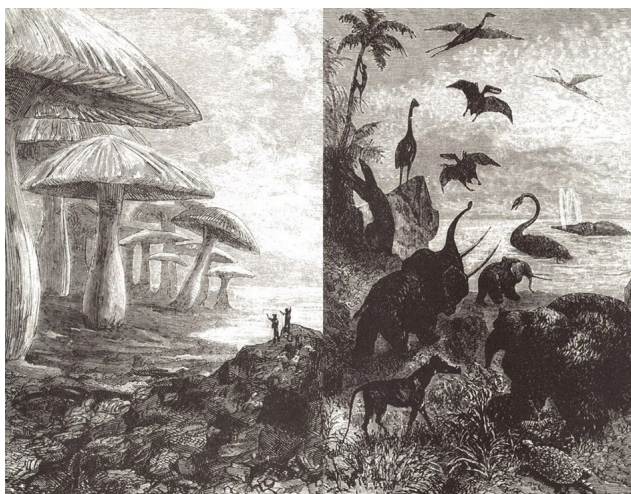

Вулкан Снайфедльс, давший имя этой местности, считается активным до сих пор, хотя извергался последний раз 1800 лет назад. Пепел от того извержения можно обнаружить по всей западной части острова Исландия.

Оставил вулкан свой след и в культурном «слое», он нередко упоминается в исландских народных сагах. А Жюль Верн вообще переоткрыл Снайфедльс, спустив в его жерло профессора Лиденброка в поисках центра Земли. Даже наш Ф.М. Достоевский, впечатленный историей, рассказанной Ж. Верном, отправил своего Ставрогина из «Бесов» на искупление грехов всё на тот же

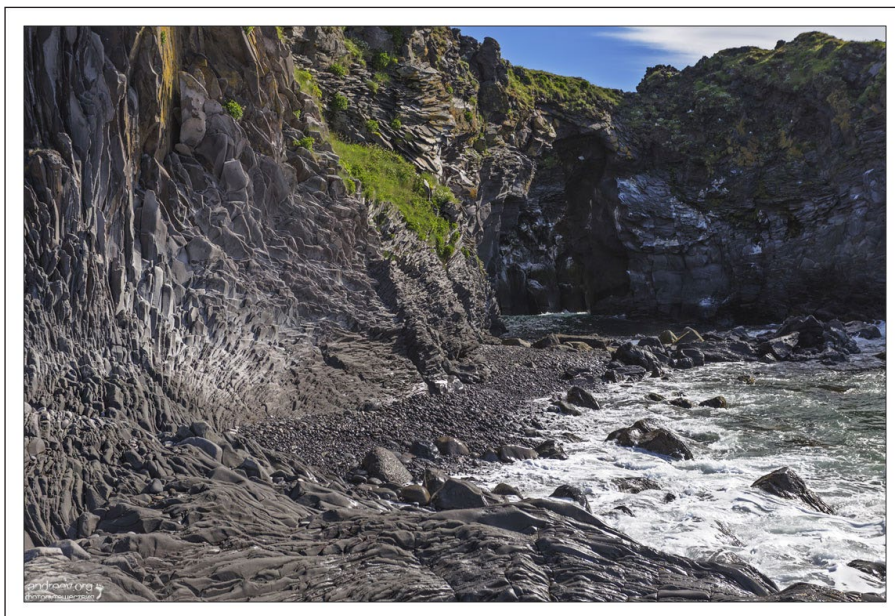

вулкан. В общем, непростое место. Некоторые верят, что Снайфедльс — один из семи энергетических центров Земли.

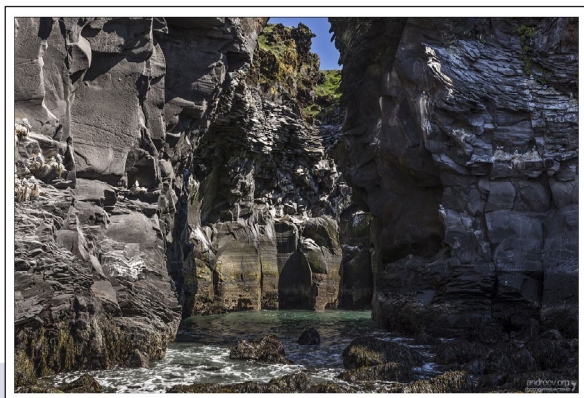

Две оригинальные иллюстрации, сделанные французским художником Édouard Riou к роману Ж.Верна

Бывшая рыбацкая деревня Хедльнар долгое время оставалась основным пунктом для захода рыболовных судов на полуостров. Здесь располагались фермы крестьян, велась торговля с прибывшими.

Сегодняшний Хедльнар — это музей да церковь, а еще очень необычная лавовая пещера Бадстова (исл. Ваđstofuhellir).

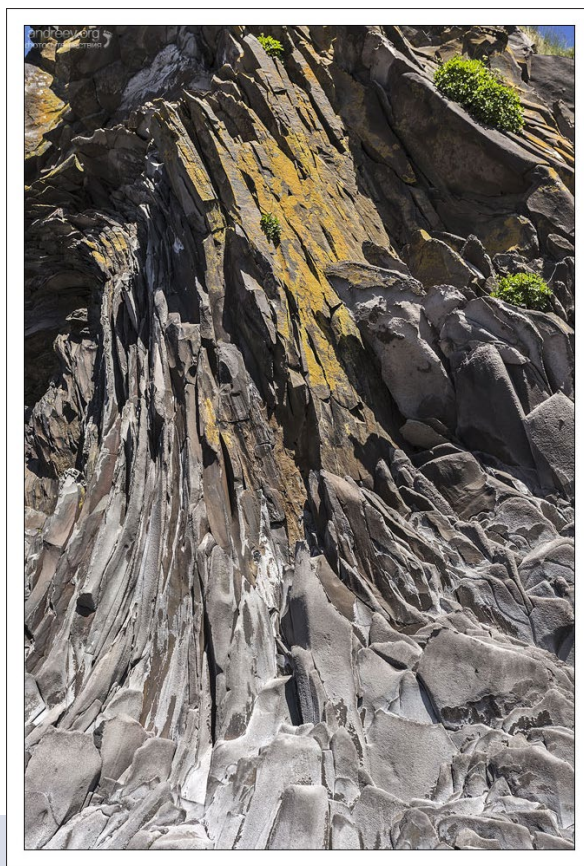
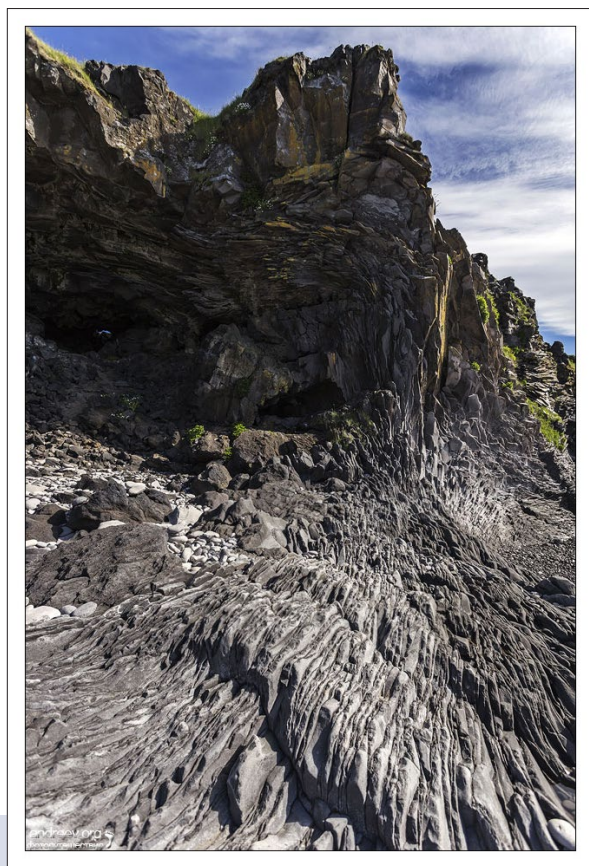

Мало того, что на ее подступах лава взметнулась ввысь изогнутыми колоннами двух цветов (из разных извержений), так и сама пещера меняет цвет по прихоти освещения.

Как будто кто-то невидимый балуется с настройками яркости.

Оказавшись на галечном пляже возле входа в пещеру, нужно внимательно следить за уровнем воды. Когда заметите прилив — сразу же уходить. Вода прибывает с большой скоростью и в считанные минуты может залить все эти валуны «с головой».

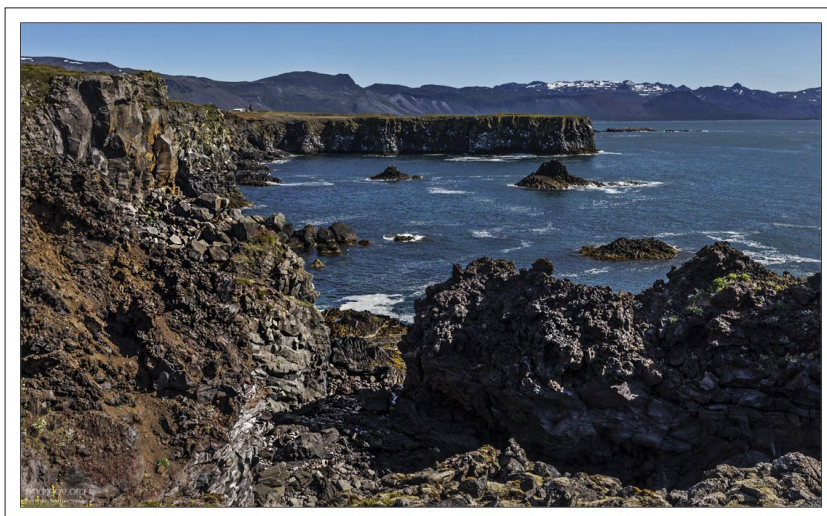
Вот кому на приливы абсолютно наплевать, так это фульмарам: птички сидели в гнездах, охраняя своих пушистых птенцов. Фульмары не такие агрессивные, как полярные крачки, но копошение людей внизу им тоже не нравилось, что выражалось в резких криках. Мол, уходите-ка подобру-поздорову, а не то...

В чем заключалась кара фульмаров, мы не стали выяснять, т.к. всё равно уже пора было выдвигаться на тропу.

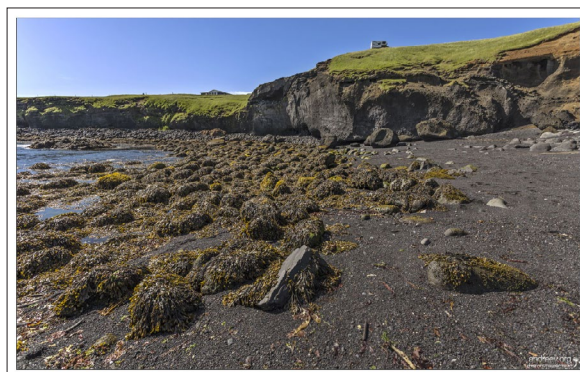

Между деревнями Hellnar и Arnarstapi раскинулось старое лавовое поле Hellnahraun. Через него, прямо вдоль береговой линии, бежит 2,5-км тропа. Возраст лавы составляет приблизительно 3900 лет. И даже по прошествии такого отрезка времени она едва-едва покрыта мхом и разрыв-травой (камнеломкой по-научному).

Тропа несложная, практически без набора высоты. Многочисленные каменюки складываются в самые разнообразные фигуры — то тролль привидится, то шатер Шамаханской царицы.

Прямо у берега есть несколько лавовых арок и даже черный (недосягаемый) пляж. Закончить тропу можно у арки Gatklettur (GPS coords 64.765963, -23.622490) и возвращаться по своим следам, сделав небольшой крюк к Бардуру.

Bárður — полуогр/получеловек, герой одной из исландских саг. По легенде, пропал без вести на леднике Snæfellsjökull в IX-м веке. С тех пор его дух охраняет здешние места.

По возвращении в Hellnar не лишним будет подкрепиться. Для этих целей идеально подходит Fjöruhúsið safe, приткнувшееся на склоне холма. Место ну очень живописное; даже ради него одного стоит заглянуть в этот уголок полуострова.

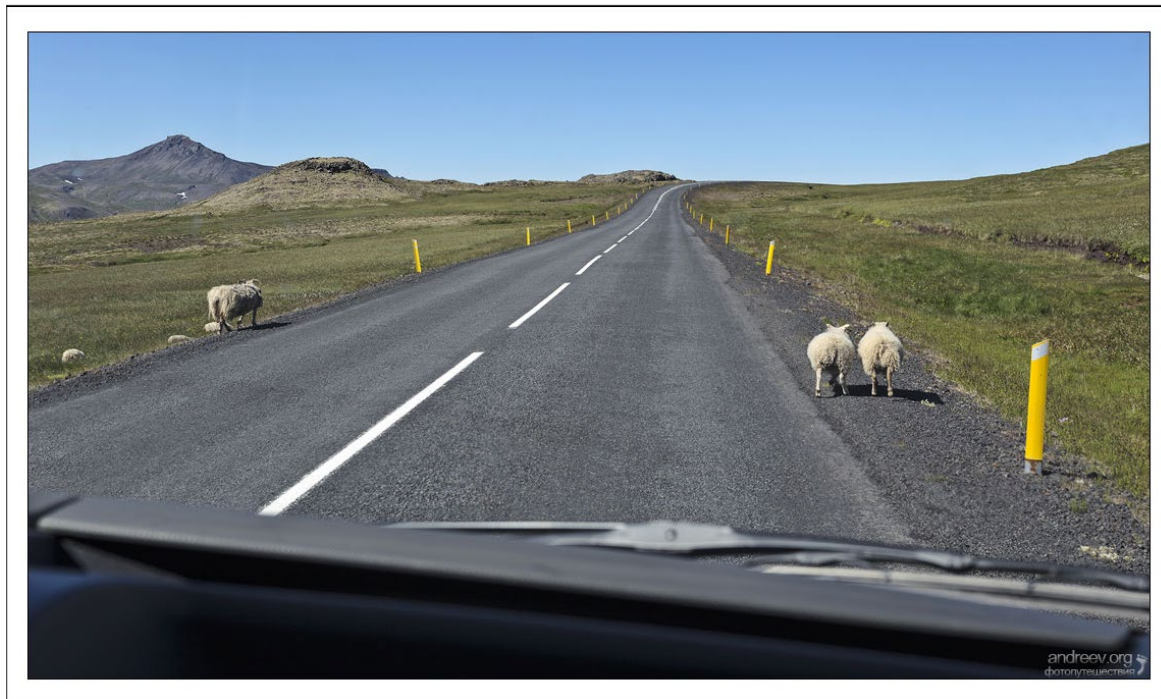

Кафе популярно как среди заезжих, так и среди самих исландцев. Еда легкая, незамысловатая и очень вкусная: уха, домашний хлеб с ветчиной, сыры, вафли, лимонад, горячий шоколад и кофе в фарфоровых чашечках (да!). Сидеть лучше всего на террасе, любуясь окрестностями.

Чтобы побыстрее попасть на северную часть полуострова, мы не стали объезжать его по кругу, а срезали по 54-й дороге (см. карту в начале). Она вполне пригодного качества, асфальтирована. Машин нет, только овцы-самоубийцы так и норовят прыгнуть под колеса.

Встретился одинокий хутор — белый домик с красной крышей, и рядом зеленый квадратик «туна» — возделываемого луга. Снежная шапка Снайфедльса видна даже на таком расстоянии и как будто символизирует белый платочек. Возвращайтесь когда-нибудь!

Гудрид и Фрейдис — женщины-викинги, побывавшие в Америке

Стефан ХЁГБЕРГ
Перевод со шведского:
Анастасия ТИШУНИНА

Перевод первоначально опубликован в сообществе «Библиотека викинга» https://m.vk.com/biblioteka_vikinga

В письменных источниках о путешествиях викингов из Гренландии в Винланд, т. е. Новый Свет, упоминается, что в плаваниях принимали участие две женщины. И не просто принимали, но играли важные, порой руководящие роли. Что можно сказать о них сегодня, чуть более тысячи лет спустя? Можно ли доверять этим источникам? Сколько реальных сведений сохранилось о Гудрид дочери Торбьёрна и Фрейдис дочери Эрика?

Саги, археология и анализы ДНК

Есть три письменных источника, в которых упоминаются Гудрид и Фрейдис: это две сохранившиеся версии «Саги об Эрике Рыжем» и единственный сохранившийся текст «Саги о гренландцах». Кроме того, есть несколько находок, сделанных археологами, а также интересное дополнение, полученное в результате анализа ДНК.

Все имеющиеся данные относятся к определённому периоду времени, когда должны были происходить основные события, а именно к нескольким десятилетиям около 1000 года — периоду, который обычно считается закатом Эпохи викингов.

Сначала мы рассмотрим «Сагу об Эрике Рыжем», которая, как полагают, была записана во второй половине XIII века и сохранилась в двух

исландских рукописях: одна датируется началом XIV века, а другая — 1420-х гг. Личность автора неизвестна, но, по всей видимости, он опирался на более древнюю устную традицию. История содержит несколько фантастических элементов и как минимум одного зомби.

Возглавить экспедицию в Винланд

Некоторые исследователи отмечают, что сага должна была бы носить имя Гудрид, а не Эрика, поскольку именно она является центральной фигурой в сюжете. Гудрид родилась в Исландии, однако затем её семья эмигрировала в Гренландию, где друг её отца Эрик Рыжий уже основал колонию. Они получили от Эрика землю для постройки хутора, а Гудрид вышла замуж за одного из его сыновей — Торстейна. Однако

вскоре случилась вспышка болезни, и Торстейн умер. А затем ожил и пришёл к Гудрид, чтобы дать ей добрый совет, а также предсказать её будущее.

Отец Гудрид также вскоре умер, и она, унаследовав его имущество, стала теперь весьма богатой вдовой.

Вскоре Гудрид снова вышла замуж. Её избранником стал зажиточный исландский купец Торфинн Карлсефни, и вот теперь в сюжете появляется Винланд. Оставшиеся в живых сыновья Эрика Рыжего обнаружили неизвестную страну на западе, но они не были заинтересованы в её колонизации, ведь у них были богатые владения в Гренландии. Однако Гудрид и Торфинн решили, что новый мир сулит счастливое будущее и, учитывая её наследство, его состояние и присущую обоим находчивость, они смогут воплотить все свои планы.

Были построены три корабля, достаточно большие, чтобы вместить 140 человек и необходимый скот. Среди тех, кто отправился в путь, были внебрачная дочь Эрика Рыжего Фрейдис и её муж. Они отплыли на запад и открыли скалистый Хеллуланд (название одной из трех территорий, открытых Лейфом Эрикссоном, сейчас она называется Баффинова Земля) и лесистый Маркланд (ныне побережье Лабрадора). Викинги исследовали местность и обнаружили, что попали в процветающую и плодородную землю. Они поселились во фьорде на острове, который назвали Оточным.

В первую же осень на новой земле у Гудрид и Торфинна родился сын Снорри.

Кого повстречали северяне?

Зима была суровой, люди страдали от голода, но весной была снаряжена экспедиция на юг, чтобы

разведывать новые земли. У анонимного автора саги, по всей видимости, в распоряжении были две версии развития событий. Согласно первой, Гудрид осталась на Оточном острове вместе со Снорри, и часть людей была под её командованием. Но согласно второй версии, она отправилась в путешествие. Фрейдис отправилась в путь в обеих версиях. Небольшой отряд поплыл на север на одном из кораблей.

Торфинн возглавил экспедицию на юг и основал новое поселение в устье реки в тёплой местности. Здесь имел место первый контакт с теми, кого автор называет скрэлингами. Этим словом северяне обозначали инуитов Гренландии. Учёные спорили, мог ли это быть коренной народ Северной Америки — возможно, алгонкины или микмаки, или же один из народов, которые были истреблены во время более поздней европейской колонизации? Или речь вообще идёт об инуитах? Ответа на этот вопрос уже не будет. Поэтому из-за отсутствия лучших альтернатив мы продолжим использовать термин «скрэлинги» из оригинального текста.

Фрейдис берёт в руки оружие

Сначала викинги начали торговлю с чужаками, но скрэлинги испугались одного из быков северян и убежали. Когда они вернулись, то это был уже воинский отряд. Завязался ожесточённый бой, и в какой-то момент северяне дрогнули и обратились в бегство. Однако Фрейдис подняла мужчин на смех:

«Фрейдис вышла и увидела отступление. Она крикнула:

— Вы такие молодцы, а бежите от этих жалких людишек! Вы же могли бы перебить их всех, как скот! Было бы у меня оружие, уж я бы, наверно, дралась лучше любого из вас.

Но они не обратили никакого внимания на ее слова. Фрейдис хотела присоединиться к ним, но ей было не догнать их, так как она была беременна. Она пошла за ними в лес, а скрэлинги приблизились к ней. Тут она увидела перед собой на земле убитого, это был Торбранд, сын Снорри. В темени его торчал плоский камень, а меч его лежал рядом. Она хватает меч и готовится защищаться. Тут скрэлинги подбегают к ней. Тогда она выпрастывает одну грудь из-под рубашки и шлепает по ней обнаженным мечом. Скрэлинги были так напуганы этим, что бросились к своим лодкам и поплыли прочь».

(Перевод М.И. Стеблин-Каменского)

Провал экспедиции

Викинги были настолько потрясены нападением скрэлингов, что отплыли обратно в поселение на Оточном острове. В той версии, согласно которой Гудрид дождалась их там, экспедиция заняла лишь летние месяцы, но в другой версии, в которой Гудрид приняла участие в этой экспедиции, сказано, что викинги всё же перезимовали на новом месте. Торвальд, один из сыновей Эрика Рыжего, совершил вылазку на север, и там его повстречало таинственное одноногое существо человекообразного вида (очень быстро передвигающееся, несмотря на свою одноногость), которое смертельно ранило его стрелой. Тогда участники экспедиции сдались и вернулись на Оточный остров.

«Однажды утром Карлсефни и его люди увидели на дальней стороне прогалины какое-то пятнышко, которое поблескивало, и они закричали на него. Пятнышко зашевелилось, и это оказался одноногий человек, который бросился скачками туда, где стоял их корабль. Торвальд, сын Эрика Рыжего, сидел у руля. Одноножка попал ему стрелой в низ живота. Торвальд выдернул стрелу и сказал:

— Богатую страну мы нашли. Жиром обросли мои кишки.

Вскоре после этого Торвальд умер от раны. Одноножка бросился убежать на север. Карлсефни и его люди погнались за ним и по временам видели, как он убегал от них. Наконец он скрылся от них в какой-то бухте, и они повернули назад».

Прошла вторая или, возможно, даже третья зима на новом континенте. Начались разногласия и ссоры. Мужчины, страдавшие от отсутствия женской компании, стали открыто спорить и враждовать с женатыми. С приходом весны северяне сдались окончательно. Колония не смогла выжить среди воинственно настроенных соседей и справиться с внутренними конфликтами, и корабли отправились обратно в Гренландию.

Гудрид и Торфинн поселились с маленьким Снорри на хуторе Торфинна в Исландии, у них родился ещё один сын, которого назвали Торбьёрн, и сага заканчивается сведениями о потомках Гудрид и Торфинна — их правнуки стали епископами.

Перед нами исторический роман?

Итак, в нашем распоряжении имеется текст XIII века или его более поздние копии. Что можно сказать обо всём этом? Любопытное описание того, как скрэлинги нападают на викингов, потому что испугались быка, звучит как попытка скрыть некую неприглядную истину: возможно, северяне не лучшим образом обошлись с небольшой группой аборигенов, пришедших к ним сначала, и, к своему удивлению, обнаружили затем, что поблизости находилось намного больше людей. Но почему беременная и вооружённая Фрейдис смогла внушить аборигенам такой ужас? И так ли

на самом деле бессмысленны попытки реконструкции истории на основе текста, в котором присутствуют муж-зомби и некий одноногий стрелок, способный убежать от двуногих?

В «Саге об Эрике Рыжем» явно есть элементы, призванные развлечь читателя, и она была записана как минимум через 150 лет после того, как описанные события имели место. Вероятное существование более древней устной традиции едва ли способно помочь учёным. Исследования показывают, что рассказчики обычно адаптируют историю под современную им аудиторию, и за 150 лет адаптации должно было накопиться немало изменений. Может быть, поэтому в истории появились ходячий мертвец и одноногий бегун?

Карта событий

Карта из Скаульхольта

В то же время в саге есть немало деталей, которые больше похожи на изображение реальной попытки колонизации новых земель, чем на захватывающий приключенческий рассказ, и не в последнюю очередь это — понимание, к которому в конце концов приходят путешественники: они должны сдаться и отплыть обратно, чтобы выжить. Оценивая достоверность саги как источника, мы должны также вспомнить и карту из Скаульхольта. Оригинал этой карты был составлен в 1570 году, когда молодой учитель по имени Сигурд Стефаунссон попытался обобщить все сохранившиеся до его времени

сведения о путешествиях скандинавов на запад. Сохранились лишь чертежи, но и они оказались достаточно точными, чтобы помочь археологам определить место легендарной археологической находки Л'Анс-о-Медоуз в Ньюфаундленде.

Как об этой находке, так и о критике «Саги об Эрике Рыжем» как источника можно сказать ещё очень многое, но в данной обзорной статье мы более подробно рассмотрим другое сохранившееся изображение попыток колонизации — «Сагу о гренландцах».

Эта сага, по всей видимости, была впервые записана также в XIII веке, спустя примерно полтора века после попытки колонизации. Она сохранилась в исландском манускрипте, датируемом примерно 1390 г. Как и в случае с первой сагой, автор нам неизвестен. Скорее всего, он работал на основе более древней устной традиции.

Из Гренландии в Винланд

«Сага о гренландцах» рассказывает о том, как Эрик Рыжий колонизировал Гренландию, как человек по имени Бьярни стремился открыть новую землю на западе и как сын Эрика Лейф открыл её и назвал Винландом. Брат Лейфа Торвальд возглавил следующую экспедицию, но был убит стрелой скрэлинга (см. выше).

Гудрид появляется в тексте, когда она и её первый муж, норвежец Торир, путешествовали из Исландии в Гренландию. Вскоре после прибытия Торир умер, и Гудрид снова вышла замуж — на этот раз за Торстейна Эрикссона, третьего сына Эрика Рыжего. Торстейн захотел привезти домой тело своего брата Торвальда. Он взял с собой Гудрид и ещё двадцать пять человек, но их путешествие обернулось неудачей, и им пришлось вернуться в Гренландию.

Далее следует тот же мистический эпизод, что и в «Саге об Эрике Рыжем», — Торстейн заболел, умер и затем вернулся как нежить к Гудрид. Вскоре после этого корабль богатого Торфинна Карлсефни пришвартовался в Гренландии, и между ним и Гудрид возникла симпатия. Они поженились, и вскоре пара решила предпринять ещё одну попытку освоения Винланда. Гудрид описана как движущая сила этой затеи. Собрав команду из шестидесяти мужчин и пяти женщин, а также

взяв скот и всё необходимое для жизни в новом поселении, они отправились в путь, и Лейф Эрикссон позволил им занять его базу, которую он основал в первой экспедиции.

Фрейдис берётся за топор

Как и в «Саге об Эрике Рыжем», в «Саге о гренландцах» рассказывается, что корабли путешественников прошли на запад мимо скалистого Хеллуланда и покрытого лесами Маркланда, а затем направились к Винланду. У Гудрид и Торфинна родился сын Снорри. Точно так же рассказывается о том, что викинги сперва начали вполне успешно торговать со скрэлингами, но после того, как один из аборигенов попытался отобрать у северян оружие и был убит, на поселение напал большой отряд. Атака аборигенов была отражена, но стало ясно, что в окружении враждебно настроенных соседей у колонии нет шансов на выживание, и с приходом весны викинги отплыли обратно в Гренландию. Гудрид, Торфинн и Снорри в конечном итоге поселились в Исландии, и, как и в «Саге об Эрике Рыжем», у Гудрид родилось много потомков, трое из которых стали епископами.

Однако «Сага о гренландцах» рассказывает о ещё одной попытке колонизации. И Фрейдис, дочь Эрика Рыжего, представлена там совсем не положительным персонажем. Говорится, что она вышла замуж за некоего Торварда, потому что он был богат, и полностью подавляла его. Из Гренландии она отправилась в путешествие вместе с двумя братьями-исландцами Хельги и Финнбоги, с которыми пообещала разделить всю добычу, однако в Винланде коварно предала их: она соврала своему мужу, что братья избили её, и Торвард был вынужден убить их. Сама же Фрейдис собственными руками зарубила топором пятерых женщин, которые приехали вместе с братьями.

Свидетельство средневековой мизогинии?

Возможно ли сделать какие-либо выводы о реальных исторических событиях, исходя из текстов «Саги о гренландцах» и «Саги об Эрике Рыжем»? Да. Историки с осторожностью отождествляют скалистый Хеллуланд с сегодняшней

Баффиновой Землёй, а лесистый Маркланд — с Лабрадором. Винландом может быть Ньюфаундленд и другие части современной Канады, до которых можно добраться, если продолжать плыть на запад.

Однако описание злодеяний Фрейдис в «Саге о гренландцах» настолько хорошо вписывается в традицию присущего Средневековью женоненавистничества, что нам приходится поставить на полях вопросительный знак. Коварные и хитрые женщины, манипулирующие своими мужьями, склоняя их к совершению тяжких преступлений, — это довольно типичный для средневековой литературы образ злодея. Нет никаких доказательств того, что убийства, совершенные и спровоцированные Фрейдис, имели место на самом деле, а не являются выдуманными историями, призванными пощекотать нервы читателю или слушателю.

Таким образом, считается, что эти две саги относятся к XIII веку и основаны на устной традиции, которая, возможно, возникла примерно в 1000 году, но которая, как и всегда в случае с устной традицией, менялась по мере передачи от рассказчика к рассказчику. Причина, по которой эти тексты могли быть записаны, по мнению Харрисона и Свенссона (см. список источников), может крыться в желании жителей церковного прихода в Хоуларе (Исландия) собрать и зафиксировать своё культурное наследие. К тому же епископом там был один из потомков Гудрид. Людям нужен был некий знаменитый персонаж, и то, что выбор пал на Гудрид, может объясняться тем, что можно было провести историческую параллель между её образом и первой настоятельницей бенедиктинского монастыря в Рейнистаде, основанного в 1295 году. Согласно «Саге об Эрике Рыжем», Гудрид в конце концов поселилась недалеко от того места, где затем расположился монастырь.

Историческая знаменитость

Вместо этого, согласно «Саге о гренландцах», она поселилась на хуторе Глаумбер, который, насколько нам известно, стал местом жительства знатного семейства только в 1280-х годах. Однако связывание знаменитого исторического персонажа с хутором для повышения его статуса было широко известной уловкой в Средние века. Образ Святой Биргитты таким же образом

был связан с усадьбой Финста (Швеция). Тот факт, что с фигурой Гудрид был связан хутор и, возможно, даже образ настоятельницы, указывает на то, что населению в целом она была хорошо известна. То, что Гудрид и Фрейдис появляются в двух сравнительно обширных историях, показывает, что вокруг них существовала живая традиция, и делает вероятным факт их реального существования.

Подробности их биографий выяснить труднее. Ниже мы вернемся к этому вопросу в части, посвящённой главной причине, по которой историки до сих пор придают определённое значение этим двум сагам, а именно — раскопкам в Л'Анс-о-Медоуз в Ньюфаундленде.

Находки в Л'Анс-о-Медоуз

Если датировки времени записи текстов саг верны, то, значит, между ними и самими экспедициями должно пройти не менее 150 лет. Близость во времени — один из важнейших критериев при оценке достоверности источника. За полтора века многое может подвергнуться искажению.

Тем не менее, в средневековой Исландии, судя по всему, сохранилось немало сведений. Примером этого является карта Скаульхольта — попытка собрать воедино всю имеющуюся на тот момент документацию для описания открытий норвежцев в западной Атлантике. Помимо прочего, именно эту карту использовала норвежская пара исследователей — Хельге и Анне Стине Ингстад, когда в конце 1950-х годов они начали искать материальные останки колоний скандинавов в Северной Америке. На ней северная оконечность Винланда показана на той же широте, что и южная оконечность Ирландии и город Бристоль. На современной же карте южная оконечность Ирландии и Бристоль находятся на одной широте с северной оконечностью Ньюфаундленда. Эта часть Ньюфаундленда также является побережьем, к которому в первую очередь должен был бы подойти корабль Эпохи викингов по пути из Гренландии после прохождения Баффиновой Земли и Лабрадора.

В 1960 году Хельге Ингстад находился в маленькой рыбацкой деревушке Л'Анс-о-Медоуз на северной оконечности Ньюфаундленда, где ему рассказали о группе поросших травой

возвышенностей недалеко от деревни — месте, которое местные жители называли «старым индейским лагерем». Возвышения напоминали остатки домов. Когда супруги Ингстад начали там археологические раскопки, выяснилось, что они на самом деле обнаружили постройки точно такие же, как те, что были найдены в Исландии и Гренландии в культурных слоях, относящихся примерно к 1000 году. Пара исследователей действительно нашла скандинавское поселение Эпохи викингов на Ньюфаундленде.

Длинный дом и кузница

В Л'Анс-о-Медоуз было проведено несколько раскопок, и сегодня археологи имеют довольно хорошее представление о том, как выглядело это поселение раньше. Оно располагалось в ста метрах от моря на тогдашнем участке земли, окруженном низменностью и лесом. На возвышении на некотором расстоянии друг от друга располагались три комплекса зданий, каждый из этих комплексов имел свой длинный дом и небольшую хижину. Хижины, вероятно, служили мастерскими, в одной из них есть следы столярных работ, но, возможно, они также служили и жильём для рабов. В самом южном комплексе было ещё третье, меньшее по размеру здание, а на безопасном при пожаре расстоянии от остального поселения располагались кузница и угольная шахта. Пространство у кромки воды, судя по всему, использовалось для ремонта кораблей.

Техника строительства и расположение построек позволяют предположить, что все три комплекса возводились и использовались одновременно. Углеродные анализы, а также найденные предметы и тексты двух саг указывают на то, что это произошло между 980 и 1020 годами н.э. Информация в текстах саг о том, что попытки колонизации были прекращены, также подтверждается данными археологических находок. Скандинавы приложили большие усилия для постройки довольно крупного поселения — там могло разместиться где-то от 30 до 160 жителей, — что свидетельствует о том, что они намеревались остаться на продолжительное время. Однако сохранившиеся культурные слои показывают, что в действительности поселенцы провели там всего несколько зим.

А как насчёт рассказов о том, что северяне создали несколько поселений? Если, например, обнаруженные в Л'Анс-о-Медоуз постройки соответствует поселению, которое основал Лейф Эрикссон, то можно ли найти другие? Возможно, но пока есть только одно вероятное место такой находки, а именно мыс Пуант-Розе на юго-западной оконечности Ньюфаундленда, в шестистах километрах к югу от Л'Анс-о-Медоуз. В 2015 году здесь были обнаружены следы построек и металлообработки, но критики полагают, что это вполне могут быть следы природных процессов.

Критический вывод

Что мы можем знать о Гудрид и Фрейдис? Два текста, в которых они упоминаются, почти наверняка имеют историческую основу. Находки, сделанные в Л'Анс-о-Медоуз, подтверждают основные тезисы саг. Однако за более чем 150 лет пересказов тексты приобрели характер исторических романов и, судя по всему, были записаны по социально-политическим мотивам, когда некоторые знатные исландцы XIII века захотели повысить свой личный статус, назвав себя родичами Гудрид. Однако, чтобы это стало возможным, Гудрид должна была быть широко известной в то время личностью, и то, что о ней рассказывали, не могло слишком сильно отклоняться от исторической правды. Таким образом, следует зафиксировать самые основные детали, насколько это возможно: Гудрид была богатой вдовой из Гренландии, которая вместе со своим новым мужем предприняла попытку колонизировать Винланд, и также возможно, что воинственная женщина по имени Фрейдис, дочь первооткрывателя Гренландии, принимала участие в экспедиции. ◆◆

Список использованной литературы:

1. *Erik den rödes saga, övers. Joakim Liljegren, Samfundet Sverige-Island, 2015*
2. *Dick Harrison och Kristina Svensson, Vikingaliv, Natur & Kultur, 2009*
3. *Susan Signe Morrison, a Medieval Woman's Companion: Women's Lives in the European Middle Ages, Oxbow Books, 2016*
4. *Tracy Watson, American Indian Sailed to Europe With Vikings?, National Geographic News, 2010–11–26*

Скандинавские женщины — воительницы

Перевод и компиляция:
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Знакомство с Эрикой Рыжей

ПРЕДСТАВЬТЕ себе воина-викинга. Представили? Вероятнее всего, ваше воображение нарисовало грозного мускулистого бородатого мужчину, правда ведь? Что ж, подумайте еще раз. Используя новейшую технологию распознавания лиц, британские ученые смогли реконструировать закаленное в боях лицо скандинавской женщины-воина, жившей более 1000 лет назад.

Проделанная работа бросает вызов устоявшимся представлениям о том, что герои-воины, такие как Эрик Рыжий, отправляясь в походы, оставляли своих женщин дома. Реконструкция основана на детальном анализе черепа, найденном на кладбище викингов в городке Солёр, Норвегия (Solør, Norway), и в настоящее время хранящемся в Музее истории культуры в Осло. Ученые не сомневались, что найденный скелет женский, но место захоронения не считалось могилой воина **«просто потому, что в ней была похоронена женщина»**, — рассказывает археолог Элла Аль-Шамахи (Ella Al-Shamahi).

Хотя задуматься здесь было о чем, ведь эта женщина отправилась в последний путь

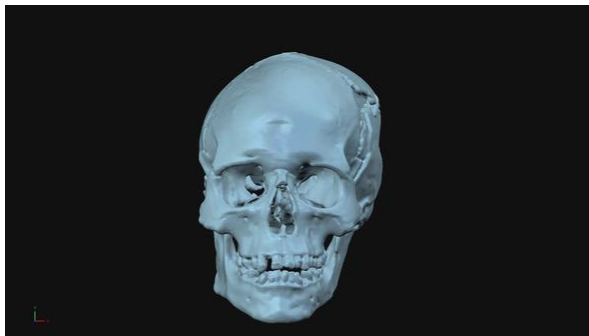
в окружении впечатляющей коллекции оружия, включая стрелы, меч, копье и топор, а подушкой ей служил щит. Кроме того, ученые определили вероятную причину смерти как смерть от травмы головы в результате ранения мечом. На ее черепе была обнаружена вмятина достаточно серьезная, чтобы повредить кость.

Однако однозначно утверждать, что полученная травма стала причиной смерти, исследователи не берутся, поскольку анализ черепа выявил некоторые признаки заживления. Но Аль-Шамахи считает, что это **«первое из когда-либо найденных доказательств того, что женщина-викинг была ранена в бою»**.

Доктор Кэролайн Эролин (Caroline Erolin), старший преподаватель Университета Данди (the University of Dundee) в Центре анатомии и идентификации человека (Великобритания), которая работала над реконструкцией, рассказывает, что хотя получившейся результат не может быть на 100% идентичным оригиналу, реконструкция достаточно точная, чтобы эту женщину, случись такая встреча сегодня, смогли узнать ее хорошие знакомые.

Ученые также смогли реконструировать и саму могилу, показав, как располагалось оружие вокруг тела. В документальном фильме «Viking Warrior Women» National Geographic¹ археолог Элла Аль-Шамахи путешествует по Скандинавии, чтобы исследовать захоронения викингов, используя методы визуализации. Аль-Шамахи отмечает, что открытия, подобные этому, «трансформируют наши знания и представления о прошлом».

Аль-Шамахи высказала еще одно предположение, что, возможно, перед нами не просто женщина-воин, а женщина-военачальник. Впрочем, надо отметить, что далеко не все эксперты с этим смелым предположением согласны.

Соглашаясь с тем, что женщины, вероятнее всего, проигрывали по силе мужчинам в рукопашном бою, Аль-Шамахи отмечает, что воительницы вполне могли составить им конкуренцию в боях на расстоянии. Например, вести бой на лошади, поражая противника стрелами. *«Я, безусловно, не утверждаю, что 50 процентов викингов-воинов были женщинами, но я хочу сказать, что если бы это был мужской скелет с такими же травмами и в окружении такого же количества оружия, никто бы и не усомнился в том, что это могила воина. Однако до сих пор находятся люди (и это в академических кругах!), которые говорят, что изначально в могиле был захоронен мужчина, просто в результате каких-то событий его скелет исчез. То есть эти исследователи не спорят с тем, что это могила воина, но никак не могут принять тот факт, что там была захоронена женщина, и называют ее девушкой-рабыней, сопровождающей своего господина в загробный мир»,* — рассказывает Аль-Шамахи.

Профессор Нил Прайс (Neil Price), эксперт по викингам и консультант проекта, считает, что данная находка вполне может быть не исключением из правил, а началом нового правила: «В мире викингов так много других захоронений... Я совсем не удивлюсь, если мы найдем еще больше доказательств существования женщин-воинов».

И примером тому может служить еще одно захоронение, известное как могила воина из Бирки. Эта могила, полная оружия, была обнаружена в Швеции более века назад. До недавнего времени традиционно предполагалось, что это могила мужчины, но новейшие исследования смогли доказать, что это была женщина.

¹ <https://www.natgeotv.com/za/programs/natgeo/viking-warrior-women>

Триумфальное возвращение женщины-воина в историю викингов

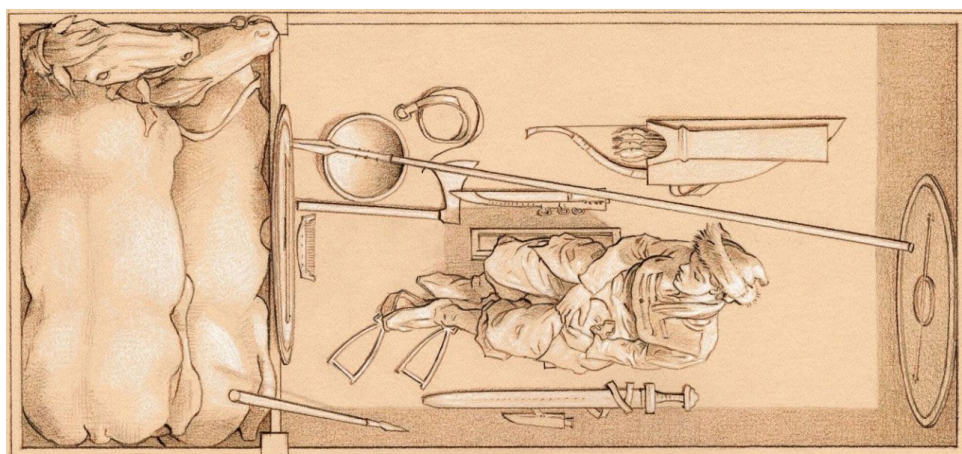
В 1880-х годах скандинавские археологи раскопали могилу Vj 581, содержащую целый военный арсенал: щиты, топор, копье, меч, лук с набором тяжелых стрел, сакс (боевой нож), а также останки двух лошадей — кобылу и жеребца. Могила была отмечена большим валуном и находилась на возвышенности в непосредственной близости от гарнизона Бирки. Погребальная камера была деревянной, ее длина — 3,45 метра, ширина — 1,75 метра. Кроме оружия в могиле лежал набор из 28 фигурок, три игральные кубика и металлические кусочки, вероятнее всего, от игровой доски, что навело исследователей на мысль о том, что человек мог интересоваться стратегией и, возможно, использовал фигуры для планирования тактики боя. Без сомнения, это была могила воина высокого ранга, и также без сомнения предполагалось, что этим воином был мужчина.

Антропологи уже достаточно давно по результатам остеологического анализа скелета научились определять его пол и возраст. В результате такого анализа еще в 1970-х годах было высказано предположение, что этот воин на самом деле был не мужчиной, а женщиной. Однако эти предположения научным сообществом тщательно игнорировались. Аргументация была проста: «вы видели оружие и другие предметы захоронения? Разве может быть захоронен там кто-то не мужского пола?»

Однако в 2017 в Американском антропологическом журнале (*American Journal of Physical*

Anthropology) было опубликовано небольшое исследование, которое, мы надеемся, смогло поставить точку в этом вопросе. Антрополог Хеденстьерна-Йонсон (*Hedenstierna-Jonson*) и ее команда тщательно изучили два образца ДНК, взятых из левого зуба и левой плечевой кости, секвенировали геном, протестировали мтДНК и провели изотопный анализ стронция. В результате был сделан вывод, что

Реконструкция могилы Vj 58, выполненная Нилом Прайсом

«человек в могиле Bj 581 является первой подтвержденной высокопоставленной женщиной-воительницей викингов». Был также определен ее примерный возраст — около 30 лет.

Исследование вызвало сенсацию в прессе с одной стороны (газета «Вашингтон пост» называла погребенную женщину «девой щита» и в самых лучших традициях массмедиа сравнивала ее с Бриной Тарт из нашумевшего сериала «Игра престолов») и шквал критики с другой стороны. В качестве аргументов «против» высказывали предположения, что кости были неправильно маркированы в прошлом веке или, возможно, перемешаны с костями из других близлежащих могил. Или, все-таки соглашаясь с тем, что скелет женский, делались попытки объяснить погребальный инвентарь как реликвию, отражающую статус и роль семьи, а не отдельного человека. Не обошли вниманием и старую удобную теорию, с помощью которой можно объяснить вообще все: изначально там был скелет мужчины, но потом в результате невыясненных обстоятельств — исчез. В таком случае оружие могло быть частью убранства могилы этого мужчины, в то время как его женщина была похоронена без каких-либо предметов.

Однако распределение предметов в могиле по отношению к телу и полное отсутствие каких-либо

типично женских артефактов опровергает эту возможность. **«Интерпретировать археологические находки и погребальный инвентарь не так просто»**, — соглашаются авторы исследования, но тут же подчеркивают, что **«любая интерпретация должна проводиться одинаково, независимо от биологического пола погребенного»**. Дополнительно отмечается, что скелет в могиле Bj 581 не имел признаков посмертной травмы, что могло бы подтвердить теорию о том, что этот человек был воином. Однако, вопреки ожиданиям, раны от оружия и травмы в целом не часто встречаются в погребениях Бирки (например, только 2 из 49 мужчин имеют подтвержденные признаки травмы, нанесенной острым предметом). Следы насильственной смерти чаще всего встречаются в массовых захоронениях эпохи викингов, а не в индивидуальных могилах.

В заключительной части своего исследования авторы призывают научное сообщество отказаться от интерпретаций, основанных на предубеждениях. **«Наши результаты, утверждающие что могила Bj 581 была захоронением высокопоставленной женщины-воина викингов, говорят о том, что женщины действительно могли быть полноправными членами общества, в котором доминировали мужчины. Вопросы пола и социальных ролей являются сложными, и в эпоху викингов они были такими же».**

В качестве эпилога

49 Увидела знатная:
беда угрожает —
задумала смелое,
сбросила плащ,
меч обнажила,
родных защищая, —
трудна была схватка
воинов с нею!

50 Двоих повалила
бойцов дочь Гьюки
и еще брата Атли

изранила тяжко,
отсекла ему ногу, —
пришлось унести его.

51 И другого воителя
в Хель отправила,
сразив наповал
твердой рукой.

52 Воспели потом
ту битву великую;
бились отважно

отпрыски Гьюки,
Нифлунги стойко,
до смертного часа
мечами разя,
рассекали кольчуги,
шлемы рубили,
рьяно сражаясь.

*Гренландские Речи Атли.
Песни о героях. Старшая Эдда
(перевод А. И. Корсуна)*

Источники

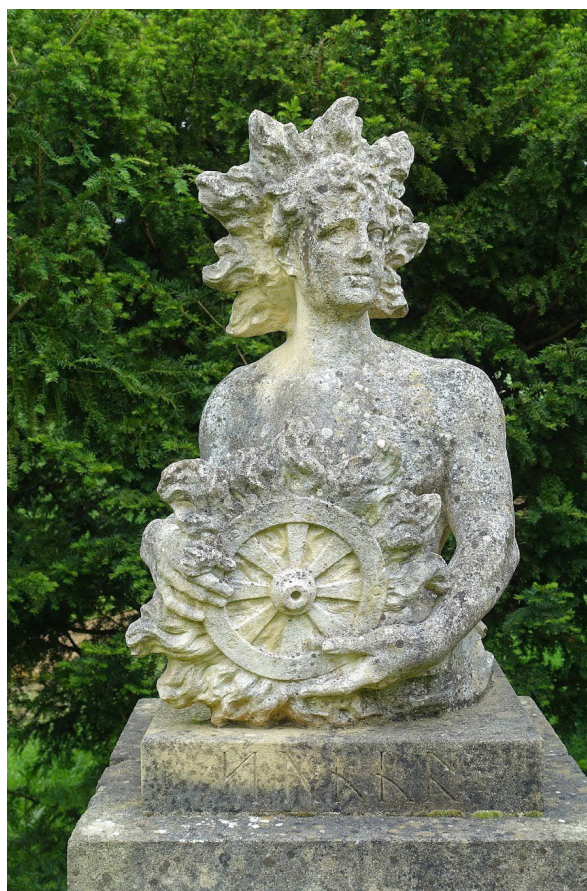
1. <https://www.theguardian.com/uk-news/2019/nov/02/viking-woman-warrior-face-reconstruction-national-geographic-documentary>
2. <https://www.theguardian.com/science/2017/sep/15/how-the-female-viking-warrior-was-written-out-of-history>
3. https://en.wikipedia.org/wiki/Birka_grave_Bj_581
4. <https://www.express.co.uk/news/world/1228497/archaeology-latest-national-geographic-viking-women-warrior-Ella-Al-Shamahi-BBC>
5. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5724682/>

Софи ОБЕРЛАНДЕР (с)
Перевод: Анна БЛЕЙЗ (с)
[https://
northern.thesaurusdeorum.com](https://northern.thesaurusdeorum.com)

Сунна: забытая богиня солнца

Представить солнце в образе богини непросто: в большинстве пантеонов дневное светило предстает как бог. Но эта модель не универсальна для всех культур. И в частности, в Северной традиции олицетворением целительной и животворной силы солнца выступает богиня Сунна (именуемая также «Суль», «Соль» и даже «Сигиль» — последнее имя в переводе означает победу в битве и в любом достойном начинании). Для тех, кто обитал в холодном и зачастую суровом климате Северной Европы до появления современных удобств, сила солнца означала выживание в самом буквальном смысле слова. Неурожай мог фактически погубить всю общину: несмотря на стереотипное представление о викингах как о грабителях и захватчиках, население Скандинавии в основном состояло из земледельцев, всецело зависевших от капризов Матери-Природы и от милостей Сунны.

Джон Майкл Рисбрак, «Сунна», 1728

Мы пытаемся вспомнить и восстановить духовные традиции наших предков; и, по идее, мы должны уделять особое внимание солнечному божеству, игравшему в их жизни столь важную роль. Но, как ни странно, среди современных последователей Северной традиции Сунна редко удостоивается ежедневного поклонения. Возможно, все дело в том, что до нас не дошло никаких интересных мифов об этой богине, которые могли бы подкрепить ее культ. Или, может быть,

как то письмо из знаменитой новеллы Эдгара По, она «спрятана на виду» — то есть настолько привычна и очевидна, что внимание на ней попросту не задерживается. Да и в источниках сохранился лишь один-единственный намек на поклонение ей — во 2-м Мерзбургском заклинании¹, лечебном заговоре из древневерхненемецкой рукописи X века, восхваляющей Одина как бога-врачевателя.

¹ Заклинала Синтгунт с Сунною-сестрицей; заклинала Фрия с Фоллою-сестрицей; (Перевод текста заклинания: Б. Ярхо)

И даже это случайное упоминание многие ученые (Рудольф Зимек и другие) интерпретируют лишь как поэтический образ — метафору целительной силы солнца².

Под именем «Суль» или «Соль» солнечной богине повезло больше. Она упоминается как одна из асинь в нескольких эддических песнях и в «Видении Гюльви» из «Младшей Эдды». Здесь сообщается, что жил когда-то на земле человек по имени Мундильфари и у него родилось двое детей — таких красивых, что он дерзнул назвать их именами небесных светил: дочь — Солнцем (Суль), а сына — Месяцем (Мани). Боги покарали его за гордыню, отняв у него детей и приставив их возницами к тем самым светилам, в честь которых они были названы. С тех пор Суль и Мани вечно правят колесницами Солнца и Луны и поддерживают равномерный ход и исчисление времен. Там же сказано, что некие два великана так возненавидели порядок, навязанный миру богами, что превратились в двух голодных волков, вечно преследующих колесницы светил. Когда настанет Рагнарёк, день гибели утвержденного богами миропорядка, эти волки настигнут и проглотят солнце и луну, и весь мир погрузится во мрак³.

Гибель солнца и луны — одна из самых страшных катастроф, которые должны потрясти мироздание накануне или во время Рагнарёка. Таким образом, возможное исчезновение Сунны несет в себе важнейший эсхатологический смысл. Сунна — одна из столпов упорядоченного, целостного, здорового и нормально функционирующего мироздания и общества. В германских языках слова со значениями «целостный», «здоровый» и «священный» этимологически тесно связаны друг с другом. Таким образом, солнце еще и придает миру святость и превращает его в *inangarð* — святилище здоровой общины. Учитывая, что самих богов нередко называют «*Reginn*», то есть «силы порядка», и что порядок и организованная структура — определяющие характеристики целостного и священного (*halig*), богиня Солнца и впрямь должна занимать в пантеоне очень важное место!

Чтобы по-настоящему понять, насколько значимым было солнце для древних скандинавов,

следует обратиться даже не к эпохе викингов (на которую в действительности пришелся закат религии предков, павшей под натиском христианства), а к еще более отдаленному прошлому — к бронзовому веку. Как отмечает Зимек, солнце встречается на многих наскальных рисунках⁴, а на одном из древнейших культовых изображений оно представлено не в образе божества, а как сфера, которую тянет за собой лошадь⁵. Древнеримский историк Тацит также отмечает, что германские племена поклонялись солнцу, и упоминает образ солнца, влекомого конями⁶. Многие известные изображения солнечной колесницы древнее 600 года до н.э.

Кроме того, Брэнстон проводит интересную параллель между древними изображениями солнечного диска и защитными функциями щита⁷. Не исключено, что древним германцам солнце представлялось своего рода щитом, оберегающим мир в вечной битве с силами хаоса, беспорядка и всего того, что называлось *un-halig*, то есть нечестивого и нездорового. Таким образом, Суль можно призывать на помощь как богиню-защитницу, оберегающую от болезней и от всякого зла. Она — могущественное олицетворение не только плодородия и жизни, но и безопасности, защищенности и силы.

Вплоть до наших дней солярное колесо остается чрезвычайно мощным религиозным символом не только среди скандинавов, но и повсеместно. В различных формах оно встречается в религиозном искусстве американских индейцев, японцев и даже тибетцев. Можно предположить, что одна из его разновидностей, свастика, стала бы в наши дни самым популярным религиозным символом среди язычников, если бы Адольф Гитлер не извратил ее и не употребил во зло. Но поскольку это все же случилось, язычники в большинстве своем не торопятся вернуть свастику в обиход и по очевидным причинам стараются ее не использовать. Даже несмотря на то, что подлинное происхождение и смысл этого символа общеизвестны, его искаженное значение закрепилось в коллективном бессознательном настолько

2 Simek, Rudolf. *Dictionary of Northern Mythology*. D.S. Brewer Press, 2000, p. 303.

3 Но затем мир возродится, и на смену Солнцу и Месяцу придут их дети — новые светила, которые вновь озарят все миры и восстановят ход времен.

4 Simek, op. cit., p. 297.

5 Branston, Brian. *Gods of the North*. Thames and Hudson, 1980, p. 69.

6 Публий Корнелий Тацит, «О происхождении германцев и местоположении Германии», 45.

7 Branston, op. cit., p. 69.

прочно, что, быть может, очистить и возродить его не удастся уже никогда⁸.

Тем не менее солярное колесо стало могущественным символом божественной силы солнца за тысячи лет до того, как на него наложил руку баварский выскочка-психопат. Оно олицетворяло целебную энергию, изобилие, плодородие земли (в особенности — полей и садов) и плодovitость людей и животных. Другие боги не дают ежедневных осязаемых, физических свидетельств своего влияния на человеческую жизнь, но путь солнца по небу нагляден, и дары его богини очевидны. Многие языческие праздники приурочены к поворотным моментам в годичном цикле солнца и связаны со сменой сезонов, которой управляет солнечная богиня. Для германцев и скандинавов, проводивших зиму в вынужденном затворничестве, возвращение весны и лета несло долгожданное облегчение от скуки и скудости зимних месяцев.

Мы с вами уже не настолько зависим от смены времен года, как наши предки, но полностью игнорировать солнечные циклы все же опасно. В большинстве своем мы ведем торопливую, суетливую жизнь, а развитие современных технологий, которое, казалось бы, должно обеспечивать удобство, на деле только заставляет нас набирать темп. И тем не менее путь Сунны в небесах по-прежнему во многом определяет наши суточные ритмы: мы просыпаемся утром, работаем в течение дня и отходим ко сну, когда богиня солнца скрывается за горизонтом на западе. Без ее животворного света и тепла Земля превратилась бы

в бесплодную и безжизненную ледяную глыбу. Современные технологии позволяют нам на некоторое время забывать о ней, но, в конечном счете, именно она дарует нам пищу. Как утверждают ученые, некоторые люди даже зависят от нее более непосредственно — при недостатке солнечного света они впадают в депрессию, испытывают физическое недомогание и эмоциональные расстройства. И многих из тех, кто не уделяет должного внимания солнечным ритмам, в конце концов тоже настигают болезни и стрессы.

Сунна задает естественный темп жизни. Она определяет распорядок дня. Как защитница и целительница она учит нас сохранять здоровье и хорошее самочувствие даже в самой гуще хлопотливой деловой жизни. Установить связь с этой незаслуженно забытой богиней очень просто: отрывайтесь от своих дел несколько раз в день — на рассвете, в час, когда Сунна достигает зенита, на закате и в полночь, — чтобы вознести ей благодарность за ее дары и омыться в осознании ее Присутствия. Она может указать вам путь к здоровому равновесию между работой и отдыхом, а это, в свою очередь, способствует укреплению духовной осознанности среди оглушающей суеты нашего повседневного будничного существования. В конце концов, именно в этом и заключается один из главных ее уроков: Сунна учит нас возвращать чувство святости мира — как внешнего, так и внутреннего. Она помогает понять, что жизнь наполняется святостью, когда мы начинаем распределять свое время мудро, осознанно и эффективно.

⁸ Некоторые мои знакомые язычники используют разновидность солярного колеса, восходящую к раннему бронзовому веку. Внешне этот символ почти не похож на свастику и поэтому не вызывает негативных ассоциаций. Возможно, это неплохой выход из положения.

Валькирии, «выбирающие убитых»: их роль в скандинавском и англосаксонском язычестве

П. ДЖЕННИГС

Перевод:

Ульф ГУННАРССОН

Страничка переводчика:

https://vk.com/svart_ulfr

ХОТЯ в дошедших до нас древнеанглийских текстах валькирии упоминаются всего двенадцать раз, нет повода сомневаться, что англосаксонские представления о них походили на скандинавские, что неудивительно, учитывая их общее германское происхождение. Это не означает, что англосаксы обязательно верили в них точно так же; у язычников не было никакой всеобъемлющей авторитетной фигуры или текста, который бы навязывал жесткую теологию, напротив — представления могли варьироваться от деревни к деревне, от страны к стране и от времени ко времени. Некоторые авторы полагают, что, поскольку в двух культурах присутствуют схожие боги и богини (хотя и под несколько измененными именами), то и представления о них были одинаковыми, но никаких убедительных доказательств этому нет.

Учитывая, что молодые религии склонны демонизировать прошлое, неудивительно, что термин «wælcyrige» быстро стал ассоциироваться в древнеанглийском языке с ведьмами, что очень далеко от его первоначального смысла. Первое известное использование термина «валькирия» зафиксировано, согласно энциклопедии Мириам Вебстера, в 1770 году.

Неизбежно возникает путаница в понимании природы валькирий: например, Скульд, одна из Норн (скандинавских прях судьбы

и предназначения, эквивалентных древнеанглийским «сёстрам Вирда»), как говорят, была валькирией. Кажется, некоторые из них были сверхъестественными созданиями и даже полубогинями, как помощницы богини Фрейи, в то время как в других случаях смертным женщинам отводилась та же роль.

Некоторые ученые, в том числе Мортимер, предполагают, что валькирии — синонимом дис, родовых женских духов-покровителей, которые четко отделены от двух основных категорий божеств, асов и ванов. В «Первой песне о Гудрун» (Guðrúnarkviða 19) термин «herjans dísir» («дисы Одина») используется для обозначения валькирий. Якоб Гримм, хотя и допускал, что диса может быть и норной, и валькирией, все-таки разделял их функции и отмечал, что норны, в отличие от валькирий, никогда не описывались как всадницы. Маклеод и Мис считают, что эти роли стали путаться и смешиваться позднее, чему способствовали тогдашние поэты, имевшие весьма смутные представления о древних мифах.

Якоб Гримм исследовал вопрос о том, существует ли связь между словом «идис» (древнеангл., множественное число «ldisi») и богиней Идунн, известной благодаря волшебным яблокам.

Автор «Беовульфа» так называет чудовищную мать Гренделя:

«Grendles modor
ides, aglæcwif».

Это кажется странным в контексте свирепого противника Беовульфа, ведь слово «ides» с древнеанглийского переводится как «уважаемая и достойная женщина», что роднит ее с древнесаксонским «ldis» и древневерхненемецким «it is».

Хильда Эллис Дэвидсон считала, что некоторые языческие жрицы, присутствующие на воинских ритуалах (или убивавшие пленных после боя), могли быть прототипом валькирий, и далее отсылает нас к истории, рассказанной ибн Фадлном, когда старуха ритуально убивает юную рабыню, чтобы та сопровождала своего умершего хозяина в загробный мир.

Были и человеческие женщины, называемые «валькириями»: часто это девушки из знатных семей и, возможно, жрицы языческих культов. Учитывая, что предводительницей валькирий считается Фрейя, вполне возможно, что они были связаны с её культом, но они могли быть посвящены и Одину/Водену как богу войны (вытеснившему некогда Тира/Тиваза). Учитывая множественность верований и задокументированную практику наличия двух или трех божеств, представленных на алтаре, валькирии могли быть связаны более чем с одним богом или богиней. Например, Адам Бременский описывает алтарь с тремя идолами в главном шведском храме Упсалы. Валькирии также могут иметь параллели (хотя и не обязательно связи) с кельтской богиней войны Морриган.

Стивен Поллингтон отмечает, что супруга короля Хротгара, королева Вальхтеов, подносящая медовуху Беовульфу и его воинам, имеет в своем имени тот же корень: современный перевод ее имени приближен к «wæl feow», т.е. «служанка убитого», что указывает на принадлежность королевы к категории «wælsyrigeap». Далее Поллингтон исследует имя богини Нанны, которая оплакивает потерю своего мужа, Бальдра: множественное число «nǫnnur» используется в «Прорицании вельвы» для обозначения женских домочадцев, которые в данном контексте тождественны валькириям. Ученый считает, что ее имя, вероятно, происходит от термина «nepro», что означает «могущественная». Есть и еще одна сложность — отождествление валькирий с «лебедиными девами». Симек считает, что валькирии первоначально были демонами загробного мира, ставшими романтическими персонажами,

способными влюбляться в героев, когда Вальхалла и Асгард превратились в своего рода рай для воинов.

В своем переводе Эдды Беллоу предполагает, что концепция сверхъестественной девы-воительницы была давним заимствованием в Скандинавию из южногерманских земель. Как бы то ни было, у нас не осталось никакой внятной версии появления валькирий или даже их роли в Рагнарёке, финальной битве противоборствующих сил северной мифологии. Возможно, они исчезли, потому что их работа была выполнена — ведь они отбирали лучших воинов для финальной битвы? В то время как до Рагнарёка они могли обещать воинам блага и почести, сама по себе великая битва сулит большинству ее участников гибель, за исключением горстки счастливых, уцелевших, чтобы заново населить миры.

О том, что в итоге происходит с валькириями после Рагнарёка, в дошедших до нас источниках ничего не сообщается. Поскольку они не упоминаются среди выживших, можно предположить, что они погибают.

Я не верю в распространенную гипотезу о том, что норвежская валькирия = кельтская Морриган = античная фурия. Хотя они могли оказать влияние друг на друга, разные культуры способны создавать независимые мифы без необходимости заимствования их у других. Из приведенных ниже кратких характеристик можно понять, что они принципиально отличаются от валькирий:

- Богиня Морриган («великая госпожа») происходит из ирландской мифологии и в основном действует сама на поле боя, иногда в виде ворона, реже — волка или коровы. Однако иногда она появляется в составе триады: Бадб, Маха и Ананд (последнее имя — альтернативное наименование Морриган);
- Фурии — персонажи греческой мифологии, известные также как Эринии. В римской мифологии их эквивалентом были диры. Они скорее богини мести, чем непосредственно ассоциирующиеся со смертью существа, карающие нарушителей клятв и молодых людей, неуважительно относящихся к старшим. Эринии наделены звериными чертами, такими как змеи вместо волос. Иногда они носят с собой бичи с медными шипами, чтобы мучить своих жертв.

Позвольте мне развеять еще одно популярное заблуждение: я до сих пор не прочитал ни одного достоверного текста, в котором валькирия действительно сражается. Это может противоречить некоторым современным представлениям о воительницах и сильных женщинах, так что простите, если я вас разочарую.

Валькириям, конечно же, приписывают присутствие в битвах, поощрение мужской отваги и выбор лучших. Они даже могут влюбиться в героя и защищать его. Иногда они описываются сжимающими копыта или другое оружие или несущими щиты, чтобы защитить своих избранников.

Они могут передвигаться по воздуху или по воде, обычно верхом на лошадях, а иногда — оседлав волков или вепрей. Хотя художники викторианской эпохи могли изображать их прекрасными девами, исходно они описываются как пугающе свирепые, заляпанные кровью и громко кричащие. Они могут появляться и в мирном облике — как девы, подающие медовуху и мясо обитателям Вальхаллы. Например, Хильд, Труд и Хлэек, согласно «Речам Высокого», разносят пиво эйнхериям.

Датский автор Саксон Грамматик описывает, как Хотерус встречает «лесных дев», которые знают его имя и рассказывают герою, что они решают исход битв и поддерживают своих избранников. По их описанию в них можно узнать валькирий, хотя сам Саксон так их не называет. Этот автор также приводит несколько захватывающих историй о воительнице по имени Лагерта, но большинство ученых считают их переработкой более ранних мифов других народов.

Валькирии также считаются частью Дикой Охоты Одина/Водена, несущейся по зимнему небу, чтобы собрать души заблудших и проклятых.

Скачущая валькирия.
Артур Рэхем

Немецкий рекламный плакат,
начало. XX в.

Давайте рассмотрим некоторые описания валькирий в одном из скандинавских текстов: это перевод поэмы о смерти Бриана Бору после победы его войск над викингами в битве при Клонтарфе в 1014 году:

*«Соткана ткань
Большая, как туча,
Чтоб возвестить
Воинам гибель.
Окропим ее кровью.
Накрепко ткань,
Стальную от копий,
Кровавым утком
Битвы свирепой
Ткать мы должны.*

*Сделаем ткань
Из кишок человеческих.
Вместо грузил*

На станке черепа,
А перекладины –
Копья в крови.
Гребень — железный,
Стрелы — колки.
Будем мечами
Ткань подбивать.

Хьяртримуль, Хильд,
Саннгрид и Свипуль,
Мечи обнажив,
Начали ткать.
Сломаются копья,
Треснут щиты,
Если псы шлема
Вцепятся в них.

Мы ткём, мы ткём
Стяг боевой.
Был он в руках
У конунга юного.
Выйдем вперед,
Ринемся в бой,
Где наши друзья
Удары наносят.

Мы ткём, мы ткём
Стяг боевой.
Конунгу вслед
Пора нам скакать.
Гёндуль и Гунн
За ним помчались,
Кровь на щитах
Увидят они.

Мы ткём, мы ткём
Стяг боевой.
Реутся вперед
Смелые воины.
Конунга жизнь
Мы защитим —
Нам выбирать,
Кто в сече погибнет.

Будут землей
Люди владеть,
Что жили досель
На мысах дальних.
Бриану конунгу
Смерть суждена.
Сигурда ярла
Копья пронзят.

Ирам готов
Горький удел.
Память о нем
Вечною будет.
Соткана ткань.
Поле боя в крови.
О мертвых по свету
Молва прошумит.

Страшно теперь
Оглянуться. Смотри!
По небу мчатся
Багровые тучи.
Воинов кровь
Окрасила воздух, —
Только валькириям
Это воспеть!

Спели мы славно
О конунге юном,
Слава поющим!
Слышавший нас
Песню запомнит,
Людям расскажет
О том, что слышал
От жен копыеносных.

Мечи обнажив,
На диких конях,
Не знающих седел,
Прочь мы умчимся.

Потом они разодрали свою ткань сверху донизу и порвали ее в клочья, и каждая из них взяла то, что у нее осталось в руке. Дёрруд отошел от окошка и пошел домой. А женщины сели на коней и ускакали, шестеро — на юг и шестеро — на север» (С) Сага о Ньяле, пер. О. А. Смирницкой и А. И. Корсуна

Мотив плетения судеб на ужасном станке определенно устанавливает связь между валькириями и норнами. Обратите также внимание на слова «нам выбирать, кто в сече погибнет», указывающие на то, что это их решение, а не решение Одина или Фрейи. Помимо собственно их описания, важно заметить, что они поют свою песню.

Некоторые валькирии предстают в образе лебединых дев, в одеждах из белоснежных перьев. Богиня Фрейя, по легенде, носит плащ из соколиных перьев, позволяющий ей летать, который она иногда одалживает другим богам. Говорят, что лебединые девы иногда снимают свои одежды, и это послужило отправной точкой для одного из великих германских мифов, легенды о Вёлунде.

В то время как большинство женщин, возможно, боялись того, что их близкие отправятся на войну, неизбежно находились и те, кто поощрял или даже подстрекал мужчин к этому. Некоторые женщины намеренно выходили замуж за представителя враждующего племени, чтобы способствовать миру (таких называли «пряжами мира»); известны случаи, когда женщины побуждали своих мужчин «поступать по чести», в том числе сражаться с теми, кто оскорбил или бросал им вызов. Например, безымянная супруга короля Редвальда из Восточной Англии, как говорят, побудила его оказать гостеприимство и даровать убежище Эдвину Нортумбрийскому и отвергнуть дары послов, отправленных его врагами. В итоге Редвальд участвовал в битве у реки Идлы и вернул Эдвину трон. В исландских сагах также есть несколько случаев, когда женщины подстрекают своих мужей к насилию.

Сильное влияние женщин в германском обществе отмечал еще Тацит, отдавая должное их интуиции и пророческим способностям. Это нашло отражение несколько веков спустя, когда скандинавы, поселившиеся в Гренландии, оказывают почести посетившей их общину «малой вельве», сделавшей несколько важных предсказаний. Следует также помнить, что до принятия христианства женщины во многих языческих культурах имели гораздо более высокий правовой статус, могли разводиться и владеть имуществом.

Однако в случае поражения своих земляков женщина могла серьезно пострадать — подвергнуться насилию, попасть в рабство, погибнуть или лишиться мужа, детей, дома или имущества. Мужчина зачастую упорно боролся за то, чтобы оградить от подобного близких, а не из-за веры в вождя или свое дело.

Хотя это и не было распространено, в обществе викингов зафиксированы примеры женщин-воинов. Кловер, основываясь на разделе «О речах мужей» («*Vaugatal*») исландского свода законов «Серый гусь» и выдержках из Саксона Грамматика, считает, что существовали особые условия: преступление, такое, как убийство, было совершено против ее семьи, она не была замужем и не имела близких родственников мужского пола, которые могли бы получить вергельд (законное возмещение ущерба) или действовать от своего имени.

Хотя следует признать, что Грамматик не совсем надежный источник, Йохенс подробно изучил этот вопрос, а мои собственные исследования для «*Heathen Paths*» обнаруживают по крайней мере несколько женщин, активно участвовавших в боях: морских разбойниц Селу и Латгерту, которая, как говорят, была искусным бойцом. Йеш упоминает также Хету, возглавлявшую правый фланг армии Харальда Боевого Зуба, Висну, несшую знамя конунга, и Вебьорг, сражавшуюся при Бравеллире. Согласно сагам, Висна и Вебьорг погибли в бою. Можно вспомнить Русилу, сражавшуюся со своим братом Трондом за трон Норвегии, а также Альвиду, возглавлявшую викингов, и ее дочь Гурит.

Находка из Туссе (Дания)

«Ткацкий меч» с о. Готланд (Швеция)

Термин «дева щита» (древнескандинавское «skjaldmeyjar») иногда применяется к валькириям или к человеческим женщинам. Не похоже, что это четко определенный термин, но можно предположить, что это некий статус, подобно тому, как у некоторых королей были щитоносцы, сопровождавшие их в бою. Конечно, некоторые валькирии защищают героев, и подобным образом некоторые человеческие женщины пытались защитить своих избранников. Такая дева упоминается в «Саге о людях из Ледниковой долины»: впрочем, она лишь гоняется за лебедями, в то время как герой бьется на поединке.

В «Саге о Гисле» рассказывается о двух сражающихся женщинах: Ауд защищает своего мужа от группы вооруженных нападающих, а Тордис, сестра Гисли, выхватывает меч брата у его убийцы и тяжело ранит противника. Ауд из «Саги о людях из Лососьей долины», бывшая жена Торда, надевает мужскую одежду, чтобы напасть на него, желая отомстить за наветы. Бленда из Смоланда — героиня шведской легенды — возглавила своих подруг из Веренда в нападении на датское войско.

В битве при Дунхейде Хервёр, дочь короля Ангантюра, возглавила дружину против Хлёда и Хумли. Она отважно сражалась и погибла в бою, но так поразила врагов, что они с почестями похоронили ее в кургане. Хотя не сохранилось никаких свидетельств о саксонских воительницах, в древнеанглийской поэме «Юдифь» (возможно, написанной Синевульфом или его учениками) описывается израильтянка, сражающаяся на мечах. «Юдифь» основана на апокрифах, исключенных из Библии, но превратилась в проповедь аббата

Элфрика Эйншеского (X век). Она была написана во времена набегов викингов и увещевала островитян защищать страну и сражаться с ними. По иронии судьбы Юдифь описана в том же духе, что и описанные ранее женщины, которые побуждали своих мужчин к борьбе, были совестью воина и наставляли их «поступать правильно».

В последние годы между учеными ведутся споры по поводу некоторых находок в могилах эпохи раннего Средневековья. В частности, некоторые предметы, похожие на мечи, были найдены в явно женских захоронениях. Хотя некоторые из них могли быть семейными реликвиями, но отчего-то не были переданы наследникам мужского пола; в литературе они известны как «ткацкие мечи». Их длина, как правило, в два раза меньше средней длины обычных мечей того времени — около 17 дюймов (45 см); они очень похожи на англо-саксонские и германские мечи конца VI — начала VII века, и находят их в женских захоронениях явно высокого статуса.

По общему мнению, ткачихе вполне достаточно было плоской деревянной колотушки, в связи с чем возникает вопрос: «Зачем нужна дорогая металлическая?» По меньшей мере в одном случае «ткацкий меч» был изготовлен путем укорачивания и переделки старого меча, что вполне логично, но применение тяжелых металлических «ткацких мечей» вместо легких деревянных колотушек кажется нелогичным и расточительным по отношению к ценному ресурсу — металлу. Конечно, это может быть демонстрацией богатства и статуса (распространенный мотив во многих культурах раннего Средневековья), но вес делает их менее удобными, чем деревянные или костяные аналоги.

В прошлом определение пола покойника часто основывалось на анализе конкретных костей. Широкий таз, как правило, указывает на женский пол, а массивные надбровные дуги — на мужской. Если эти кости отсутствуют, выводы могли базироваться на основании могильной утвари. Нельзя быть слишком критичным

к археологам, решившим, что оружие указывает на мужчину, а украшения, например, ювелирные изделия — на женщину. Однако с помощью новых, более сложных научных методов, археологи обнаружили множество исключений: так, с мужчиной могут быть погребены бусы или брошь, а в женском захоронении можно встретить наконечник копья или щит. Некоторые ранее классифицированные скелеты сейчас пересматриваются. Возможно (но не обязательно), что женщины, похороненные с оружием, могли быть воительницами.

Заметим, что «ткацкие мечи» имеют свои особенности: в большинстве англосаксонских погребений, например, в кентском Бакленде (погребения 20, 38 и 48) они, похоже, лежали в стороне от ключей и прочей женской утвари (и там же, где боевые мечи — в мужских погребениях они лежат напротив левой ноги). Однако есть и пара исключений: погребение 250 в Дувре и погребение 18 в Эдикс Хилл, там «ткацкие мечи» лежат рядом с левой ногой, как и в мужских погребениях с мечами.

Валькирии и по сей день продолжают олицетворять собой сильных и независимых женщин, оставаясь ярким образом германской мифологии. Я считаю, что знакомство с ними будет ценным компонентом для духовного роста мужчины или женщины, особенно в рамках современного язычества. Как относиться к ним — это индивидуальный выбор, но пусть они и дальше остаются почитаемыми фигурами, вызывающими искреннее благоговение.

Хильда Родерик
ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод: ESGAL

Дорога в Хель

В этом номере мы продолжаем печать полного перевода книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Начало можно прочитать в 40–43 номере «Северного ветра».

Человеческие жертвоприношения

Мы уже обратили внимание на ряд эпизодов в скандинавской литературе, где погребение в корабле сопровождалось человеческими жертвоприношениями, и в описании сожжения на Волге в десятом веке мы имеем яркий и подробный рассказ о сатти. Есть некоторое поразительное сходство описания Ахмеда с описаниями сатти¹, проводимыми в Индии и на острове Бали в сравнительно недавние времена. Например, в описании саможжения вдовы, полученном в 1877 году от очевидцев с острова Бали,² есть ряд моментов, которые следует отметить. Между смертью мужчины и сожжением женщины проходит немало времени, так как последняя умирает на проводимой позже похоронной церемонии; жены и наложницы покойного имеют возможность выбрать, станут ли они умирать с господином, но как только выбор сделан, они не могут отыграть назад; к женщине, добровольно решившей умереть, до дня сожжения относятся как к привилегированному лицу; жертву поощряет подчёркивание её статуса в качестве жены своего господина в следующем мире — и заодно использование одурманивающих препаратов перед смертью. Все эти моменты отмечены и Ахмедом в его описании погребения предводителя русов. Даже убийство девушкой курицы в странной предсмертной церемонии из записок

Ахмеда напоминает выпускание голубей над головами обречённых женщин в церемонии на Бали, как говорят, птицы представляют душу. Эти особенности прослеживаются и в других описаниях саможжений, практикуемых на Востоке³; современные записки можно найти в работах С. К. Бозе⁴, который в детском возрасте был свидетелем сжигания члена его собственной семьи, и Ж. А. Дюбуа⁵; Крауфурд⁶ даёт наиболее полное и интересное описание более ранних церемоний на Бали по запискам голландской миссии, отправленной туда в 1633 году, откуда мы узнаем, что обычно тех, кто должен был умереть, посещали старые женщины, чтобы наставлять и поощрять их так же, как это делали «Ангел смерти» и её дочери в описании Ахмеда; и есть большая коллекция записей о сатти из разных частей Индии, Бали и Явы в диапазоне от 317 г. до н. э. до 1870 г., собранных в разделе «сатти» в «Hobson-Jobson». Почти все случаи церемоний сожжения и отмеченные нами их основные особенности абсолютно одинаковы. Как правило, число тех, кого предадут смерти, невелико, но несколько путешественников описывают случаи, когда погибли сотни людей.

1 *Satti* — саможжение вдов (прим. перев.).
2 *Friederich, Journal of the Royal Asiatic Society (N. S.), IX, 1877, p. 89 f.*

3 *За большинство ссылок о сатти в Индии я признательна Mr. E. J. Thomas из библиотеки Кембриджского университета.*

4 *Bose S.C., The Hindoos as they are, XXI, p. 272.*

5 *Abbe' J. A. Dubois, Hindu Manners, Customs and Ceremonies, 1897, chapter XIX.*

6 *Crawford, Indian Archipelago, II, p. 241 f.*

Были ли такие же церемонии когда-либо известны в Скандинавии? И в чём их изначальное значение? Из данных археологии известно, что сатти практиковалось в Северной Европе кельтскими народами; у нас есть несомненный пример такой церемонии на уже упомянутой Туизи (*Thuizu*) и другие, менее экстремальные примеры из могильников на Марне (*Marne*). В Скандинавии есть подходящие эпизоды из бронзового века и, возможно, также примеры из эпохи викингов, хотя сами по себе они вряд ли убедительны⁷.

Обратившись к свидетельству литературы, мы тем не менее нашли отрывок из Книги с Плоского острова (*Flateyjarbók*), где практика сатти описывается как продолжавшаяся в Швеции в исторические времена. Мы говорим о браке Ауд, дочери Хакона, с королём Швеции Эриком в его старческом возрасте, и летописец добавляет:

В это время Сигрид Гордая оставила короля Эрика, и люди говорили, он чувствовал себя опозоренным её поведением: ведь в Швеции фактически считалось законом, что, если умер король, королеву следует положить в курган рядом с ним, и она знала, что король посвятил себя Одину ради победы, когда находился в распре со своим родичем Стирбьёрном, и не должен был прожить долго. (Flateyjarbók: Saga об Олафе Трюггвасоне, Óláfs Saga Tryggvasonar, I, 63, стр. 88).

Сигрид Гордая — историческое лицо; она вышла замуж за Эрика Победоносного, упомянутого здесь конунга Швеции, правившего примерно в 980–995 гг.; одно время была невестой Олафа Трюггвасона, пока они не поссорились на религиозной почве, в результате чего она вышла замуж за его соперника Свейна Датского (Вилобородого). Она способствовала смерти Олафа, которого никогда не простила, в 1000 г. н. э. и, возможно, жила достаточно долго, чтобы сопровождать мужа в Англию, где тот умер в 1014 г. и был сменен её пасынком Кнудом. Связь этого предания со столь хорошо известной личностью в такое относительно позднее время представляет, таким образом, большой интерес.

Эпизод, который можно сравнить с одним из случаев из *Книги с Плоского острова*

(*Flateyjarbók*, происходит в *Пряди о Эгиле Халлссоне и Тофе Валгаутссоне* (*Páttur Egils Hallssonar oh Tófa Valgautssonar*) в Сагах о Древних людях (*Fornmanna Sögur*), где обычай сатти представлен ещё бытующим в Гаутланде в царствование Олафа Святого. В этом случае жертвоприношения жены на самом деле не случилось, но отнюдь не из-за противодействия женщины. Ярл Валгаут из Гаутланда был вызван на суд христианского короля Олафа и оставил свой дом в не очень счастливом состоянии ума, поскольку мог предвидеть только два возможных результата встречи — обращение его в веру короля или смерть; и его предчувствие, как показало дело, имело для того все основания... Перед отъездом он сказал жене:

...он пошлёт золотое кольцо ей в знак, если он примет крещение; и затем она должна сделать то же, и все те, кто были её людьми... но если она узнает, что он был убит, то должна сначала устроить поминальный пир и затем развести погребальный костер и сжечь все богатство, какое она могла, а потом сама пойти в огонь (Fornmanna Sögur (Копенгаген, 1825–1837), V, p. 327 F).

Может быть важным, что в обоих этих отрывках мы встречаем сатти как быстро вымирающую в конце эпохи викингов практику.

У нас есть ещё ряд ссылок в скандинавской литературе не из исторических источников, но тем не менее, как представляется, они могут быть памятью о традициях, подобных описанным выше. В рассказе о похоронах Бальдра, который я цитировала ранее, следует вспомнить, что сердце жены Бальдра разбилось от горя и её сожгли вместе с мужем⁸. Это звучит как воспоминание о добровольной смерти жены на похоронах мужа, и свидетельство *Саг о Древних временах* (*Fornaldar Sögur*) усиливает это впечатление. В *Саге о Хервёр и Хейдре* (*Hervarar Saga*, III) и *Саге об Одде Стреле* (*Örvar-Odds Saga*, XV) мы имеем два разных описания одного происшествия: смерти Ингеборг, услышавшей, что её суженый Хьялмар убит в сражении. Второе описание более полное; здесь девушка замертво падает на стул, когда Одд приносит ей кольцо Хьялмара и его последнее послание, и «затем

⁷ См. стр. 12 выше.

⁸ См. стр. 30 выше.

Одд разразился смехом и сказал: «Теперь они наслаются в смерти тем, что не могли иметь в жизни». Здесь присутствует тот же яростный восторг, с каким мы встретились в истории Ахмеда, когда человек из русов рассмеялся при виде шквала, что быстро унёс в рай его умершего вождя⁹. Текст же из Саги о Хервёре и Хейдере (Hervarar Saga) заходит дальше и позволяет Ингеборг убить себя¹⁰. В той же саге присутствует эпизод с женой короля Харальда, которая, когда её муж погиб в бою, посвятив себя Одину, повесилась в храме Дис (VII). В Саге о Сёрли Сильном (Sörla Saga Sterka, XIV) повторяется тот же мотив; здесь королева Хальвдана умерла от горя при известии о смерти мужа, и её похоронили вместе с ним. Саксон Грамматик даёт нам два примера: первый — это Гуннхильд, чья измена привела к убийству Асмунда, — она *«пресекала собственную жизнь мечом, выбирая лучше последовать за своим господином в смерти, чем покинуть его при жизни»*. Соответственно, её похоронили вместе с ним, но Саксона не слишком впечатлил этот акт преданности: он заметил, что *«там лежит Гуннхильд, гораздо живописнее обняв своего господина в гробу, чем делала это в постели»*¹¹. Другой, более волнующий пример, — Сигню¹², которая убивает себя и вынуждает своих служанок сделать то же самое сразу после повешения её любовника Хагбарда. Здесь примечательно, что способ смерти женщин — удушение, а дом был подожжён, и их последнее действие перед смертью — выпить чашу вина. Все эти особенности церемонии присутствовали у Ахмеда; в то же время практика одной из форм самоубийства женщин, известная как *satia* на острове Бали, также предполагает двойное самоубийство; женщины закалывают себя криком в момент, когда прыгают в огонь. Фридерих¹³ не был лично свидетелем такой церемонии, и говорилось, что она редко практикуется, но такая смерть считалась гораздо благороднее, чем одно только сожжение. В истории у Саксона

Хагбарда не убивают, пока не умерли женщины, потому что он подговорил палача повесить вначале накидку, желая проверить, хватит ли верности его невесте, чтобы умереть с ним. Вид вспыхивающего в её доме пламени говорит ему, что та не нарушила обещание, и он произносит вису, в которой, хотя чувства и затуманены саксонской тяжеловесной латынью, тем не менее содержится аллюзия на некую будущую жизнь, где они будут вместе:

*Unus erit finis, unus post federa nexus,
Nec passim poterit prima perire Venus.
Felix, qui tanta merui consorte iuuari,
Nec male Tartareos solus adire deos.
Ergo premant medias subiecta tenacula fauces;
Nil, nisi quod libeat, pena suprema feret,
Cum restaurande Veneris spes certa supersit,
Et mors delicias mox habitura suas.
Axis uterque iuuat; gemino celebrabitur orbe
Vna aninia requies, par in amore fides*¹⁴.

(Для нас двоих один конец, едины узы нашей клятвы, не погибнет бесцельно наша первая любовь. Счастливы я обрести такую супругу, не в горьком одиночестве спущусь я к богам Тартара. И пускай жестокие узы сжимают мне горло; последняя мука принесёт только счастье, ведь несомненна надежда остаться с той же любовью, и смерть должна иметь свою радость. В каждом мире есть счастье, и в обеих землях получит ли вечный покой наших соединённых душ славу, равную нашей верности в любви).

Согласно Саксону и Снорри¹⁵ Хагбард является братом Хаки, морского конунга, который встретил свою смерть на пылающем корабле; и у Саксона Хаки мстит за смерть своего брата на Сигарре. Ссылка на братьев есть также в *Саге о Вёльсунгах* (Völsunga Saga, XXV). Кроме того, имеющее отношение к теме этой главы сходство можно заметить в истории, рассказанной в песнях о Хельги¹⁶; там в дополнение к смерти жены вслед за мужем мы встречаем героя,

9 Ср. *Смертную песнь Рагнара Лодброка, который умер со смехом на устах*. См. стр. 51 ниже.

10 Рейн дал этот вариант записи. *Hervarar Saga*, V. p. 429 (*Fornaldar Sögur*, Copenhagen, 1829–30).

11 Saxo, I, 27, p. 33.

12 Ibid. VII, 234, p. 281 f.

13 Friederich, *Journal of the Royal Asiatic Society* (N. S.), IX, 1877, p. 89 f.

14 Saxo Grammaticus (ed. Holder, Strassburg, 1886), VII, 132, p. 237.

15 Saxo, VII, 237, p. 285; Snorri, *Ynglinga Saga*, XXII.

16 Symons, 'Zur Helgisage' (*Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, IV. p. 190 f).

замаскированного женщиной, в чём своеобразие истории Хагбарда; тогда как концепция валькирий введена в оба предания. Видимо, история Хагбарда была широко известна. Херрманн¹⁷ указывает, что ссылки на неё находят в произведениях норвежских и исландских скальдов с IX по XIII века, а упоминание в стихах Кормака показывает, что она была известна в Исландии в середине X века и не может быть поздней романтической историей.

Однако описание, которое кажется более всего схожим со свирепым великолепием истории Ахмеда, — это рассказ о сожжении Сигурда и Брюнхильд в *Старшей Эдде*, в *Краткой песни о Сигурде* (Sigurparkvíra bin Skamma), с которой выглядит скопированной история в *Саге о Вёльсунгах* (Völsunga Saga). Брюнхильд там просит Гуннара устроить герою столь широкий погребальный костёр, чтобы Сигурд и те, кто умрёт с ним, свободно могли лежать бок о бок. Всё нужно украсить, — говорит она, — дорогими тканями и щитами, и телами многих убитых, ибо она сама будет лежать рядом с Сигурдом по другую сторону от меча, как когда-то они делили брачное ложе. Также не будет убогой их свита, пять рабынь и восемь слуг, что выросли с нею с детства, отправятся следом, разделят место последнего покоя несчастных влюблённых.

Наконец, ещё в одном стихотворении, *Второй песни о Хельги Убийце Хундинга* (Helgakvíða Hundingsbana II), у нас есть сцена, где Сигрун входит в могильный холм мужа и вновь соединяется с ним в смерти; здесь, кажется, встретились и смешались множество различных представлений, переплавленных поэтическим воображением, но в словах Хельги, когда он приветствует жену, снова вернувшуюся в семейный круг, слышно эхо некогда истовой и жизненно важной веры, которая кажется оживляющей многие из этих историй:

*Будем мы пить драгоценный напиток,
хотя утрачена нами любовь на земле;
не следует петь песнопения горя,
хоть обширна рана в моей груди;
теперь наша дева закрыта в кургане,
подруга героя со мной, своим мужем!*

*И теперь ты спишь в объятиях убитого
В кургане его, белая дочь Хельги, ещё живая,
юная дочь королей...*

Не может быть никаких сомнений в чисто литературном лейтмотиве этих отрывков, переносимом из одного в другой. Большинство случаев, упомянутых в *Сагах о Древних временах* (Fornaldar Sögur), представляют собой незначительные эпизоды вне основного сюжета; для связи между отдельными историями есть не так много описанных случаев, весьма различных между собой, но за всем этим стоит такой дух, какой не может быть результатом простого подражания.

Есть и другая сторона жертвоприношения, показанная в сагах, — это добровольное погребение заживо кого-то другого, а не жены умершего человека. Самое яркое описание этого — история сводных братьев Арана и Асмунда в одной из *Саг о Древних временах* (Fornaldar Sögur)¹⁸. Двое заключают договор, что тот, кто из них переживёт другого, должен провести три ночи в кургане с покойным. Однажды Аран попал под град и погиб, и Асмунд вынужден сдерживать обещание; мертвеца поместили в курган вместе с осёдланной и взнузданной лошадью, с оружием, в компании ястреба и гончей; и его молочный брат принёс туда табуретку и тоже сел рядом. В этом месте сюжет обретает пугающий поворот, потому что в первую же ночь мертвец поднимается и пожирает ястреба и собаку; во вторую ночь он «убил лошадь, разорвал её на куски и начал энергично пожирать, жуя куски так, что кровь стекала по челюсти. Он пригласил Асмунда поесть с ним». На третью ночь происходит неизбежное, и Аран пытается проглотить своего бывшего сводного брата; Асмунд, однако, одолевает его и отрезает ему голову, сам лишившись только ушей. Саксон Грамматик рассказывает ту же историю, но здесь Асмунда спасает из кургана шведский конунг Эрик (v, p. 199).

У нас также есть письменные свидетельства о нескольких конунгах, похоронивших себя заживо со многими сокровищами, иногда со множеством слуг. В *Круге Земном* (Heimskringla) конунг Херлауг предпочёл сам войти в курган с двенадцатью мужами, чем оказаться лишенным

¹⁷ Herrmann, *Dänische Geschichte des Saxo Grammaticus*, II, pp. 490 ff.

¹⁸ Egils Saga ok Ásmundr, VII.

своего царства конунгом Харальдом Прекрасноволосым¹⁹; в *Sage о Барде* (Bárðar Saga, XVM) конунг Рагнар сказал, что войдёт живым в курган, после того как долго правил на земле. Аналогично рассказано, что некий Агнар вошёл в курган с командой своего судна в *Sage о людях с Трескового фьорда* (Þorskráringa Saga, III). Возможно, он связан с ярлом Агди, который входит живым в специально построенный для этой цели курган в Пряди о Торстейне Мощи Хуторов (Þorsteins Þáttur Væarmagnis)²⁰. Почти во всех этих случаях герои после погребения превращаются в мощных драугов и не могут быть побеждены без борьбы; то же верно и для героя из *Саги о Хромунде сыне Грима* (Hrómundar Saga Greipssonar, IV), который, «когда стал таким старым, что не мог более сражаться, велел посадить себя живым в курган вместе со множеством богатств». Но эти истории кажутся отличными от предыдущих человеческих жертвоприношений; они не производят впечатления полузабытого обычая, и сходство между ними вызвано, скорее, единой мотивацией, чем вдохновившим их духом. Здесь мы имеем дело с представлениями о силе мёртвого, основанными на вере в продолжение жизни в могиле, которая будет подробно обсуждаться далее.

За идеей практикуемого на похоронах жертвоприношения нужно, по-видимому, различать две несхожих идеи. Одна заключается в том, что отдаваемое мертвецу имущество, животные и даже люди будут сопровождать его в последующей жизни; такую веру можно увидеть, например, в рассказе о смерти предводителя русов, в самоубийстве Сигню, в самоубийстве Брюнхильд; она заявлена словами Снорри, который приписывает происхождение веры учению Одина, и она красочно иллюстрируется другой, не упомянутой выше историей о Сигурде Кольце — человеке, о котором сказано, что его отправили навстречу смерти в погребальной ладье; и о смерти его достойного врага — конунга Харальда²¹. Сигурд велел завезти тело поверженного врага в курган на колеснице, запряжённой его лошадью; лошадь после того убили. «И тогда конунг Хринг

взял седло, на котором ездил сам, и отдал его родичу, конунгу Харальду, и попросил его поступить, как он захочет: доехать в Валгаллу верхом или на колеснице». Последний пример показывает, что идея имущества и спутников, передаваемых покойному для использования в другой жизни, естественным образом тонко связана с верой в путешествие в страну мёртвых и желательность предоставления покойнику средств, чтобы это путешествие совершить.

Вторая идея, которую можно увидеть за обычаем жертвоприношения, как он описан в литературе, заключается в том, что имущество дают умершему для использования в кургане, который мыслится в качестве некоего дома; мы видим её в изображении мертвого Сотти, сидящего в корабле в кургане на груди сокровищ; в рассказе об Асмунде, который требовал убрать принесённого в жертву раба, потому что ему было слишком тесно в своём корабле — пассаж, в котором равнодушная ответная реакция героя обычна для Севера и который помогает нам понять, почему религия тщательно разработанного жертвоприношения никогда в действительности не представлена в Скандинавии; и в самой грубой и ужасной форме в истории о другом Асмунде, который был похоронен со сводным братом. Погребальные корабли, как будет видно, могут быть связаны с любой из этих концепций.

Как видно из скандинавской литературы, сатти представляется актом жертвоприношения; женщину убивают, чтобы она вместе с остальным имуществом мертвеца могла принадлежать ему в другой жизни. Брюнхильд и Сигню желают смерти, потому что только с её помощью могут занять место жены, которое было заказано им в жизни. Опять же в описании сатти у русов можно заметить, что любой из рабов, а не только законная супруга, может умереть, в то время как даже эмоционально ориентированный Ахмед делает акцент на смерти раба и говорит нам, что это может быть как мужчина, так и женщина, хотя на практике обычно последняя. Однако здесь вновь обозначена идея, что, жертвуя собой, женщина зарабатывает право называть умершего мужем. То же можно заметить в описании Фридериком²² церемоний на острове Бали в прошлом

19 *Haralds Saga Hárfagra*, VIII.

20 *Þorsteins Þáttur Væarmagnis: Fornmanna Sögur* (Copenhagen, 1825—1837), III, p. 197 (chapter XII).

21 *Sögubrot af Fornkonungum IX*, p. 134 (*Fornaldar Sögur*, I).

22 См. ссылку на работу на стр. 35 выше.

веке; там он говорит, как расписывают славу будущей жизни рабыням, которые соглашаются умереть, им говорят, что они *достигнут* высшей касты и станут жёнами покойного, но, с другой стороны, наследник умершего смотрит на них как на обычных рабов, которые будут нужны отцу после сожжения. Некоторые из других уже упомянутых описаний сатти в Индии и на Бали подтверждают это впечатление. В частности, может быть, стоит вспомнить, что в большой церемонии, которая состоялась на Бали в 1633 г.²³ по смерти королевы, вместе с ней были сожжены двадцать две рабыни, так что данный церемониал, очевидно, соблюдался в случае высокого ранга как женщин, так и мужчин. Даже в Индии, где идея «верных жён» наиболее утвердилась, есть некоторые основания думать, что понятию обязанности вдовы умереть вместе с мужем никогда не учили в ведической литературе, но ввели его гораздо позже, когда вдове было запрещено законом вновь выходить замуж²⁴.

Несомненно, представление о рабе, отправленном служить мёртвому человеку, — более раннее, чем возвышенная идея о верной супруге, умирающей вместе с мужем; нам кажется достаточным этого свидетельства из истории восточного обычая сатти. То же подтверждается ссылками в скандинавской литературе

на практику, где слуга либо живёт с покойником внутри гробницы, либо сопровождает его сквозь пламя в иной мир. Но идея, что отдавшая жизнь ради следования за умершим имеет право стать его женой в будущем мире является крайне значимой, и мы также находим её особое положение в скандинавской литературе, поскольку из сравнительно немногих приведённых там примеров три женщины — Ингеборг, Сигню и Брюнхильд — не были замужем за мужчинами, с которыми они умерли, хотя желали быть. Короче, сатти, представленные в скандинавской литературе, производят впечатление логического продолжения идеи о будущей жизни, которую Снорри описывает нам в *Саге об Инглингах* (Ynglinga Saga), где заявляет, что это часть учения, привезённого в Швецию Одином. Факт, что большинство наших примеров — хотя и не все — связаны с церемонией кремации и с идеей будущей жизни, проводимой с богами и, в частности, с Одином, подтверждает это. Показательно также, что наиболее важная часть примеров, касающихся сатти в *Книге с Плоского острова* (Flateyjarbók)²⁵, — атрибуты обычая королей Швеции, сопровождаемые записями, что в X веке оно там по-прежнему практикуется.

Продолжение следует...

²³ Friederich, См. ссылку на работу на стр. 35 выше.

²⁴ N. K. Datta, *Indian Historical Quarterly*, XIV, 4. 1938 (Dec.).

²⁵ См. стр. 36/51 выше.

*Эдред ТОРССОН**Перевод: Дмитрий ДАММЕР*

A Book of Troth

Мы продолжаем печать перевода исследования Эдреда Торссона «Книга Трота». Предыдущие главы можно найти в 29-43 номерах «Северного ветра». Текст печатается с сокращениями.

Глава XXVI

Ночные практики

Хотя в целом это не является обязательным, некоторые практики трота, возможно, захотят более плотно работать с теми или иными богами не только в период праздников. Для таких верных последователей существует набор простейших ритуалов, которые можно совершать в течение дня: утром после пробуждения, надевая Молот Тунара, и вечером, перед отходом ко сну.

Приветствие Санны

Каждое утро после пробуждения практик может совершать «Приветствие Санны», встречая утреннее солнце и наполняясь его силой. Следует встать лицом к востоку в позе руны Тиу и произнести:

*«Приветствую тебя, Санна, свет Хар,
вновь воссиявший!
Слава тебе, свет проливавшей на предков наших,
Что светит детям нашим сейчас
И всем поколениям грядущим!
Раздели со мной силу твою,
Чтобы мог я сражаться и достигать
своих целей!»*

Знак Молота

Следующую технику можно совершать в любое время, но обязательно после «Приветствия Санны». В процессе ее практик постигает священный свет и силу богов, делая их частью

своего существа. Сначала он визуализирует сияющий золотистый шар на высоте 60–90 см над головой. Погрузив в этот шар правую руку, практик черпает немного золотистого света. Касаясь лба этой рукой, он произносит: «Тиу!» — затем касается губ, восклицая: «Водан!» Сдвигая шар света ниже по телу, практик касается солнечного сплетения и произносит: «Тунар!» Затем, перенеся шар света на левое плечо, касается его и произносит: «Фрей!» — потом горизонтальным движением касается правого плеча, объявляя: «Фрейя!»

Другие работы

Следующая, связанная с молотом, практика — надевание молота Тунара. В целом этот ритуал представляет собой простое утверждение воли и верности, которое повторяется, когда человек надевает свой молот. Многие современные практики носят молот открыто или под одеждой. Надевая молот, как правило, произносят следующее: «Этот день принесет новые чудеса, великие деяния, бесконечную удачу и счастье — все благодаря силе молота!» Эффективнее всего произносить эти слова, держа молот перед собой на уровне глаз; надевая его на шею, вы чувствуете, как по вашему телу начинает струиться сила.

То, чем мы питаемся в течение дня, также можно благословить знаком молота, при этом мощь молота и его жизненная воля проецируются на пищу, которую мы потребляем.

В полдень практик приветствует Солнце в момент, когда оно достигает своей наивысшей точки на небе. Мы приветствуем Солнце следующими словами: *«Приветствую тебя, Санна, в высшей точке небес царящая!»* Выполнять этот ритуал лучше всего в позе руны Тиу.

Наконец, когда практик отправляется спать, он произносит завершающие день и имеющие для него особенное значение слова, обращенные к силам сна, чтобы они даровали ему приятные и наполненные силой сны.

Глава XXVII Работы на ключевые точки жизни

Ритуалы перехода

В жизни любого человека существуют особые ключевые точки, когда с ним происходят важные трансформации: он приходит в мир и становится частью сообщества Мидгарда, достигает зрелости и начинает нести полную ответственность за свои действия, женится или вступает в брак, и наконец, совершает последнее путешествие за пределы Мидгарда в области смерти. Эти моменты следует отмечать традиционными священными обрядами. Кроме перечисленных, существуют иные, не менее важные моменты, в частности, время переезда семьи или отдельного человека в другой дом, когда необходимо совершить ритуал «присвоения» собственности. Если мужчина или женщина желают подтвердить верность пути предков, но не имеют возможности стать частью хофа, хирта или клана, они могут провести все нужные обряды в одиночку.

Имянаречение

Когда у пары практиков трота рождается ребенок, то, прежде чем дать ему имя, следует подождать девять дней. Это время даст судьбе возможность определить, станет ли ребенок здоровой частью сообщества или ему суждено погибнуть. На девятую ночь мать отдает ребенка отцу, чтобы тот дал ему/ей имя и благословил. Отец садится на стул перед семейным алтарем, и мать передает ему на руки ребенка. Отец кладет ребенка на колени, поддерживая его голову левой рукой, зачерпывает немного чистой воды и окропляет ей голову ребенка со словами: *«Я окропляю водой это дитя и нарекаю его _____ в честь _____ (произносятся имя родственника, в честь которого называют ребенка). Например: «Я окропляю водой это дитя*

и нарекаю ее Хельгой в честь прабабки». В этом обряде мы на практике подтверждаем нашу веру в перерождение, и в момент наречения отец дарует жизнь душе ребенка, подобно тому, как мать при рождении вдыхает жизнь в его *lyke*. После этого ребенку обычно дарят какую-то вещь, связанную с его именем.

Называя ребенка, важно помнить, что имя должно быть германского происхождения (или второе имя такого же типа). Также подойдут имена умерших родственников. Если второе имя было германского происхождения, и оно несло в себе их душу, им также можно назвать ребенка.

Инициация мужчины и женщины

Этот ритуал можно сделать проще или сложнее в зависимости от семейных или клановых традиций, но провести его необходимо в любом случае. Время проведения также может варьироваться, но обычно он совершается между 12 и 18 годами. В самых сложных формах этого обряда он сопровождается испытаниями, смысл которых держится в тайне. Они зависят от местных условий, и мы не можем публиковать их в открытом доступе в силу их тайного характера. Самое важное в них то, что отец или мать дарят своему ребенку символическую вещь, после чего его официально признают мужчиной или женщиной. Мальчикам обычно дарят символический меч — традиционный знак его статуса. Такие мечи или другие объекты могут передаваться в качестве семейной реликвии, особенно когда они несут на себе отпечаток имени и души владельца. Через такие символические объекты двойник входит в жизнь наследника. Девочкам, как правило,

дарят пояс или ожерелье со священными символами (обычно из драгоценных металлов или камней), часто тоже переходящее по наследству. Такие дары, передаваемые из поколения в поколение, подтверждают жизненную силу клана.

Свадьба

Годи (жрецы) в разных группах асатру имеют данное им местными законами право заключать браки. На этот случай существуют разные ритуальные формулы. Тем не менее в отсутствие такой возможности пара последователей трота может провести частный ритуал, который будет не менее эффективен.

Вокруг алтаря чертят круг. На алтаре стоят два рога или чаши, а также лежат два кольца. Мужчина входит в круг с запада, женщина с востока, они останавливаются перед алтарем, стоя лицом друг к другу. Женщина протягивает мужчине лежащий справа рог, клянется в своей любви и спрашивает его, принимает ли он эту любовь. Он отвечает, что принимает, после чего протягивает ей рог, клянется в своей любви и спрашивает, принимает ли она ее. Потом они меняются кольцами. Мужчина надевает кольцо женщине на палец, обещая быть верным ей — *«I plight my troth to thee»*. Женщина повторяет действие и клятву. Завершив обмен, они обнимают и целуют друг друга.

Когда свадьбу проводят под руководством официального годи или старейшины клана, характер ее слегка меняется. Пара стоит перед старейшиной, по бокам от них встают их

свидетели. Старейшина спрашивает, кто будет говорить за невесту, после чего свидетель со стороны невесты произносит от ее лица лестные слова (касающиеся, как правило, ее качеств), и то же самое делает свидетель от лица жениха. После чего пару просят подтвердить свою клятву вступить в союз и хранить верность друг другу. Пару благословляют знаком молота, после чего наступает время общих благословений от богов и богинь. После окончания церемонии начинается праздник.

Отражение официальной свадебной церемонии мы видим в таких традиционных текстах, как *Песнь о Трюме*. Ритуал, проводимый без участия жреца, описан в *Саге о Вельсунгах и Песне о Сигдриве*.

Присвоение места

В нашем крайне подвижном обществе мы часто переселяемся с места на место, что во многом похоже на полукочевые периоды в истории народов прошлого. Часто такой способ жизни приводит к отчуждению собственности. У наших предков был особый обряд, чтобы этого избежать, — так называемое «присвоение» (*landnam* на древненорвежском). Использовать его можно как для дома на участке, так и для собственной квартиры, а также любой другой собственности, которую практик желает сделать своей.

В первой части ритуала участок размечают и по углам участка и здания расставляют факелы (либо другие источники света). Затем духов места

призывают проявить гостеприимство и поддерживать в доме благосостояние.

Ведущий, держа в руке факел или фонарь, встает перед входной дверью дома или на краю участка и произносит: *«Я пришел сюда, дабы взять эту землю и все, имеющееся на ней, именем таких-то (называют имена будущих владельцев), именами богов и богинь нашего народа»*. Затем ведущий совершает знак молота и произносит: *«Да благословит Молот Тунара эту землю и оградит ее от несчастий»*.

После этого ведущий обходит владения по часовой стрелке, держа в руке факел или фонарь. Если собственностью планирует владеть кто-то еще, ему (или им) тоже передают факел. Подходя к краю участка, ведущий произносит: *«Именем трота мы владеем этой землей. Да пребудет она в безопасности!»*.

После этого ведущий возвращается к точке начала, кладет факел или фонарь перед дверью или воротами и произносит: *«Приветствую вас, благие духи, живущие здесь! Мы чтим вас, как чтили в былые дни и ночи! Да будет меж нами мир и процветание и не будет раздора!»*. Затем ведущий делает глоток эля из рога, проливая остальное перед дверью (или в дополнительную чашу, если церемония происходит в помещении) и произносит: *«Придите же, благие духи, и возьмите свои дары! Принесите в наш дом мир, благо и радость!»* Работу заканчивают словами: *«Ныне работа сделана, пусть дом этот и все живущие в нем пребывают во благе, пока дух трота обитает здесь!»*

После этого владельцы могут войти внутрь и жить в мире и благополучии.

Смерть

Похоронный ритуал может провести годи, старейшина, либо семья умершего. Есть два варианта того, как можно поступить с луке после

смерти, — сожжение и погребение. Тем, кто посвятил себя служению ванам, привычнее обряд погребения, последователи асов предпочитают сожжение. В обоих случаях останки захоранивают в особом месте, сопровождая их погребальными дарами — теми вещами, что умерший ценил при жизни, либо их символическими заменами. Чаще всего в число таких даров входят еда и напитки (зерно, мед, эль или пиво). Другие предметы могут отвечать конкретным нуждам человека в новом воплощении и/или будущих тупе — *hugh* — оружие, магические орудия, драгоценности, золото и так далее. Каждый из этих предметов, кроме физической оболочки, обладает тонким телом, и именно в этих тонких аспектах заключается их истинная ценность. Старейшинам трота разрешено проводить похоронные обряды, согласовав их с семьей покойного.

Ритуальная формула погребального обряда состоит обычно из пяти этапов:

1. Освящение (сакрализация места погребения).
2. Обращение к богам и богиням, которым умерший посвятил себя.
3. Отправление умершего в путь.
4. Осушение первой тупе-сир (тост в честь умершего наподобие того, что произносится на *symbol*).
5. Уход.

Во время осушения первого тупе-сир один или несколько человек произносят хвалебные слова в честь покойного, прославляя его деяния. Часто это делает старший сын или старшая дочь.

Установку рунического камня в честь покойного обычно сопровождают многочисленными сложными церемониями. Происходит это, как правило, не ранее девяти месяцев — года после смерти человека.

Продолжение следует...

Волшебные исландские сказки

Тексты первоначально опубликованы
на сайте: <https://norroen.info>

Форельный Бьёртн посещает холм

Hólgöngur Silunga-Bjarnar

Перевод с исландского: Тимофей ЕРМОЛАЕВ

Редакция и примечания: *Speculatorius*

Когда Форельный Бьёртн, которого так называли, был жив и работал подёнщиком в Сноуксдале, то каждый вечер субботы, когда работа заканчивалась, он исчезал, однако никто не знал, куда он отправлялся. Сигюрд, сын бонда из Сноуксдала, и Бьёртн подружились. Однажды в самом конце лета Бьёртн после многочисленных просьб Сигюрда пообещал тому взять его с собой, чему Сигюрд обрадовался. Вдвоём они поднялись на гребень, который лежит между Сноуксдалем и Хамраэндаром. Когда они достигли середины гребня, Бьёртн свернул с тропы на северо-запад, и Сигюрд пошёл вместе с ним. Теперь Бьёртн начал предостерегать Сигюрда о том, чего, как ему казалось, тому следовало остерегаться; среди прочего он должен быть готов к тому, что в его постели будет женщина, когда он ляжет спать.

— Тогда ты должен, — говорит Бьёртн, — сразу же повернуться к ней и показать себя в амурных утехх доблестным мужчиной, но если ты так не сделаешь, это, возможно, будет стоить нам обоим жизни.

Сигюрд пообещал с этим делом не подвести. Бьёртн сказал:

— Для нас немаловажно, чтобы ты исполнил это и не потерпел неудачу.

Вот они шли, пока не оказались у какого-то холма. Тогда Бьёртн достал прутик и ударил по холму; при этом холм открылся; в холме стал виден дверной проём, и оттуда вышла женщина, несколько пожилая, как показалось Сигюрду. Бьёртн дружески поздоровался с ней; она взяла Бьёртна за руку и завела его внутрь холма. После этого вышла молодая женщина, взяла за руку Сигюрда, завела его в холм и велела ему сесть за стол рядом с Бьёртном. Затем на стол подали еду: жареную форель и хлеб, а также крупяную кашу¹. Вот они получили еду; Бьёртн постоянно беседовал с женщинами, особенно со старшей, а когда ужин закончился, Бьёртна сопроводили к кровати. Когда он лёг, старшая женщина залезла к нему в постель; они легли вместе, и Бьёртн обнял её по своему обыкновению. Теперь младшая показала Сигюрду на кровать и услужила ему перед сном; после этого она разделась, забралась к нему в постель и улеглась. Сигюрд изменил совету Бьёртна и отвернулся от

¹ *Grjópnagautur* — молочная каша с изюмом, традиционно подаваемая на Рождество. Примерно до начала XX в. готовилась из перловой крупы, а после — из риса.

неё, поскольку, хоть он и был готов совокупиться с нею, от прикосновения к ней его вместо желания охватили страх и тревога. Ей не понравилось, что Сигюрд отвернулся от неё, и её настроение переменилось. Она встала очень сердитая; тут Сигюроду показалось, будто дом или холм затрясся, и Бьёртн тотчас вскочил и попытался найти прощения и мира для себя и Сигюрда. Однако волнения в холме продолжались всю ночь, хотя им удалось уйти живыми. Когда они вышли наружу, Бьёртн сурово упрекал Сигюрда за то, что тот нарушил его совет, и сказал, что это большая удача, что они выбрались невредимыми; также Бьёртн сказал, что сделал всё, что только мог, чтобы унять их гнев, и что более долгой и опасной ночи в его жизни ещё не было. Затем они незаметно вернулись в Сноуксдаль. Сигюрд говорил, будто Бьёртн сказал ему, что смог опять помириться с этими женщинами из сокрытого народа, хотя это оказалось затруднительно. Сигюрд же больше не просил Бьёртна позволить пойти с ним в холм. Сигюрд сам рассказывал об этом, а он, по мнению людей, не был лжецом. А Бьёртн был общеизвестен своими хождениями в холмы и сношениями с сокрытым народом или женщинами-аульвами².

Форельный Бьёртн

Silunga-Björn

Перевод с исландского: *Speculatorius*

Такого рода человеком был Форельный Бьёртн, о котором ранее упоминалось, что он ходил в холмы, и говорят, будто он проделывал и многие другие виды колдовства, и потому считался выдающимся.

Как-то раз он находился в Хейкадале, когда разразилась ужасная непогода; тогда он сказал:

— Вот кто-то и прошёл свой путь.

Эти слова оказались правдой, поскольку как раз в то же самое время в Лаксаурдале повесился некий человек.

² Он также считался выдающимся колдуном, о чём см. небольшой рассказ далее.

Виталий ГРИШИН

13-й воин The 13th Warrior, 1999

*«Дай арабу меч, так он из него нож сделает»
Уис-музыкант*

Я снова рад приветствовать читателей «Северного ветра», чтобы рассказать о фильме про... араба. Тринадцатого, который должен быть не норманом.

«13-й воин» — очередной фильм, с которым отношения у меня сложились не сразу. Смотреть кино про викингов, которое про араба? Это вы как-нибудь без меня. Мне хватило «Викингов против пришельцев» и «Следопыта» с недовикингом Карлом Урбаном. Но по доброй воле Всеотца в какой-то момент любопытство взяло надо мной верх, и я таки посмотрел фильм, который на «Кинопоиске» имеет оценку аж семь целых и четыре десятых из 10.

Внезапно, развлекательное кино повествует о приключениях реального жившего арабского путешественника Ахмада ибн Фадлана ибн аль-Аббаса ибн Рашида аль-Багдади. В фильме с этим длинным и сложным именем всё настолько запутано, что трудно понять, где сложности перевода, а где «косяки» создателей фильма. Поэтому я буду использовать «короткое» имя ибн Фадлан, под которым этот человек вошёл в историю.

Реально живший ибн Фадлан в 921–922 гг. в составе посольской делегации посетил Волжскую Булгарию. Если я ничего не путаю, это были как раз те самые люди, которые уговаривали волжских булгар (нынешних поволжских татар) принять ислам. Желающие узнать подробности данной мистической истории могут съездить в село Болгары (Россия, республика Татарстан) и попутно испить воды из тамошнего легендарного целительного источника.

Ибн Фадлан оставил после себя путевые записки, в которых помимо прочего описал похоронный обряд «русов». На этот ключевой момент «Записок» ибн Фадлана создатели «13-го воина» и решили насадить художественные вымыслы про арабского поэта, которого по доносу отправили в ссылку за то, что тот косо посмотрел на чужую жену. Страсти, интриги и всё такое прочее, за что мы любим дивный Восток :)

Таким вот нелепым образом нити судьбы приводят ибн Фадлана в лагерь норманов, откуда

он в составе небольшой команды смельчаков отправляется на выполнение миссии, наградой за которую будет слава или славная смерть во славу Одина, что для среднестатистического нормана на ладье особой разницы не имело.

С этого места и далее по сюжету сценаристы вдохновлялись сагой о Беовульфе, сказочную составляющую которой заменили на племя каких-то людоедских отморозков, выкашивающих близлежащие поселения. Лично для меня было отдельным развлечением следить за тем, как сценаристы превратили скандинавскую легенду в попкорновое развлекалово про стаю кровожадных человеко-медведей.

«13-й воин» может стать действительно хорошим выбором для вечернего просмотра, независимо от вашего интереса к языческой культуре Европы (оценки зрителей тому доказательство). Прекрасное во всех отношениях жанровое кино с огромным количеством юмора, завязанного на культурных различиях «цивилизованного» араба и «дикарей» с севера.

За тем, как ибн Фадлан находит общий язык с представителями чуждого народа и постепенно

вливается в их коллектив, наблюдать действительно интересно, потому как создатели фильма приложили максимум усилий, чтобы показать элементы быта и дикие нравы северо-европейских язычников глазами выходца из тогдашнего центра мировой культуры и науки.

На этом рекомендацию фильма я с чувством выполненного долга мог бы закончить, если бы «13-й воин» не вызывал у меня желание разобраться в ряде вопросов:

1. Почему ибн Фадлан в своих «Записках» даёт описание обряда русов, похожего на похоронный обряд норманов?
2. Как могли русы прийти до исторической глупости с приглашением на княжение иноземцев-варягов (которые как бы набеги на них совершали)?

3. Почему на древних картах земли русов и земли норманов как-то подозрительно сильно совпадают в своих границах?
4. Почему на территории Руси археологи находят огромное количество артефактов эпохи викингов?

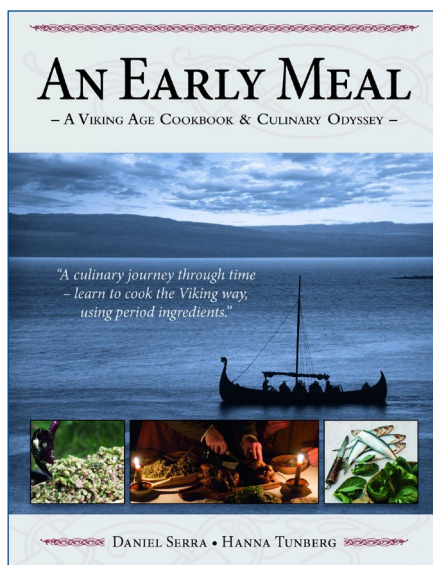
Слишком много странностей и совпадений.

Вам же я сегодня пожелаю не терять страсть к изучению нового, смотреть хорошее кино, которое возбуждает интерес к изучению нового и не брезговать просмотром фильмов, которые по своему описанию могут показаться диким бредом.

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ.
Перевод:
Дмитрий ДАММЕР

Продолжение.
Начало — «Северный ветер»,
30–43 номера.

Каупанг (Норвегия)

Королевский бульон из конины

Кусок соленого сливочного масла
Пара веточек укропа
250 г дикого лука
1 ст. л семян кориандра
3 литра воды
500 г мелко нарезанной конины
50 г сухого выдержанного сыра

Процесс приготовления:

1. Растопить масло на сковороде.
2. Обжарить на масле нарезанные большими кусками овощи.
3. Влить воду и довести до кипения.
4. Добавить мясо, сыр и семена кориандра.
5. Кипятить бульон до размягчения мяса.
6. Подавать бульон горячим вместе с хлебом.

С уверенностью можно сказать, что конина играла в кухне викингов особую роль. Судя по найденным на местах стоянок костным останкам, лишь небольшой их процент принадлежал забитым лошадям. Иногда кости бросали на дно озер, колодцев или в другие места со схожим символическим значением.

Исландские саги сообщают, что потребление лошадиного мяса было важнейшей частью языческого культа. Эту практику публично запретили после крещения Исландии в 1000 г. н.э. Одно из самых ярких свидетельств ритуальной природы лошадиного мяса мы встречаем в «Саге о Хаконе Добром» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона.

«На следующий день, когда садились за столы, бонды насели на конунга, говоря, что он должен съесть конины. Конунг решительно отказался. Тогда они попросили его отпить варева из конины. Но он отказался. Тогда они попросили его съесть жира с этого варева. Но он отказался и от этого. Тут бонды стали теснить его. Но Сигурд ярл сказал, что он их помирит, и велел бондам успокоиться. Он попросил конунга разинуть рот над дужкой котла, на которой осел пар от варева из конины, так что дужка была жирная. Тогда конунг подошел к котлу, положил платок на его дужку и разинул рот над ней. Затем он вернулся на свой престол. Но никто не остался доволен».

Лосось с подливкой из репы

- 150 г соленого сливочного масла
- 250 г дикого лука
- 500 г репы
- 500 г лосося (или другой красной рыбы)
- 500 мл рыбного бульона
- 4 желтка
- Веточка укропа
- Веточка кориандра

Процесс приготовления:

1. Сварить нарезанный крупными кусками лосось (с чешуей и костями) до готовности.
2. Воду, в которой варилась рыба, не выливать.
3. Нарезать лук и репу, обжарить на сливочном масле.
4. Влить 400 мл бульона, довести до кипения.
5. Смешать желтки со 100 мл остывшего бульона.
6. Полученную смесь вылить в кипящий бульон, снять с огня и размешать.
7. Выпотрошить рыбу, нарезать на небольшие кусочки.
8. Уложить рыбу в сковороду и накрыть крышкой, чтобы лосось пропитался теплым соусом.
9. Перед подачей посыпать зеленью.

Хозяйки эпохи викингов, скорее всего, готовили рыбу в железном горшке, доводя блюдо до готовности в котле из стеатита.

С лососем, хотя он не являлся основным объектом рыбного промысла, викинги были хорошо знакомы. На основе материалов стоянок или позднейших саг истинный статус этой рыбы установить довольно сложно, однако в нескольких сагах лосось действительно упоминается. Судя по всему, он служил приятным дополнением к основной диете — в одном из подсюжетов саг герой находит залив, изобилующий лососем, и в дальнейшем за это место происходит серьезная борьба.

Отчасти этот рецепт навеян средневековыми источниками, где практика загущения супа или подливы желтками была довольно распространенной.

Ягненок с квашеной капустой

4 л рассола (7% соли)

1 грудка ягненка

Квашеная капуста (лучше целыми листьями)

1 ст. л. семян укропа

1 ст. л. семян кориандра

Процесс приготовления:

1. Отделить мясо от костей; кости не выбрасывать.
2. Подержать мясо в рассоле около 4 часов.
3. Вынуть и высушить мясо, уложить внутренней частью наружу на плоскую поверхность.
4. Посыпать травами.
5. Накрыть мясо листом (или несколькими) квашеной капусты.
6. Свернуть и завязать.
7. Получившийся мясной рулет варить вместе с костями около 2 часов.
8. Перед подачей дать остыть. Подавать рулет нарезанным толстыми ломтями.

В таком виде этот рецепт выглядит скорее праздничным. В более повседневном варианте мясо просто варят и подают с обильным гарниром из квашеной капусты.

В саге об Олаве Святом его посланец получает довольно грубый ответ от датского конунга, когда тот говорит, что под ребрами у него не только капуста. Хотя конунг, вероятно, имеет в виду собственную смелость, он может сослаться на популярное в те времена блюдо. Несмотря на то, что

«Круг Земной» был написан после эпохи викингов, он вдохновил нас на этот рецепт блюда из мест обитания норвежцев. Аппетитное сочетание ягнатины (чаще баранины или козлятины) встречается в нескольких традиционных блюдах той эпохи. Мы решили сделать это блюдо более праздничным; вы можете приготовить простой «полевой» вариант, сварив нарезанные бараньи ребрышки вместе с капустой.

Квашеная капуста в эпоху викингов была привычным продуктом. Вы, скорее всего, предпочтете использовать белокочанную, если только не квасите капусту самостоятельно.

Датский конунг отвечает: «Олав конунг ошибается, предполагая, что я один хочу съесть всю капусту в Англии. Я бы хотел, чтобы он понял, что под ребрами у меня не только капуста и что отныне у меня под каждым ребром сидит ненависть к нему».

*Сага об Олаве Святом,
Круг Земной, Снорри Стурлусон*

Продолжение следует...

Датские анналы XII–XIV веков

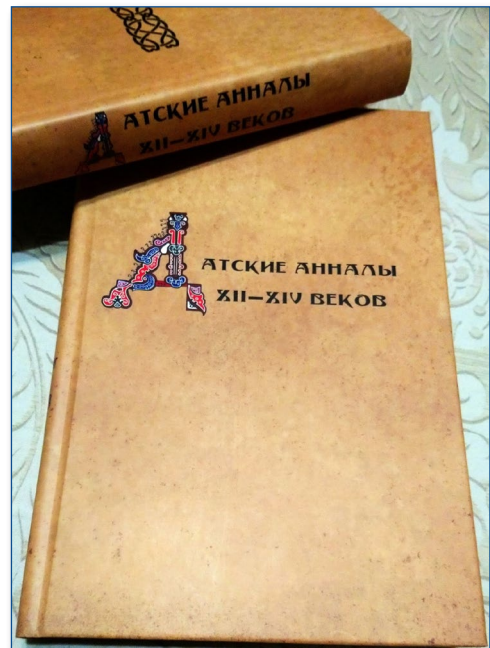
О.В. КУТАРЕНКО

Датские анналы XII–XIV веков / пер. с лат., датск. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2024. — 368 с. ISBN 978–5–6049518–4–2

В петербургском издательстве «Дмитрий Буланин» только что вышла новая книга, посвящённая средневековой скандинавской истории. Объёмом более 360 страниц, она вмещает в себя: во-первых, исследование, посвящённое появлению и развитию летописной традиции Дании в её первые столетия; во-вторых, и это главное — свыше дюжины источников, академически переведённых на русский язык и снабжённых объёмными комментариями — анналов, то есть разбитых на периоды или годы текстов, повествующих о деяниях королей, владык и героев; в-третьих, две научные статьи. Первая — о названии шведов в латинских источниках Средних веков, вторая — об опубликованном в 2014 году тексте «Деяния епископов волинской церкви» (латинское название «Gesta Wulinensis ecclesiae pontificum»), источнике, рассматривающем события второй половины X столетия в Дании и соседних регионах. Это первое на русском языке рассмотрение данного сочинения, претендующего на написание в 980-х годах.

Что касается анналов XII–XIV вв., главного «содержимого» книги, то они совершенно различны. Некоторые оставались малозаметными и неизученными на протяжении столетий, другие, как, например, «Лундские» или «Рюдские анналы» долгое время сохраняли статус главных источников для изучения древности в Дании и не только. Хотя иногда отдельные анналы почти не уходили в древность, сосредоточившись на событиях ближайших к автору десятилетий, — другие, опираясь так или иначе на устную традицию, вероятно, включая саги и хроники, строили повествование с мифологических времён, где появляются в роли королей Дании Один или Бальдр, упоминаются подвиги героев от мифического Старкадера до вполне исторического, хоть и обросшего легендами Рагнара Лодброка и т.п. Помимо Дании и Скандинавии с её викингами, тексты много внимания уделяют соседним регионам: Германии, Руси, балтийским славянам и не только. В полном объёме на русском языке все памятники публикуются впервые.

Труд является логическим продолжением вышедшей в 2022 книги «Датские хроники XII века» (о выходе её сообщалось в 38-м выпуске «Северного Ветра», с. 5), а в какой-то степени — и «Деяний данов» Саксона Грамматика, вышедших двухтомником в 2017 году. ⋮

По вопросу приобретения можно писать ВКонтакте:
<https://vk.com/Vladislavovic>

Юрий ПЕРЕБАЕВ

Тень богов

Обзор первоначально опубликован на сайте perekat.kiev.ua

Джон Гвинн «Тень богов». — М.: МИФ, 2023.
Серия: Фэнтези МИФ. *Stranger Times*.
Первый роман цикла «Сага о Заклятых Кровью».

Рагнарёк был вчера, или Норманское фэнтези

Вигрир — Поле битвы, земля павших королевств, место, где сражались и гибли боги. Расколотый на части и возродившийся мир, пропитанный кровью, полный чудовищ и Порченных — потомков мертвых богов. А также жаждущих власти вождей и прочих суровых людей, привыкших убивать и умирать. Зачастую ведомых мстью за своих погибших близких.

Именно этой дорогой идет Орка — мать, старающаяся отыскать сына.

Варг — совсем недавно презренный трэлл, а сейчас один из Заклятых кровью, ищущий убийцу сестры.

Лишь дочь ярла Эльвар, избравшая собственную стезю воительницы, не жаждет возмездия: её прельщает слава.

Пути этих троих — обычных людей, кружащих в кровавом водовороте сражений, убийств и воздаяния, на первый взгляд, не связаны между собой. И вряд ли они смогут изменить мир.

Но что, если так только кажется?

Британец Джон Гвинн не первый год занимается созданием фэнтези. Немудрено, ведь жизнь юного Джона, активно колесившего по миру с отцом-военным, была плотно связана со Страной Фантазией. Первый его роман (он же единственный, вышедший до самого недавнего времени на русском) увидел свет в 2012 году и начал цикл классического фэнтези. «Злоба», кстати, отхватила премию Дэвида Геммела за лучший фэнтезийный дебют.

Нашим сегодняшним героем Гвинн открывает следующий цикл, вдохновленный культурой викингов, а также «Беовульфом и Рагнарёком».

The Shadow of the Gods оказывается чертовски атмосферным, будто переносит нас во времена суровых норманнов (неудивительно: автор плотно занимается реконструкцией того периода).

Правда, в этом мире Рагнарёк уже случился. Сей факт вводит в книгу основную порцию магических элементов и фантастических допущений.

Здесьние небожители три сотни лет назад сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть. С привлечением «порченных» потомков и обычных людей. Сошлись до того удачно, что выбили друг дружку под корень (почти). Из-за чего? Да как обычно — ревность и кровная вражда. После Рагнарека старый мир закончился, а в новом мире без богов (почти), обнаружилось свеженькие особенности.

В первую очередь — чудища из бездны Везен. Тот еще бестиарий. От шаловливых фенч, любящих зубы теннуров или ночных вирмов — червей в кинжал длиной, до волков ужаса, никс — подводных тварей русалочьего типа, троллей и огромных морских змеев. Практически все они не прочь отведать человечинки и доставляют жителям Вигрира немало неприятностей. Зачастую смертельных. Плюс духи деревьев и забавные живые артефакты, как, к примеру, говорящая голова великана.

А как вам останки богов, служащие самой надежной защитой от этих самых везен?

Здесьний пантеон включал в себя исключительно зооморфных богов, от Волка до Крысы. Главный — несусветных размеров змей Снаки.

А что, очень удобно — заимел скелет экс-небожителя или хотя бы отдельную кость — и живешь припеваючи, на чудищ поплёвывая с высокой колокольни. Если костомаху не раздобыл, приходится рунами обходиться, но они послабее будут.

Хит сезона — огромный город, построенный в черепе того самого Снаки. А что — если его скелет растянулся через весь Вигрир, став основой огромного горного кряжа, в черепе такого существа действительно можно строить мегаполис. Жаль только, солнечного света в таком городке маловато — только то, что через глазницы попадает.

Во вторую — обращение гомо сапиенсов с Порченными. Людьями, в которых течет гнилая кровь мертвых богов. В наличии классические берсерки — потомки бога-медведя Берсера, Порченные с кровью Волка-Ульфира, Гончей-Гундура, Крысы-Ротта и других богов. Если верить сказкам — существуют даже драконорожденные, ведущие свой род от Драконицы Лик-Рифа. Только вживую их никто не видел. Пока. Порченные в крайних случаях способны к частичному обращению. Славятся скоростью, силой, нюхом — всеми качествами, перенятыми от родителей-богов.

Вот только судьба их в Вигрире незавидна. Ведь они находятся на положении рабов, чья преданность достигается отнюдь не пряником. А с помощью увесистого кнута, и ошейников из осколков цепи, некогда сдерживавшей Ульфира. Есть даже специальные дружины, «сшибающие монету» на отлове и продаже Порченных власть имущим, формирующим из тех команды телохранов.

А исландский тут — натуральный язык силы. Именно на нем отдаются команды трэллам-Порченным, да и заклинания произносятся на нем же.

Магией нас автор не обделил. Ее два вида — в исполнении Гальдурманов, людей, посвятивших годы обучению и шлифованию колдовского мастерства. И ведьм-Сейд, способных к волшебству благодаря крови самого Снаки, Отца богов.

Следующей приятной стороной Тени становится антураж викингов. Социально здесьние обитатели делятся на четыре категории. Высший слой — ярлы со своими дренграми — профессиональными воинами-дружинниками. Свободные бойцы-наемники, шныряющие на драккарах туда-сюда, занимающиеся отловом Порченных, добычей артефактов, охраной, сражениями, за кого заплатят. Простой свободный люд — торговцы, мастера, владельцы ферм. И рабы-трэллы.

В целом картина мира Гвинна списана с северян VII-XI веков. Непременные бражные дома, где от пуза пируют ярлы или хевдинги со своими воинами. Повседневная жизнь на драккаре, быт и отношения в дружине викингов. Молодецкие забавы — танцы на веслах. Морские сундуки для хранения одежды и брони, закупка добра для воина (и это не только оружие). Снаряжение викингов в бой, их приемы сражений. Знаменитая стена щитов. Похороны с оружием в руках. Непременная традиция забирать доспех и шмотки убитого противника (трофеи — дело святое). Местное вече — альтинг. Хольмганг — поединок для разрешения споров в кругу, очерченном прутьями орешника. Кровные долги — работающие в обе стороны, как в смысле мести за убитого родича, так

и беспрекословной обязанности спасшему тебе жизнь. Поэтические сказания скальдов. Клятва на крови, скрепленная рунами и словами силы. Тяжелая доля рабов, их абсолютно бесправное положение. Прямо как у норманнов в гостях побывал. За атмосферу Гвинну респект.

Здесь мир до ежеиков суров и жесток. Власть имущие — традиционно свиньи, жаждут лишь захватить побольше власти, считая всех остальных прахом под ногами. Хотя вынуждены держать покер-фейс и «следить за базаром». Потому что каждый свободный товарищ (а также его жена) вооружен и готов бросить обидчику вызов в круг. Трэллам несладко, но и свободный в любой момент может расстаться с жизнью. Мало вам робяты, различных чудищ, так и человек человеку по-прежнему — волк. Очень жизненно, знаете ли.

Основных линий в романе три штуки, по числу главных героев. В каждой нас ждут сюрпризы той или иной степени важности.

Орка — женщина-воин, причем из лучших. Та, кому легко убивать, это дело она умеет и любит. Просто поддающаяся ярости, в бою не обращающая внимания на собственную целостность. Мститель, вцепившийся в след врагов с цепкостью бультерьера. Готовая на что угодно, лишь бы вернуть сына и уничтожить всех виновных в его похищении. Типаж мстителя до последнего.

Варг — еще один мститель, но с нюансами. Трэлл, потерявший сестру, ищущий виновного в ее смерти/исчезновении. Ставший одним из отряда наемников, попробовавший на вкус жизнь вольного викинга. Серьезно раздумывающий над тем, как быть дальше — до упора идти по пути возмездия, потеряв новый статус и товарищей, или погодить, не опережая события. Человек, через которого мы знакомимся с путем воина, ведь до поступления в ряды Заклятых кровью Варг не имел дела с серьезным оружием, обходясь кулаками. Он частенько косячит при вхождении в воинский мир, но достаточно быстро учится. Эта линия отправляет героя и читателей в квест на далекую окраину, где нечто убивает людей.

Эльвар — воительница в очередной наемной команде викингов — Лютой рати. Дочь вождя, сбежавшая из дому, решившая самостоятельно завоевать воинскую славу и имя. В этой арке нас ждет легендарный поход к сказочному великому ясеневому дереву. Месту, где жарче всего бушевала битва павших богов и где должно быть немало различных плюшек (и тарашек).

Да, время от времени линии две наемные линии путаются в восприятии, быт и проблемы воинов изрядно схожи. Но с этим «багом» можно смириться.

Как нетрудно догадаться, герои пересекутся, правда, в этой части не все (второй том цикла уже есть на английском, третий в работе).

«Тень богов» в меру динамична, создана в режиме умеренно коротких глав, не дающих позабыть, что происходило с другим героем, находящимся сейчас вне поля зрения. К финалу романа ставки повышаются, переводя происходящее из категории частных разборок в разряд судьбоносных событий для всего мира.

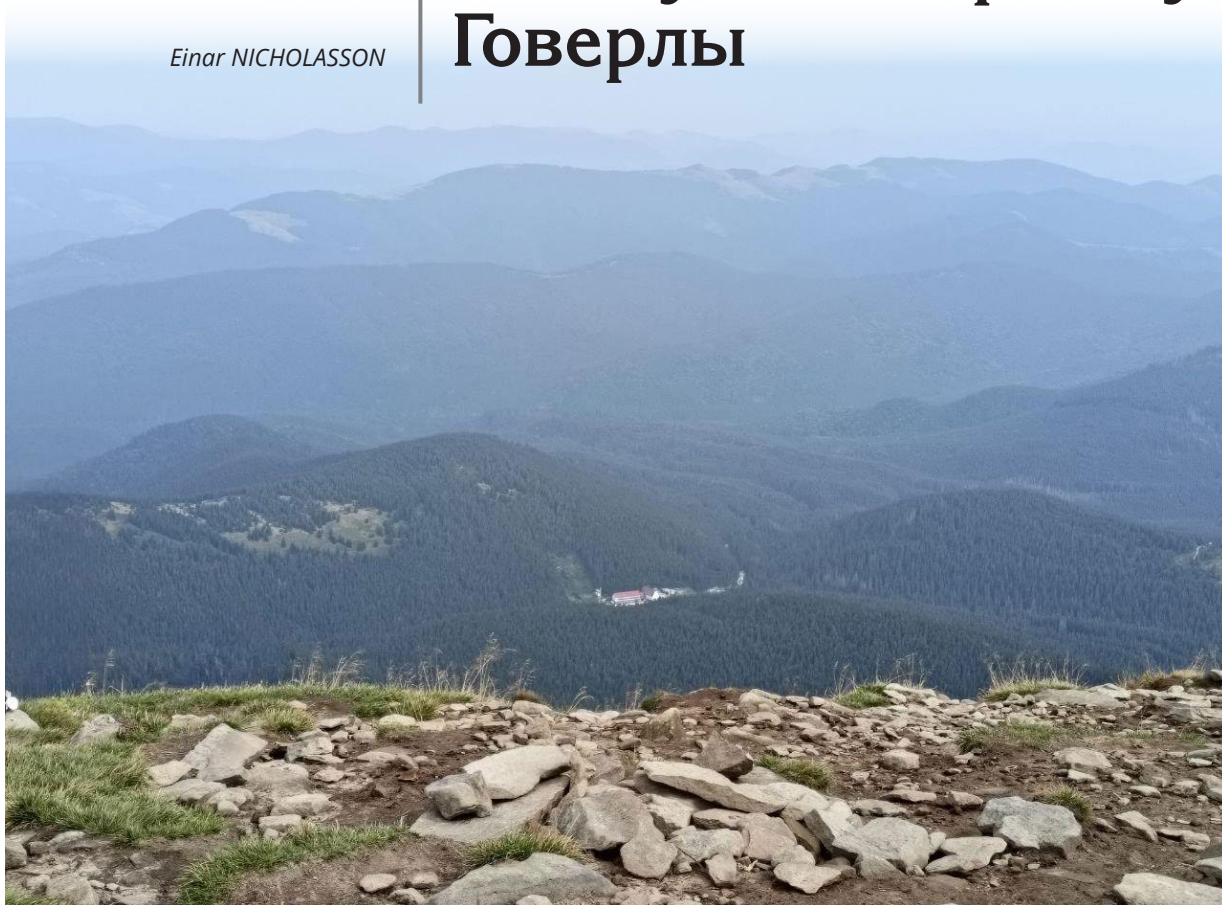
Хватает кровищи, поединков, стычек, смертей. Разве что привычных нам по фэнтези больших сражений мы не увидим. Количество бойцов в здешних битвах исчисляется десятками, а не сотнями или тем паче тысячами. Дык у норманнов особо большие рати чаще всего и не сталкивались. Тут не подкопаешься. ❖

Эрго. Приятное скандинавское фэнтези с шикарным норманнским антуражем, как бытовым, так и мифологическим.

Сердце гор. Мой путь на вершину Говерлы

Einar NICHOLASSON

Меня зовут Эйнар, более десяти лет я занимаюсь развитием и продвижением культуры, истории северной традиции, и сегодня я хотел бы поделиться с вами, дорогие друзья, одной историей...

В жизни каждого из нас полно испытаний. Одни преподносят нам великие Норны, иные мы создаём себе сами. Одним из таких испытаний для меня стала реализация давней мечты — покорить чудесную вершину горы Говерла. Кто был однажды в горах, тот меня поймёт, а кто не был, возможно, пожелает это осуществить. Это вызов самому себе, это шанс проявить свою природу, это возможность в полной мере испытать на себе мощь стихии и глубинной силы, что течёт в нас. Начиная свой путь в первый раз, ты и близко не представляешь что тебя ждёт, ты выбираешься из каменных джунглей города и отправляешься в потрясающую историю, которая полна опасности, открытий, а самое главное — возможностью слиться в едином танце с природой, как это

делали в древние времена могучие воины севера. Делая первый лёгкий шаг, ты и близко не догадываешься, каким тяжёлым может быть последний. Начиная восхождение, мы видим первозданную красоту мира, на фоне которого человек действительно выглядит незаметной точкой, однако кроющиеся за этой красотой секреты могут стать великим откровением, ведь мы так мало знаем о себе.

Одним из самых прекрасных моментов во всей моей истории было присутствие двух воров, которые сопровождали на всех этапах пути, словно хранители места и посланники верховного Аса Одина. А всё началось с идеи рискнуть и поехать в конце сентября, ощутить всю прелесть медленно засыпающей природы Карпат. Я прекрасно понимал, что шанс попасть на хорошую погоду

был очень мал, однако чудесным стечением обстоятельств стало то, что именно солнечная тёплая погода окутывала всю дорогу и наполняла силами для заветной идеи подняться на точку соприкосновения со всеми мирами.

Приехав к подножию, я впервые увидел то, что впоследствии необходимо было преодолеть — многоэтапный подъём на нерукотворный трон великанов из северных легенд. И уже в самом начале выпал шанс насладиться горным ручьём, потрясающим древним лесом, наполненным безмолвными жителями — деревьями, которые хранят в себе тайны и истории, рассказывая их всем остальным мирам. Когда я поднялся выше, появилась возможность испить из чудесного подземного источника, и в голове сразу родилась мысль о том, как всеотец черпал мудрость всего мира, а посему захотелось попросить сил для дальнейших испытаний, которые ждали уже в обозримом будущем. Наслаждаясь воздухом, пропитанным ароматом чудесных растений, пением птиц и ветров, понимаешь, насколько ты дома, насколько природа волшебна, особенно когда человек к ней не прикасается. Делая небольшие привалы, обретаешь восхитительный шанс взглянуть на то, как корни, словно в какой-то сказке, укрывают своим сплетением землю, то ли защищая, то ли получая её тепло для своей жизни. Наблюдая за всем этим, осознаешь, что всё это место — живое, и жизнь переливается самыми разными красками для тех, кто умеет видеть.

Однако путь продолжается, и вот, понемногу поднимаясь на высоту, видишь, что леса становятся всё меньше, и начинают открываться фантастические виды на горы поменьше, на невероятное небо, и ты слышишь пение воронов, которые напоминают о том, что они рядом. Ты видишь горизонт, видишь, что такое свобода и насколько могущественна необузданная сила природы, которая создала всё это словно под властью великих древних богов, что некогда сами ходили по этой земле. Это сказка и явь, это легенда и реальность. Всё сплетается в потрясающей гармонии, где исчезает дуализм, и ты с благоговением смотришь на это спокойствие, сменяющееся дикими порывами горных ветров, которые готовы в любой момент поднять тебя и унести на своих крыльях вдаль к тем границам, где начинаются новые миры.

Поднимаясь всё выше, ты ощущаешь, насколько ты забыл в рутине дней себя и как природа обновляет, как она приглашает к себе прикоснуться, как обнимает, словно мать, своих уже давным-давно ушедших в цивилизацию детей. Смотря на всё это, понимаешь, как и почему создавались великие мифы и легенды, как хаос превращался в структуру, как все стихии творили и разрушали, словно стражи всего мироздания. Смотря на всё это, видишь своё испытание, свой вызов, ведь перед тобой открывается дальнейший путь на гору, который до этого был скрыт лесом. Теперь ты понимаешь, что твой путь наполнен не только романтикой и мистериями природы, а и приглашением на бой с самим собой, со своими сомнениями. Это сражение внутри тебя одновременно разрушает и создаёт нового человека. И как оказалось впоследствии, заканчивается истинной инициацией.

Поднимаясь навстречу своим страхам, наблюдаешь, как вдалеке двигаются по камням точки — это маленькие люди на фоне горного существа, они карабкаются по его хребту, и ты ощущаешь, что оно в любой момент может проснуться от вечного сна, подняться и пробудить всех подобных себе. Вспоминаешь все легенды о драконах, о великом волке, о мировом змее или других невероятных существах и понимаешь, что именно здесь они и могут жить, ты пришёл в их дом и в любой момент они покажут себя. Это невероятно — одновременно осознавать, насколько ты мал в этом мире, и насколько велика сила в тебе.

И вот ты медленными человеческими шагами продвигаешься вперёд, игнорируя усталость, первую боль, ты слышишь внутри себя только одно — вперёд! Что бы ни было, нужно подняться! Снимаются все маски человеческого бытия, стираются все границы личностей, и ты продолжаешь ступать через маленькие и большие камни, бесконечные ручьи и болотца, корни и ямы. Уже нет той улыбки и первого удовольствия от пути, они остались позади. Теперь же перед нами вид прекрасной вершины и сражающийся человек. Сражающийся с самим собой, а мир вокруг — это поле битвы. Каждый миг сопровождает вопрос — может, достаточно? Может, стоит сберечь себя и остановиться, пройти в следующий раз? Нет. Сейчас. Вперёд.

Твоё дыхание словно у загнанного зверя, твоё сердце рвётся из груди, твой мозг вопит, и ты сам ощущаешь агонию, а точнее, её начало, ведь это лишь часть подъёма. Продвигаясь дальше, ты уже не смотришь, как раньше, на красоту, всё вокруг изводит тебя вопросами — справишься? Сможешь ли осилить? Сможешь ли взять контроль разумом над своим телом? Тем временем мир продолжает играть своей мощью, и чем ближе ты к Малой Говерле, тем больше осознаёшь себя песчинкой, тем больше понимаешь, что сейчас ты ближе всего к тому дикому зверю, что внутри. Он так долго спит в нас и сейчас может, наконец, пробудиться для привычных ему действий. Здесь твой разум начинает осознавать, почему викинги стали легендарными, этот образ начинает обретать совершенно иной смысл, ты перестаёшь чувствовать время и пространство, ведь есть только цель впереди. Своя маленькая победа.

Жадно глотая воздух и воду, ты приближаешься к небольшому привалу в виде первой вершины, и её можно воспринимать по-разному. Это и отдых, и миг осознания, сколько позади, и шанс прийти в себя, возможность полюбоваться тем, что ты видишь, чувствуешь, слышишь... Однако всё это меркнет перед тем, что открывается тебе, когда ты, наконец, встречаешься лицом к лицу с той заветной основной вершиной, к которой ты отправился. Сейчас твой мозг кипит от мысли, что тот путь, что ты прошёл, был лишь тренировкой, он был малым примером, что ждёт тебя. Отдых наполняется желанием остаться здесь и даже не думать идти вперёд. В тот же момент умирает всё человеческое, и тогда ты по-настоящему начинаешь чувствовать жизнь. Ты закрываешь глаза и обращаешься к себе, к богам, к предкам и благодаришь, что у тебя появилась такая возможность испытать себя, а в следующий момент слышишь крик вновь пролетающих воронов и чувствуешь порыв ветра, что пронизывает всего тебя. Он не холодный, не злой, он наполнен теплом природы и словно послан облегчить агонию твоего слабого тела, которое действительно кажется таким хрупким.

Глубокий вдох, немного успокоившееся сердце дают сигнал идти дальше. Часть тебя желает смотреть вниз на свой путь, а часть — вперёд на такой потрясающий конец пути. Мгновениями ты оборачиваешься и смотришь, как солнце

освещает малые вершины, как плывут волшебные облака, как летят и поют свою песнь вороны, а особенно, как близко и одновременно далеко до неба, где вот-вот покажется крона мирового древа...

Как же это восхитительно — подниматься на такую высоту, где ты чувствуешь себя ближе к богам, чем когда-либо, однако впереди ещё такой желанный финал. И вот ты, наслаждаясь умопомрачительными видами, ощущаешь, как силы окончательно покидают твоё тело, как ты приближаешься к границе своих возможностей, ты буквально чувствуешь, что ещё немного — и ничто не сможет сдвинуть тебя с места. Ты в ярости стремишься сделать шаг по крутому склону, и тут твоя нога срывается, она больше не слушается тебя, твоё тело словно взбунтовалось и отказывается выполнять команды мозга. Закрывая глаза, ты чувствуешь, как всё тело горит огнём, и вдруг внутри просыпается нечто неизвестное, нечто невообразимое и непередаваемое. Другая, а не та, привычная, личность, меняется вся суть, в боли рождаешься совершенно новым ты. Совсем не человек; и чувства обостряются, словно выходишь за границы понимания и реальность — это всего лишь часть чего-то большего. В тот момент твоё изнеможённое тело, совсем отказавшись двигаться, находится во всепоглощающей агонии, и только обновлённая сущность, направляемая твоим сознанием, в силах продолжить вскарабкивание. Больше нет ничего. Время застыло, и твой путь словно остановился. Но ты чувствуешь, что ещё немного — и ты сделаешь последний, такой желанный шаг на вершину.

Чем ближе приближаешься к ней, тем круче подъём и тем сильнее жажда продолжать. У тебя нет мыслей, нет чувств и эмоций, это новое ощущение, которое ни с чем не сравнить, кроме того момента, когда ты наконец оказываешься на вершине. И вот остаётся несколько метров, ты разворачиваешься и смотришь на пройденный путь, понимая, что на нём ты умер, и ты родился. Делая последний вздох, ты словно готовишься прыгнуть в бездну и пройти свою инициацию. И вот, собрав всего себя, делаешь решающий рывок. Наконец твоя нога делает шаг и оказывается на вершине... Этот миг кажется длиннее, чем какие-либо в жизни. Ты ступаешь второй, и наступает момент, который так ждал, момент, который стёр

тебя прошлого и родил нового. Первые секунды не можешь стоять и падаешь на колени, расплываясь в улыбке, и глаза наполняются слезами радости. А в следующий хочется кричать что есть сил, но не можешь, ведь сил больше нет, и тут ты замечаешь, как в твою сторону летят два верных спутника, словно встречают и, пролетая над головой, пронзительно кричат вместо тебя. Стоя на вершине, благодаришь природу за этот невероятный путь, благодаришь Норн, что сплели твои нити судьбы, и Богов, что благословили на этот

вызов. А далее приходит очень любопытное осознание — впереди спуск... На самом деле вот тогда уже ты себя чувствуешь окрылённым и, несмотря на жутко уставшее тело, спускаешься навстречу ветрам, а внутри себя благодаришь за всё, что было с тобой в этом путешествии. ❖

*С уважением и любовью к журналу,
а также всем его почитателям,
ваш Einar Nicholasson!*

Мой инстаграм Viking_way

Маргарыта ЛАТЫШКЕВИЧ (ПАПАКУЛЬ)

*Хочаш,
я раскажу табе
казку?
Там будуць князёўны,
там будуць героі,
і абымшэлыя вежы палацаў,
і цяжкія ўздыхі
бліскучай зброі.*

*Хочаш?
Там будуць агні над багнай,
і навальніцы над курганамі,
і покліч рагоў паляўнічых прагны,
пад покрывам Пушчы — алень загнаны.*

*Ты бачыш?
Вакол нас віруюць цені
і шэпчаць спакуліва і салодка
пра запаветныя сцежкі сненняў,
што зводзяць прэч ад любых турботаў.*

*Ты іх не слухай:
нам — далей крочыць
па лесвіцы з месяцовых промняў
пад сінім покрывам вечнай ночы,
што пакідае іней на скронях.*

*Казка расказваецца,
але і, з крывёю змяшаная,
у жылах б'ецца.
Бо створанае толькі тады ацалее,
калі ў ім трапеча
драбочак
сэрца.*

*Я, можа быць,
досыць часта хлушу,
ды хлусіць табе не змагу ніколі.
Нераспавядзёныя казкі
душаць,
пакуль яны ўнутры
зняволеныя.*

*Яны прыходзяць
загнаным аленем,
агнямі плывуць
над дарогаю гразкай.*

*Пакладзі ж галаву
да мяне на калені.
Хочаш, я раскажу табе
казку?*

**Урывак з аповесці
«Над Вугерай — дождж»**

...з непрагляднай цемры спачатку вырвала-ся цэлае воблака нясцерпнай гарачыні, змешанай з гарам ды звярыным смуродам. Ільга закашлялася, засланіла твар рукою. І з-пад далоні, халадзеючы, пабачыла, як пашча пячоры выплюнула агромністы цень, што засланіў сонца.

Зыркім злым золатам успыхнула, асляпляючы, луска, касцяныя грэбні горда ўзняліся вышэй лесу, працялі неба, а за грэбнямі разгарнуліся, хвостка ўдарыўшы стылым ветрам, магутныя крылы, падобныя да кажановых. Перакотваліся пад лускаю таўшчэзныя канаты мышцаў, поўныя неўтаймаванай сілы, даўгія кіпцюры глыбока ўпіліся ў чырвоную гліну. Кольцы звістага хваста, усеянага вострымі шыпамі, з вусцішным шаргаценнем папаўзлі амаль пад ногі Ільзе. А на доўгай гнуткай шыі, увенчаная каронаю рагоў, сядзела выцягнутая сухая галава з паўраскрытаю пашчай, поўнай вострых іклаў.

І глядзела гэтая галава ўважлівымі барвовымі вачыма, і пагрозліва сучэла, выпусціўшы вострае атрутнае джала.

Ільга зніякавала, застыла на месцы. Глядзела — і не магла адарваць пагляд. І думала: прыгажосць. Пагрозлівая, драпежная, жудасная нават, бясконца небяспечная, але — якая ж прыгажосць!. А цмок выдыхнуў праз тонкія

ноздры лёгкія воблачкі пары — і раптам зароў, забіў хвостом па зямлі, высока ўзбіваючы шматкі гліны.

Унутранае чуццё падказала Ільзе слізнуць долу, і ў час: ледзьве ўнікла ўдару вострых кіпцюроў, праехаўшыся ўпрост пад цяжкаю лапай. Кроў у жылах як бы застыла, сэрца забілася павольней. Ільга нават паспела за здзіўленнем пабачыць, як замерлі, падвіслі ў паветры драбочкі зямлі і сцяблінны сухой травы.

Ільга ўзляцела ў сядло, ударыла пярэстую пяткамі. Кабылка заіржала і сарвалася з месца. Ашалелы цмок з сілаю ірвануўся наперад, уламіўся ў зараснікі. Ударыў хвостом наводмаш — і са страшэнным трэскам павалілася некалькі хвояў. Ільга жвава павярнулася ў сядле, падняла лук і выпусціла адразу некалькі стрэлаў, нават асабліва не цэлячы: галоўнае было — утрымаць увагу зверу на сабе.

Адна страла пры канцы лёту слаба клюнула наканечнікам залатую луску на цмокавым плячы. Цмок зароў, шумна забіў крыламі, узняўшы цэлую буру. Пярэстая закрычала ад жалю: яе разам з Ільгай душны смуродны вецер пацягнуў назад, так што капыты кабылкі пакідалі па сабе барозны ў сырой зямлі. Ільга, ледзьве перасільваючы вецер, ізноў падняла лук, стрэліла, не бачачы, не дыхаючы, усяляючы — і амаль аглухла ад пранізлівага, поўнага лютасці і болю звярынага крыку. Бура адступіла, так што Ільга, праміргаўшыся, здолела пабачыць: некалькі прымудрылася пацэліць. Яе страла з бела-чырвоным пер'ем усё яшчэ трапяталася ў згіне скурыстага крыла.

Цмок, адступіўшы адным падскокам, помсліва плюнуў агнём. Ільга рванула аброць, праклінаючы сябе за маруднасць і з адчаем разуменючы, што адысці не паспявае, што момант безнадзейна згублены. Нават прыкрыла вочы і згорбілася ў сядле, чакаючы пякельнага болю.

За сабою Ільга пачула драпежны звярыны крык і аглушальны бой крылаў. Не паварочваючы галавы, ведала: узлятае. Сапраўды, вялізны цень лёг на траву і зараснікі, цягнучыся далёка наперад, а пасля ў парыве ветру расплоўся ўкруг Ільгі, атачыў варожа, пагрозліва. Звярыны крык груба прарэзаў паветра над самаю Ільзінай галавою, зверху дыхнула невыноснай гарачынёй. Пярэстая, адчуўшы Ільзін дотык, доўгім зграбным скачком, не губляючы хуткасці, сышла ўбок. З трэскам схпілася агнём сухое кустоўе, папоўз, блытаючыся ў чарніцах, белы задушлівы дым.

Яны прамінулі чырвоны яр з лясным вадапоем, адным духам праляцелі страшную чорную прагалу. Цмок не адступаўся, біў крыламі зусім нізка, віўся над самымі вершалінамі, сучэў і гнеўна роў, шалёна пляваўся агнём. Ільга раз-пораз падагравала яго імпат, цяляючы з лука ўверх, у цень над дрэвамі, што засланяў неба. Галоўнае, зацята думала Ільга, звывла прыслухоўваючыся да сухога рыпення лука, самае галоўнае, каб не адстаў. Каб не згубіў след і шалу да самага канца, да Калінава моста.

За прагалаю цмок упаў — паваліўся цяжка, як камень, ламаючы хвоі і яліны. Забіўся з вісклівым лямантам, ушчэнт крышыў страшэннымі ўдарамі крылаў і хваста ўсё вакол — векавыя дрэвы, валуны. Ад бяссільнай злосці грыз зямлю, душыўся ўласным агнём і атрутай. Ільга, прыпыніўшыся на лясным пагорку, чакала, пільна сачыла за зверам паўзверх насцярожанага лука і, як толькі цмок падняўся на лапы, стрэліла — раз, другі, трэці. Цмок засычэў, павярнуўся надзіва імкліва для такой махіны. І рушыў, падвалакваючы падстрэленае крыло, на Ільгу бегма, з хуткасцю лепшага каня, і тугія канаты мышцаў шпарка звіваліся пад блішчатай лускай. Ад такога відовішча пярэстая ўзбрыкнула пад сваёй верхняй, захрыпела ад жаху, так што з храпы пасыпала пена.

Ільга ўладна нацягнула цуглі, пусціла кабылку ў галоп. Зямля скаланалася, страшна гула пад цяжкімі крокамі, ад пранізлівага рову і свісту закладала вушы. Цмокава пашча раз ці два прагна шчоўкала над Ільзінай галавой, абдаючы невяносным смуродам, і тады пярэстая заходзілася ў гучным ржанні, яшчэ хутчэй, яшчэ часцей пачынала перабіраць точанымі нагамі. Ад удараў шыпастага хваста са стогнам і трэскам падалі дрэвы, і тады з крыкамі разляталіся птахі. Ненажэрны цмокаў агонь шугаў па траве, па кустоўю, караскаўся па галінах, спрабаваў, як і сам цмок, нагнаць, ухапіць і раздзерці.

Лес гуў ад жаху, гарэў і дыміўся. Атрутная цмокава сліна сыпалася на зялёнае лісце — і радасная веснавая зеляніна скурчвалася, чарнеючы, ссыхала. І доўга, жудасна, бясконца доўга вакол былі толькі агонь, дым ды атрута, і смуроднае цмокава дыханне, і пранізлівы роў, ад якога завязваліся вузлом вантробы, і цяжкі тупат, што балюча гукаўся ў самых касцях. Ільга задыхалася, кашляла, лавіла

ротам паветра, слепла ад гарачыні і смуроду, ад густога дыму. Прасвет між стваламі дрэваў падаўся Ільзе чаканым збавеннем. Пярэстай, мабыць, таксама: кабылка заржала радасна, прыспешылася, як магла, з апошніх сіл. Голас блізкай ракі, такі лагодны, такі ласкавы, накотваў разам з ясным святлом шэранькага пахмурнага дня, нёс з сабою і свежасць, і надзею.

Ільга вырвалася на ўзлессе, вылузала з дыму і гару, — і нарэшце змагла ўздыхнуць на поўныя грудзі. Унізе звільстая Вугера спакойна несла свае хвалі між высокіх узгорыстых берагоў, шчыльна зарослых светлымі бярэзнікамі. За нешырокім пясчаным валам, за чорнымі вольхамі горбіўся, патаваючы ў белай квецені каліны, стары мост, і за ім раптам, папярэдзваючы, запеў баявы рог: з-за моста сачылі і заўважылі.

Цмокаў роў прагучаў быццам у адказ, паляцеў далёка над рачной далінай. Па сыпучым пяску, праз трапяткі паўпразрысты бярэзнік, міма пахкага лісця вольхаў, навыверадкі з цмокам, Ільга шпарка панеслася да шэрага гарба старога моста. Узмыленая пярэстая цяжка і часта дыхала, раздуваючы бакі, пачала злёгка прыпадаць на адну нагу і паступова збавіла ход.

— Яшчэ трошачкі, — прасіла Ільга. — Трошачкі, любая, давай!

І яны ўзляцелі на мост. Даўніх камянёў месцамі не хапала, а тыя, што былі, калываліся, вохкалі пад любым цяжарам, і ўвесь мост часта тросся, заходзячыся, быццам у ліхаманцы. Ільга лёгка саскочыла на мост у самай сярэдзіне, прыхапіўшы з-пад сядла бацькаву дзіду. Учапілася ў дрэўка абэроч, наставіла вастрыё на цмока, які, трывожна прынюхаўшыся, замёр перад самым мостам у нерашучасці — мабыць, зразумеў ненадзейнасць такой пераправы або счуў блізкую пастку.

— Ну?. — голасна сказала Ільга цмоку. Павольна, на паўсагнутых нагах рухалася з боку ў бок, асцярожна ступаючы, адчуваючы падэшвамі гуд і напружанне выцэртых часам камянёў.

Цмок выскаліўся, пагрозліва засычэў, торгаючы параненым крылом. Ударыў хвостом, узняўшы воблакі пылу. За зверам палымнеў лес, сыходзіў языкамі шалёнага агню і клубамі густога чорнага дыму...

Щитовая драпа¹ Рыцаря Скандинавии

Уппхав

- 1 Братья, брагу асов²
- 2 Брать не бойтесь, пойте!
- 3 Мысли мыса копий³
- 4 Мы стреножить сможем.
- 5 Слушай сладость речи,
- 6 Следуй зову крови:
- 7 Корабельщик карлов⁴ —
- 8 Кормчий я и кравчий.

Стевьабалк

Стев: Гюльви⁵, прославленный
корм воронья⁶,
Рядом с тобою и я!

- 9 Узел павших⁷ — узы
- 10 У знамён союзных:
- 11 В трелях дома ветра⁸
- 12 Витражами знамя.
- 13 Кровлей мира⁹ — крона
- 14 Краше винной чаши,
- 15 К рунам скачет в круге
- 16 Крепкий стражник брани¹⁰.
- 17 Белый коршун крови¹¹
- 18 Криком будит чудищ:
- 19 Будет город Тора¹²
- 20 Горд кровавой жатвой¹³!
- 21 Смерить влагу смерти¹⁴
- 22 Смеет недруг змея¹⁵:
- 23 Верно, злу не время
- 24 Бремя цвергов¹⁶ свергнуть¹⁷!

Стев: Гюльви, прославленный
корм воронья,
Рядом с тобою и я!

- 25 Платьем — плоть Имира¹⁸.
- 26 Плети ратей¹⁹ пляшут.
- 27 Псы деревьев²⁰ дремлют
- 28 В древних землях килей²¹,
- 29 От корней до кроны
- 30 Кормят смелых белок²².
- 31 Рад изгибам радуг²³

1 Драпа — основная форма написания хвалебных песней в скальдической поэзии, а также высшая, торжественная форма хвалебной песни. В щитовой драпе даётся описание изображений на щите, полученном скальдом в дар от прославляемого покровителя (в данном случае под таковым подразумевается Табель градуса). Драпа состоит из трёх частей: 1) введение уппхав (upphaf), в котором скальд просит выслушать его; 2) средняя часть стевьябалк (stefjabálkr), в которой перечисляются подвиги восхваляемого; 3) заключительная часть слэм (slæmr), в которой скальд обычно просит вознаградить его за сложенную им драпу. Средняя часть обычно самая пространная, и именно в ней присутствует отличающий драпу от других произведений жанра стев — дополнительное предложение, делящее основную часть драпы на фрагменты. Стевы распределяются внутри основной части драпы равномерно, но их количество не предусмотрено канонам и зависит только от желания автора. Стев может быть совершенно не связан с содержанием драпы, и его форма также не ограничена каким-либо строгим канонам. Драпы обычно пишутся в трёхтактном стихотворном размере дротткветт, наиболее детально разработанном в скальдической поэзии. Строфа дротткветта состоит из восьми строк. В каждой строке должно быть шесть слогов, три из которых несут метрическое ударение, и две-три аллитерации. Ударные слоги одновременно несут и словесное ударение. В нечётных строках используются неполные внутренние рифмы и так называемый скотхендинг (skothending), когда рифма получается одинаковым набором согласных с различными гласными, не обязательно в начале слова. Чётные строки обязательно начинаются с ударного аллитерирующего слога. В них используются полные внутренние рифмы и так называемый адальхендинг (aðalhending) — рифмовка схожих слогов, не обязательно в конце слова. По возможности, эти приёмы использовались и в данной Зодческой работе.

2 Брага асов (мёд асов) — традиционный кеннинг поэзии.

3 Мыс копий (мыс мечей) — традиционный кеннинг щита (в данном случае имеется в виду Табель градуса).

4 Корабль карлов — традиционный кеннинг поэзии. Соответственно, корабельщик карлов — кеннинг поэта.

5 Гюльви — самый первый из известных по сагам скандинавских правителей, мифический конунг Швеции, образ которого используется в легенде 34⁹.

6 Корм воронья (кормушка воронов) — традиционный кеннинг воина.

7 Узел павших — дословный перевод слова валькнут (символ, состоящий из трёх соединённых друг с другом треугольников; является знаком Одина и считается ключом ко всем девяти мирам, который обладает огромной силой).

8 Дом ветра (дом ветров) — традиционный кеннинг неба.

9 Кровля мира (шатёр мира) — традиционный кеннинг неба.

10 Стражник брани (страж сражений) — традиционный кеннинг воина.

11 Коршун крови — традиционный кеннинг ворона. В данном случае белый коршун крови — это ётун Хрёсвельг, который в облике орла сидит на верхушке Иггдрасиля.

12 Город Тора — авторский кеннинг Асгарда. Тор — один из асов, бог грома и молний, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ.

13 Кровавая жатва — привычное обозначение погибших в битве в любой культуре, но можно воспринимать и как модификацию кеннинга жатва крови.

14 Влагу смерти (роса смерти) — традиционный кеннинг крови.

15 Недруг [мирового] змея — традиционный кеннинг Тора.

16 Бремя цвергов (бремя карликов) — традиционный кеннинг неба. Цверги — карлики из западноевропейского, в первую очередь германо-скандинавского фольклора.

17 Время бремя цвергов (небо) свергнуть — отсылка к Рагнарёку — гибели богов и всего мира, следующей за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами.

18 Плоть Имира — традиционный кеннинг земли. Имир — в германо-скандинавской мифологии первое живое существо, инеистый великан, из которого был создан мир. Из его плоти была сотворена суша.

19 Плеть рати — авторский кеннинг меча.

20 Лёс деревьев — традиционный кеннинг ветра.

21 Земля килей (земля кля) — традиционный кеннинг моря.

22 Белка — отсылка к белке Рататоск, служащей посредником, связующим звеном между «верхом» и «низом». Бегает по Иггдрасилю как посланец между змеем Нидхёггом и ётуном Хрёсвельгом.

23 Радуга — отсылка к радужному мосту Биврёст, соединяющему Асгард с другими мирами.

- 32 Род игривой ивы²⁴.
- 33 Зреет время жатвы²⁵.
- 34 Рей, пора буранов²⁶!
- 35 Постели по свету
- 36 Пасть Эгира²⁷ шире!
- 37 За рекою зорки
- 38 Зори в море зверя²,
- 39 Мудро зрят на Мидгард²⁹
- 40 Мира посредине.

Стев: Гюльви, прославленный корм
воронья,
Рядом с тобою и я!

- 41 От корней до горних
- 42 Кормит древо чрево
- 43 Бесконечной бездны —
- 44 Бестий поднебесья.
- 45 Фьёрды сыну Фьёргюн³⁰
- 46 Вьёт там дочь ночи³¹,
- 47 Где, как семя смерти,
- 48 Змей объемлет землю³².
- 49 Гложет гладный аспид³³
- 50 Глубоко и глупо
- 51 Слишком сладкий корень
- 52 Силы Иггдрасиля³⁴.
- 53 Где вы, девы битвы³⁵? —
- 54 Девять стран³⁶ в огне ведь!
- 55 В сердце всем узревшим —
- 56 Всеотца³⁷ на Царство.

Стев: Гюльви, прославленный корм
воронья,
Рядом с тобою и я!

Слэм

- 57 Вот и спета ода.
- 58 Отдых нужен мужу,
- 59 Что слагает славно
- 60 Сложных строк уроки.
- 61 Слову сердца следуй:
- 62 Слаще настоящий
- 63 Жерлу мёда³⁸ жертвуй
- 64 Жар прибоя³⁹, воин!

- 24 Род ивы — авторский кеннинг людей (Эмбла, т. е. Ива — первая женщина, сотворённая богами; тогда как Аск, т. е. Ясень — первый сотворённый ими мужчина).
- 25 Время жатвы (время урожая) — традиционный кеннинг лета.
- 26 Пора буранов — традиционный кеннинг зимы.
- 27 Пасть Эгира — традиционный кеннинг моря. Эгир — ётун мирового моря. В поэзии является описанием или олицетворением спокойного моря.
- 28 Море зверя (море зверей) — традиционный кеннинг земли.
- 29 Мидгард — «срединная земля»; мир, населённый людьми.
- 30 Сын Фьёргюн — традиционный кеннинг Тора. Фьёргюн (Ёрд) — олицетворение земли и мать Тора.
- 31 Дочь ночи (дочь Нотт) — традиционный кеннинг Ёрд.
- 32 Змей — отсылка к Нидхёггу — дракону, лежащему в колодце Хвергельмир и грызущему один из корней Иггдрасиля, а также к Ёрмунганду — морскому змею, сыну Локи и великаниши Ангрбоды, который вырос таким огромным, что опоясал всю землю и вцепился в свой собственный хвост.
- 33 Гладный аспид — авторский кеннинг Нидхёгга.
- 34 Иггдрасиль — Древо Жизни в германо-скандинавской мифологии, исполинский ясень, в виде которого скандинавы представляли себе вселенную. Словосочетание сила Иггдрасиля может не только иметь буквальный смысл, но и являться кеннингом с неустановленным значением.
- 35 Дева битвы — традиционный кеннинг валькирии.
- 36 Девять стран — имеются в виду девять миров скандинавской космологии: Асгард, Ванахейм, Альвхейм, Муспельхейм, Мидгард, Свартальфахейм, Ётунхейм, Нифльхейм и Хельхейм.
- 37 Всеотец — традиционный хейти Одина.
- 38 Жерло мёда [поэзии] — авторский кеннинг поэта.
- 39 Жар прибоя — традиционный кеннинг золота.

Шамир АЛКАМЯН**Век коротких мечей**

Бальдур сон
приснился зловещий:
в бражном их зале,
усыпанном золотом,
там, где скамьи
кольчугами устланы,
мёд там стоит,
он сварен для Бальдра,
кем — неизвестно,
светлый напиток,
скрыт он от глаз,
накрытый щитом.
Бальдр подумал:
«Никак от Эгира
кубок закрытый
с напитком стоит».
К столу подошёл
и в руки взял чашу,
как тут перед ним
предстал Хёд,
слепой брат.

Хёд говорит:
«Сварил я в котле
этот напиток,
тебя ж угощаю им,
так выпей скорее,
до дна дотянись,
осуши ради брата».

Щит отодвинул
да сосуд опрокинул,
привкус почувствовал
горечи он.
Щит Бальдр отбросил,
увидел омелу:
из стебля и листьев
был приготовлен
Хёда напиток.
Чаша выпала с рук,
за живот он схватился,
к горлу ком подошёл,
тошнота подступила,
тут за шею он взялся,
начало его рвать.

Хёд сказал:
«Брат мой,
что я наделал!
Кто мне подсыпал
листья омелы?
Готовил я мёд,
превратившийся в яд
для тебя».

В тот же миг
пред глазами
он другую картину увидел —
гибель богов!
Бальдр проснулся
вместе с криком своим.
В холодном поту,
застал его Один,
спросил он у сына,
что тот увидел.

Бальдр ответил:
«Все падут:
ты сразишься с Фенриром,
Фрейр, Бели убийца,
На Сурта пойдёт,
Видар отмстит за тебя,
Тор же сцепится с змеем.
Слышу звон я цепей,
то Гарм лает громко
в Гнипахеллире,
привязь не выдержит,
привязь отцепится,
вырвется Жадный
и вот уже Хеймдал трубит
в рог Гьяллархорн».

Один спросил:
«А с кем будет биться
в последнем бою
Бальдр, мой сын?»

На отца посмотрел лишь,
ничего не ответил.
Один всё понял,
в Хель он спустился,
к вещи Вэльве, спросить.

* * *

Все собрались
в палатах Асгарда,
дабы из кубков
распить им напиток,
за Бальдура поднятый.
Все поклялись
не забирать
жизнь сына Фригг,
живые и мёртвые.
Стали праздник вести,
решили развлечься,
стали оружия бросать
в Бальдра бессмертного.
Очередь бросить
Хёду досталась.
Тор подал Бальдру
щит светоносный,
в усмешку над Хёдом
бог грома сказал:

«Слепца берегись,
не то попадёт.
Больше всего
тем стоит бояться,
кто позади.
Бросить он бросит,
да ведать не ведает,
куда попадёт».

На что Локи ответил:

«Асы и Альвы, не бойтесь,
сзади Хёда я встану,
возьмусь за копье с ним,
его руку продолжу,
наведу я на Бальдра,
и вместе мы бросим в него».

Взяв в руки щит,

Бальдр сказал:

«Брата я не боюсь,
и ты, брат, не бойся
боль причинить мне.
Так рази же ты рьяно,
и рука пусть не дрогнет,
не мешкай, бросай,
а щитом я накрою
чашу мёда свою.

Коль не сглазил никто,
а поклялся, не проклял,
не паду от копья,
если только
такова не будет судьба».

Локи крепко схватился
да направил на Бальдра,
шепчет Хёду на ухо бросать,
полон жажды и злобы
еле скрываемой.
Говорит он сквозь зубы,
жадно держит копье,
как собака вцепился,
точно сам хочет бросить.
Сколько б Хёд ни желал,
но бросок предрешён,
так пустил он копье
точно в брата.
Бальдр пал на колени,
изо рта пошла кровь,
хлынув бурным потоком.
Крики, вопли и слёзы
разразились в Асгарде,
в тот же миг
вместе с Бальдром
пал и Хёд
от рук Вали,
Локи же скрылся
в горе, тоске и печали.

Ольга ЯСИНСКАЯ

Имболк

Имболк искрится
Истинной истомой
Исходит изнутри
Истово
Игрой игольчатых комет
И изливает инеистый свет.

* * *

Имболка бусы не яркие,
Лиловый сумрак, снег на ветках,
Лазоревые огоньки
Сосулк в росчерке рассветном.

Всё тишь вокруг да благодать,
В душе, предчувствием томимой,
Ветров весенних после стужи длинной
Уже совсем недолго ждать.

Остара

Остара отмечена острою осью,
Она — берегом, основой и остью,
Она — обновленье, огонь очищенья,
Объяття, отвага, отход и отмщенье.
Октавой органной и отзвуком опер,
Она — отдалённых отрогов очельем.
Отмоет, очистит, оставит, отметит,
Откроет, отучит и очеловечит.
Остары осиянный окоём,
Очерчен, отточен и озарён.

Александр АРИНУШКИН

Страж Севера

О Север! Пустынное царство льдов,
Страна тайги и камней.
Замерзнув, земля не хранит следов,
Не помнит, кто шел по ней.
Как спящее войско, угрюмый лес
Застыл, и чиста вода.
Лишь только укрытый Щитом Небес
Сумеет дойти сюда.
Забутые клады земля хранит,
Курганы внушают страх.
А древние боги ушли; они
Воют в других мирах.

О Север! Чертог ледяных ветров,
Твердыня для тех, кто тверд!
Вернется достойный твоих даров,
Чей посох в пути истерт,
Скиталец, чьи волосы — как снега,
Глаза — как озера гроз.
И не остановит его пурга,
И не обожжет мороз.
Хвала возлюбившему твой простор,
Вкусившему соль дорог.
Свой молот пришельцу оставил Тор,
А Хеймдаль — свой звонкий рог.
И Один оставил ему коня,
А Тир завещал копье.
«Валькирия! Ты подождешь меня?» –
Он спросит в сердце своем.
И воин услышит ответ, как гром:
«Я вечно героев жду».
Все стихнет, и лунное серебро
Запляшет огнем на льду

Пророчество

Как изменился лик Земли!
Мы лишь поем о великанах,
О тех героях, что ушли,
Оставив сталь свою в курганах.
Эпохи днями пронеслись,
Но знаю я: стоит донныне
Несокрушимый обелиск
На месте северной твердыни.
Чья вознесла его рука?
Мы, люди, помним слишком мало ...
А он пронзает облака,
Как меч из темного металла.
Сплетенье незнакомых рун
Хранит забытое преданье,
А он не гнется на ветру
И длит немое ожиданье.
Сквозь металлические сны
Мерцают сужденные сроки:
Он ждет падения Луны
И завершения эпохи.
Средь ослепительных снегов
Вознесся ввысь он величаво,
Как память Гибели Богов
И символ вечного Начала.

АРТ

▼ Sif

Frigg ▲

Художник: Aftakarok ©

Страничка художника:

<https://instagram.com/aftakarok?igshid=MzRlODBiNWFlZA==>

◀ Валькирия

Фригг ▶

Художник: Vindur ©

Страничка художника:
https://www.instagram.com/vindur_art?igsh=ZXRkN2V0OWdhMDIq

Гномы Севера

Мастер: Олеся Шмелева ©

Страничка мастера:
https://vk.com/gnom_severa

* * *

Снег выпал неожиданно, вмиг укрыв лес белоснежным облаком. И все его жители, тотчас побросавшие дела, умчались радоваться запоздавшей зиме.

И гном Звездочёт тоже вышел похрустеть снежком, однако у него была своя, особая и важная задача. Он сосредоточенно искал упавшие звёзды, мерцающие в холодном снегу.

Именно по ним гном высчитывает точное время наступления важнейших астрономических праздников, которых радостно ожидают все жители.

* * *

Всем известно, что рядом с гномом Растениеведом всегда можно встретить живого корешка Мандрагора. Это растение обладает магическими свойствами и высоко ценится в зельеварении.

Сопоставив эти два общеизвестных факта, рыжебородый гном Зельевар пришёл к простому выводу: надо выпросить у своего друга это замечательное корень. Сейчас никто не может сварить зелье из мандрагор, ведь последние почти исчезли. А тут такая удача — у Растениеведа целая оранжерея бесценных корешков.

Но друг не согласился отдавать своих живых глазастиков в качестве ингредиента. Что поделать, Зельевар отступил с просьбой, мудро рассудив, что дружба дороже приготовления очередного, пусть и очень желанного, зелья.

* * *

В высокой траве спешно шелестели торопливые шаги. Этот лесной житель очень не любил опаздывать, а сейчас именно это и происходило. То и дело поправляя съезжавшую ушанку и норковидшего ускользнуть ёжика, опаздывающий гном Радагаст торопливо пробирался в густых зарослях. И, подходя к назначенному месту, он заметил ветвистый шлем своего друга. Ну конечно, пунктуальный Ночной страж уже терпеливо его ожидал.

Ускорив шаг, Радагаст приветствовал товарища. И, сокрытые пышной зеленью, на старом пне тихо перешёптывались два гнома о только им ведомых тайных лесных делах.

* * *

В грозном небе стремительно проносились сверкающие молнии. Природа замерла, готовясь встретить сметающий ураган. Кто же этот бесстрашный храбрец, неподвижно созерцающий бурю? Это Эйнхерий. В его крылатом шлеме грозным отблеском мерцают тучи, а порывы северного ветра развевают лёгкий плащ и путают золотые пряди.

Твёрже стали характер этого защищённого броней и отвагой воина. Однако главное качество, за которое его непомерно уважают все гномы, — умение поселить в сердце мудрое бесстрашие перед грядущим, особенно когда оно кажется темнее чёрной тучи.

* * *

Есть гномы, которым больше нравятся светлые лесные полянки или прохлада густой лесной чащи. Некоторым же мил сердцу подгорный чертог. А есть Шаман. Этот таинственный гном предпочитает любые тёмные уголки леса.

Сегодня гномик отыскал лишь ему одному приглядную пещеру из опавших сосновых иголок. И не медля ни минуты, Шаман облачился в шерстяную накидку, взял посох с осколками перламутровых речных раковин и отправился в своё полное тайн исследование.

* * *

На солнечной лесной тропинке шелестят тихие шаги. Видимо, кто-то очень маленький, наслаждаясь шорохом каждого листочка,

неспешно гуляет по пожелтевшему лесу.

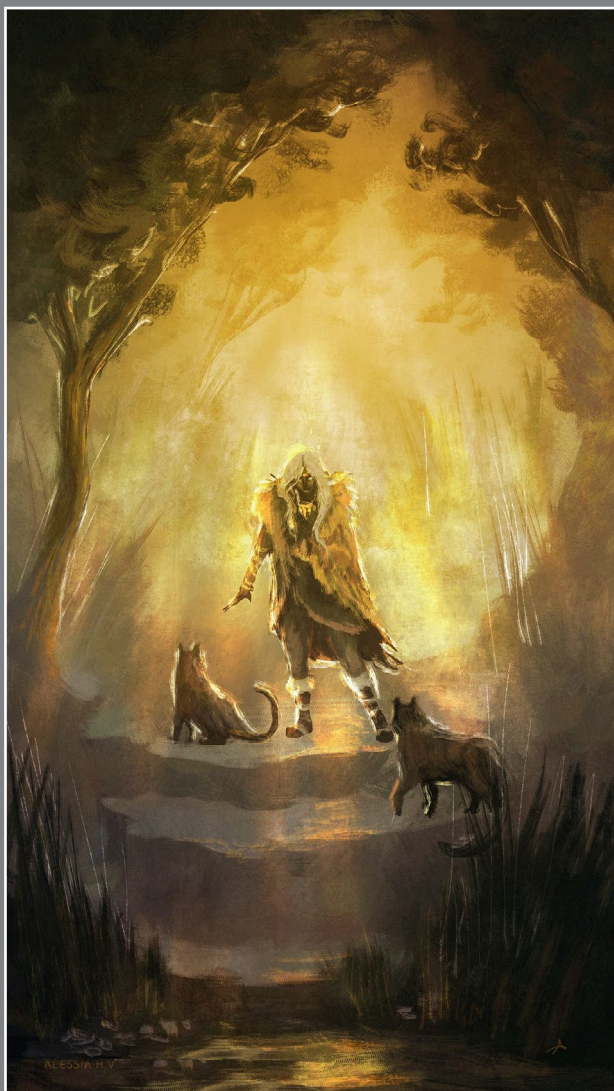
Этим неторопливым путешественником был не кто иной, как гном Жёлудь, возвращающийся домой с корзиной, полной полыхающей рябины.

Однако недолго гномик шёл в одиночестве. В сосновом лесу встретился ему Мухоморчик, разыскивающий какие-то ведомые одному ему грибы.

А пока друзья обсуждали свои лесные дела, подоспел третий их приятель — гном Радагаст. Даже несмотря на свой вечно неугомонный нрав, он решил остановиться и немного поболтать.

Наслаждаясь тёплыми солнечными лучами, пробивающимися сквозь сосновые ветки, добродушный Жёлудь призадумался: а вдруг это яркие ягоды рябины завлекли его друзей с ближайших лесных уголков? Долго не раздумывая, Жёлудь радостно разделил свои запасы с весёлыми друзьями. И хотя рябины в его корзине значительно поубавилось, она от этого показалась гному только вкуснее.

Freyja

Художник: Alessia H. Valastro ©

Страничка художника:
<https://www.artstation.com/alessiahv>